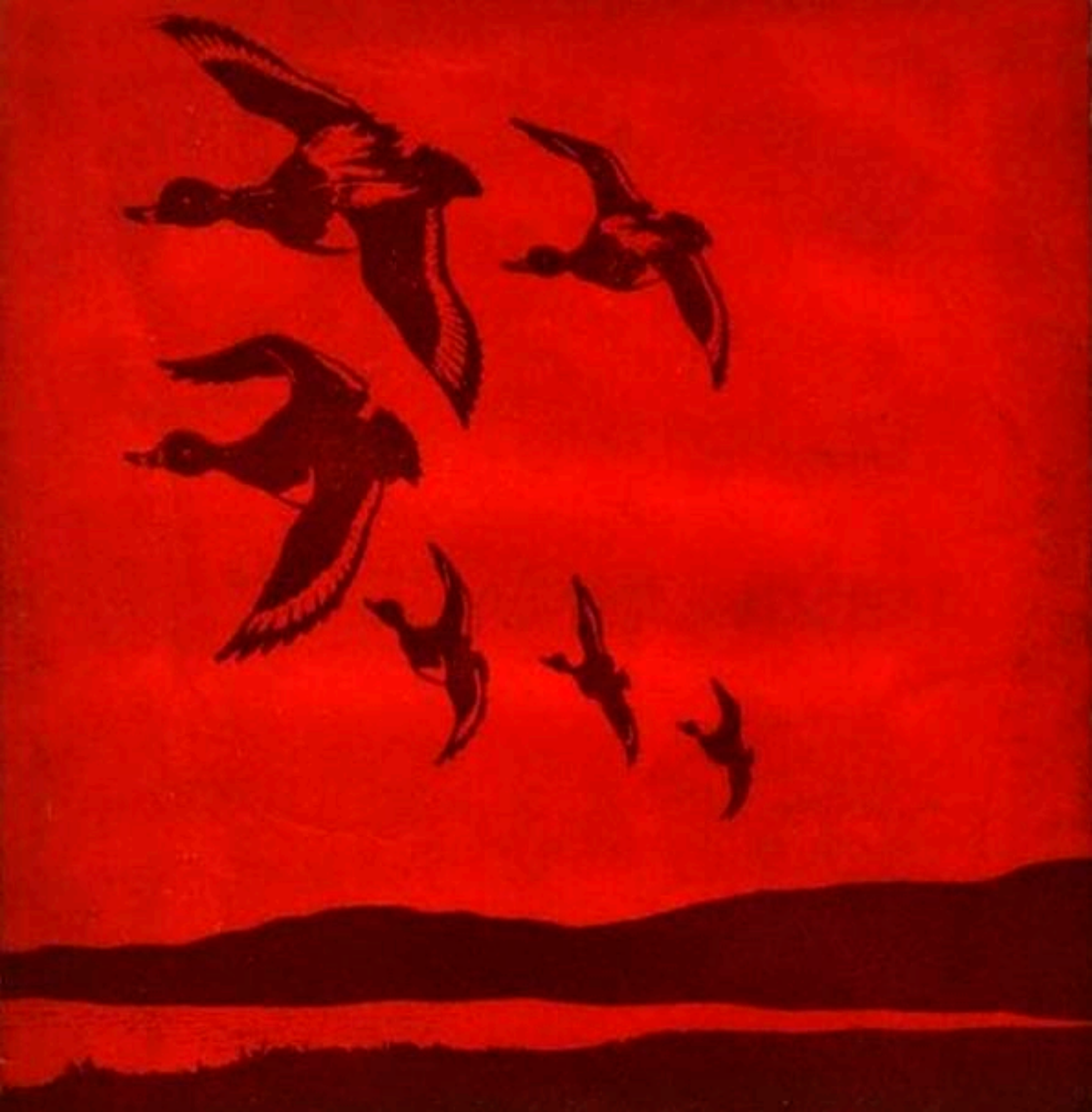

Я. С. РУСАНОВ

ВОДОПЛАВАЮЩАЯ ДИЧЬ

Я.С. РУСАНОВ

ВОДОПЛАВАЮЩАЯ ДИЧЬ

МОСКВА АГРОПРОМИЗДАТ 1987

ББК 47.1
Р88
УДК 598.4

Рецензент: канд. биол. наук Д.Н. Данилов

Русанов Я.С.
Р 88 Водоплавающая дичь. — М.: Агропромиздат, 1987. — 190 с.: ил.

Приведены все виды водоплавающей дичи, показан ее образ жизни, особенности поведения и биологии. Даны способы и порядок проведения охоты, регулирование сроков охоты, биотехнические мероприятия.

Для охотников, егерей.

Р $\frac{4001010000\text{-}003}{035\ (01)\text{-}87}$ 447-87 **ББК 47.1**

© ВО "Агропромиздат", 1987

СОДЕРЖАНИЕ:

- **Введение**
- **Глава I. Водоплавающая дичь**
  - **Настоящие, или речные, утки**
  - **Нырковые, или морские, утки**
  - **Гуси и казарки**
  - **Виды водоплавающих, запрещенные к добыче**
- **Глава II. Охота на водоплавающую дичь**
  - **Охотничья этика**
  - **Охота с подхода или подъезда**
  - **Охота подкарауливанием (на перелетах)**
  - **Охота подманиванием (с чучелами)**
  - **Весенняя охота**
- **Глава III. Регулирование охоты на водоплавающую дичь**
  - **Определение численности водоплавающих**
  - **Динамика численности водоплавающей дичи и определение допустимых норм охоты**
  - **Регулирование охоты**
- **Глава IV. Охотхозяйственная бонитировка местообитаний водоплавающей дичи**
  - **Типология водно-болотных угодий**
  - **Бонитировка местообитаний водоплавающей дичи**
- **Глава V. Биотехнические мероприятия при ведении охотничьего хозяйства на водоплавающую дичь**
  - **Улучшение условий обитания для водоплавающей дичи**
  - **Регулирование качественного состава популяций водоплавающей дичи**
  - **Искусственное увеличение численности дичи**
  - **Определение эффективности биотехнических мероприятий**
- **Глава VI. Снаряжение охотника**
  - **Охотничья лодка**
  - **Ружье**
  - **Прочие детали снаряжения**
- **Заключение**
- **Список литературы**

Введение

От северных побережий до южных границ Советского Союза, от Прибалтики и до Камчатки, везде, где есть текучие или стоячие воды, есть и утки. Именно с утками ассоциируются представления об охоте. Утки — главный и наиболее доступный объект охотничьих вожделений. Всему этому есть основания. Во-первых, представители утиного племени относительно многочисленны. Во-вторых, они часто попадаются на глаза и, следовательно, знакомы многим. В-третьих, точно известно, что искать их нужно у воды. В-четвертых, охота на уток возможна самыми разнообразными и зачастую примитивными способами: можно подкарауливать, подкрадываться, подманивать; стрелять влет или по сидящим птицам; использовать разнообразные и хитроумные приспособления и предметы охотничьего снаряжения; наконец, можно обойтись только ружьем и патронами.

Именно поэтому водоплавающая дичь является одним из популярнейших объектов охоты. Ее видовое разнообразие, широкое географическое распространение и сравнительно высокая численность ведут к тому, что различные виды уток добываются в том или ином количестве почти всеми охотниками и буквально по всей территории нашей страны. Ежегодно на территории Советского Союза добывают около 30 млн. водоплавающих птиц.

Охотнику прежде всего необходимо знать, что среди представителей водоплавающих имеются виды, подлежащие всемерной охране. Какая бы то ни было охота на них повсеместно и в любое время запрещена, а чтобы случайно не нарушить этого запрета, не сделать выстрела по заповедной птице или весной, когда разрешена охота только на селезней, не убить случайно подсевшую к шалашу самку и вместе с нею тот выводок, который она дала бы, нужно уметь распознавать этих птиц в природе. Практика показывает, что многие из охотников не в состоянии определить видовую принадлежность добытой им птицы. Они путают крякву с шилохвостью или серой уткой, гоголя с хохлатой чернетью и зачастую вообще с недоумением рассматривают упавшую после выстрела птицу, ограничиваясь констатацией того, что это большая или маленькая утка.

Что касается самой охоты на водоплавающих, то и здесь многие юридические ограничения, этические нормы и рациональные способы ее проведения для довольно широкого круга охотников до настоящего времени остаются в области непознанного. Видовое разнообразие разрешенных к добыче представителей водоплавающей дичи велико. Даже если не считать лысух, крохалей, гагар и поганок, оно исчисляется примерно 30 видами птиц. С некоторыми из них большинство охотников сталкиваются довольно редко, да и то лишь в отдельных регионах страны, но значительная их часть распространена достаточно широко. Все они являются перелетными птицами, проводящими лето и зиму в разных, расположенных иногда на тысячи километров друг от друга районах. Только отдельные ограниченные их популяции ведут местами более или менее оседлую жизнь. Для преобладающей массы водоплавающих типичны ежегодные перелеты весной к месту гнездовий, осенью — на зимовки. По своей видовой принадлежности, размерам, образу жизни и особенностям поведения водоплавающие достаточно четко подразделяются на группы настоящих или речных уток, нырковых уток, гусей и казарок. Лебедей, а также тех представителей водоплавающих уток, добыча которых полностью запрещена, мы рассмотрим дополнительно.

Глава I.
Водоплавающая дичь

Настоящие, или речные, утки

С настоящими, или речными, утками большинству охотников нашей страны приходится встречаться наиболее часто. Не только весной и осенью в период пролета, но и на протяжении всего лета распространены они почти по всей территории Советского Союза, заселяя самые разнообразные, но всегда более или менее заросшие и мелководные водоемы либо отдельные их части, отвечающие этим двум требованиям. Пристрастие к мелководьям и наличию зарослей водной растительности объясняется просто. Во-первых, речные утки сравнительно плохо ныряют, во всяком случае не так хорошо, чтобы таким способом спасаться от опасности. Они предпочитают прятаться. Во-вторых, по той же причине на воде они могут кормиться лишь там, где, опустив голову и шею, а то и почти все туловище под воду, в состоянии достать до дна. Кормиться ныряя, как это делают нырковые утки, бакланы или гагары, они не могут. Правда, весной и особенно осенью кряквы, шилохвости, чирки и им подобные часто садятся на совершенно чистые и глубокие плесы, но в периоды выращивания молодняка, линьки и в часы жировки они всегда придерживаются меляков, богатых водной растительностью. Многие из речных уток там, где это возможно, для кормежки вылетают на поля зерновых культур или площади солончаков. Там они проводят всю ночь, а если их не тревожат, то и значительную часть дня.

Различные виды настоящих уток возвращаются с зимовок в разные сроки: одни (кряква) — едва только появятся первые проталины и разливы талой воды на полях, другие (шилохвость) — после того как вешние воды полностью разольются и по солнцепекам начнут пробиваться зеленые всходы свежих трав. Вскоре после прилета птицы разбиваются на пары и самки приступают к устройству гнезд, а затем и к кладке.

Большинство орнитологов считают, что речные утки являются моногамами, т.е. птицами, образующими стойкие пары (по крайней мере, в период размножения) и хранящими друг другу верность. Указывается и на возможность ограниченной полигамии, когда самец в период спаривания имеет дело с несколькими самками. При избытке селезней и нехватке самок брачная стройность нарушается. В последние же годы нередко селезней водоплавающей дичи рассматривают чуть ли не как идеал супружеской верности и надежных стражей выбранного их подругами гнездового участка. На страницах некоторых орнитологических трудов говорится о том, как бдительно, например, селезень кряквы несет эту охрану. Обеспечивая неприкосновенность территории, необходимой для

благоденствия своего будущего выводка, он якобы беспощадно изгоняет с нее другие утиные пары, а особенно самок своего вида.

На самом деле, утверждения эти более чем сомнительны. Рассмотрим все это хотя бы на примере кряквы. Сотни лет осуществляется у нас весенняя охота с подсадной уткой, т.е. с прирученной самкой кряквы. Ежегодно десятки тысяч охотников выпускают ее на весенних разливах ручьев, рек и озер, в тех участках, где преимущественно держится водоплавающая дичь. Конечно, каждый из них не раз и не два высаживал свою подсадную на плесы, уже занятые какой-нибудь парой диких крякв. И что же? Видел ли хоть один охотник, чтобы матерый селезень, который якобы бдительно охраняет эту территорию главным образом от самок своего вида бросался на подсадную утку, бил и гнал ее с заповедного плеса? Никто никогда этого не видел, да и не увидит потому, что подобной ситуации не бывает. Зато бесчисленное количество охотников наблюдало за тем, как этот самый селезень немедленно начинает ухаживать за кряквой. Делает он это даже в тех случаях, когда при нем находится его собственная самка, от которой хорошая подсадная почти всегда его переманит. Да, селезень кряквы часто держится там, где утка, обманув его бдительность, вдруг исчезает, чтобы отложить очередное яйцо, но делает он это не ради охраны гнезда, а просто чтобы обнаружить никуда не улетавшую беглянку или дождаться ее возвращения. Любая холостая утка в это время его привлекает.

Есть разногласия и по вопросу отношения селезня к гнезду и кладке. Так, С.Т. Аксаков считал, что селезень почти всегда крайне агрессивен, т.е. разрушает гнездо и разбивает яйца. М.А. Мензбир писал, что в устройстве гнезда селезень не только не принимает никакого участия, но часто мешает утке*. В то же время А.В. Михеев** придерживается противоположного мнения — выбор места для гнезда и постройка последнего осуществляются и самцом, и самкой. Можно предположить, что все эти утверждения основаны на сравнительно небольшом количестве наблюдений. Обнаружить место, где пара крякв собирается строить гнездо и проследить, как указанное строительство осуществляется, — дело далеко не простое, и вряд ли оно удавалось часто. Длительные же наблюдения за подсадными утками в условиях их относительно вольного содержания показали, что в отношении селезня к гнезду, кладке и даже утятам очень много индивидуального. Отдельные птицы ведут себя здесь настолько по-разному, что сделать какой-либо общий вывод весьма затруднительно.

Так, из бывших под наблюдением 19 подсадных селезней 2 отличались крайне агрессивным поведением: обнаружив сидящую на гнезде утку, они немедленно бросались ее топтать, в результате чего имевшиеся в гнезде яйца оказывались частично подавленными, частично перемазанными содержимым побитых яиц; появившихся утят они беспощадно преследовали, хватали, трепали, окунали в воду, забивая таким образом многих из них до смерти (сберечь утят удалось, только убрав селезней в отсадок). 9 селезней своими назойливыми ухаживаниями также постоянно мешали уткам сделать и спокойно высидеть кладку. При этом их приставания были тем настойчивее, чем раньше самка пробовала загнездиться. Обычно получалось так, что первые 5—6 яиц гибли и только в конце апреля — начале мая, сменив два, а то и три гнезда, утке удавалось сохранить кладку и вывести потомство. Эти селезни никогда не преследовали утят, ограничиваясь отдельными и не очень злобными щипками.

Наконец, 7 селезней никогда не трогали своих уток, удалившихся на гнездо. Оставшись в одиночестве, они спокойно кормились или отдыхали в небольшом удалении от гнезда.

---

* Мензбир М.А. Птицы. С. Петербург, 1904—1909. 1230 с.

** Михеев А.В. Жизнь животных. М.: Наука, т. 5, 1970, с. 110—189.

К утятам они относились совершенно равнодушно. Только один селезень из 19 был настоящим семьянином. В устройстве гнезда он, правда, участия не принимал, т.е. его не строил, но, забравшись в какой-нибудь куст прошлогодней травы или бурьяна, топтался там на одном месте, уминал ямку и звал к себе утку. Когда же она подходила — уступал ей подготовленное место. Он никогда не трогал ее на гнезде, хотя постоянно стоял и сидел в каком-то метре от нее, а когда утка (на призыв подошедшего с кормом хозяина) оставляла кладку и спешила к корму — селезень старательно укрывал яйца пухом. Только выполнив это, он следовал за кряквой. В течение трех лет после вывода утят этот селезень выбирал себе одного птенца, водил его, находил ему корм и всячески опекал. Он даже вытаскивал любимое детище из-под матери, заталкивал его под себя и старательно согревал. Интересно, что избранником был не просто какой-то один, а всегда совершенно определенный утенок. К остальным его собратьям селезень относился благодушно, однако заботы о них не проявлял.

Обычно когда при селезне имеется не одна, а две-три утки, он значительно реже мешает им заниматься воспроизводством потомства. Тем не менее и в такой ситуации 6 из 19 селезней вели себя далеко не безупречно. Для многих представителей речных уток моногамия весьма условна, вызвана нехваткой самок. Какие-либо общие закономерности в отношении селезней к устройству гнезда, кладке и выводку отсутствуют.

На примере чирков (трескунка и свистунка) видно, что селезни их, даже на время потеряв свою самку, охотно ищут ей замену. Так, они быстро идут на манок, имитирующий весенний крик самки, и идут тем азартнее, чем большая часть уточек отбилась на гнезда. За хорошо сделанным чучелом чирковой самки они немедленно начинают ухаживать, принимая брачные позы, т.е. ведут себя так же, как селезни кряквы. Почти всем селезням многочисленных видов водоплавающих в одинаковой степени свойственны весенние гонки, т.е. коллективное преследование самки и другие особенности брачного поведения.

После того как самки закончат кладку и займутся ее высиживанием, селезни какое-то время ищут по угодьям еще не загнездившихся уток, но затем успокаиваются, сбиваются в группы и приступают к линьке. В связи с линькой они забираются в наиболее глухие и труднопроходимые (крепкие) места, иногда совершая перелеты за десятки и сотни километров. Из центральных областей нашей страны многие селезни на линьку отлетают в дельту р. Волги. В местах гнездовий линять остается сравнительно небольшая часть самцов. Здесь они также избирают самые густые заросли тростников, камышей и рогозов и делают это не даром, так как выпадение маховых перьев дней на 20 лишает их возможности полета и единственное их спасение в том, чтобы надежно спрятаться. Только на вечерних зорях выбираются они из своих укрытий на чистые плесы, но и тут далеко от крепей не отплывают. С приближением рассвета они вновь скрываются в чащах водной растительности. Тем временем самки, проведя за высиживанием кладок около четырех недель, выводят потомство и переводят его в наиболее пригодные для жизни части водоемов. Это не всегда бывает просто, так как нередко отступивший разлив оставляет гнезда в значительном удалении от воды и уткам с утятами приходится преодолевать иной раз 2—3 км, прежде чем добраться до родной стихии. Часть утят при этом погибнет и от 8—12 птенцов редко остается более 5—8. Места обитания выводков приурочены к

зарослям по мелководьям, но эти заросли совсем иного типа, чем те, которые служат прибежищем для линяющих селезней. В сплошных чащах тростников или рогозов еще слабым утятам пробраться трудно, и самки ведут их туда, где осоки, ежеголовка, вахта, белокрыльник и водяные хвощи чередуются с мелкими, затянутыми ряской и рдестами окнами и протоками, где есть укрытия и множество всякой водной живности, которой в первые дни жизни питаются птенцы. Здесь под бдительным присмотром утята быстро растут и оперяются, хотя способность к полету получают не скоро. Весь день они держатся среди куртин растительности, в затопленных кустах и кочках, а вечером выбираются на чистые плесы, где и проводят почти всю ночь. Обычно уже к началу июля большинство выводков поднимается на крыло и начинает на утренних и вечерних зорях совершать тренировочные полеты. Утки взлетают и, сделав пару кругов, всем выводком садятся туда же, откуда поднялись. Через некоторое время тренировки уступают место утренним и вечерним перелетам на ночную жировку в богатые кормом места и с жировки на дневку сперва туда, где выводки привыкли держаться, а затем и на более обширные и чистые водоемы. Здесь на открытых чистинах птицы объединяются с кончившими линять селезнями и утками, не имевшими выводков, и начинается предотлетное табунение, продолжающееся до тех пор, пока утки не отправятся к местам зимовок.

Концентрация уток и вообще дневное пребывание на чистых плесах — признак того, что они полностью окрепли (взрослые после линьки, молодые в ходе времени) и готовы к дальнейшим странствиям. Те из них, которые по тем или иным причинам еще не набрались сил, продолжают до поры до времени возвращаться на день в свои излюбленные крепи.

Сроки осеннего отлета у отдельных представителей группы речных уток, как и сроки весеннего появления в местах гнездовий, далеко не одинаковы. Одни отправляются к югу с первыми признаками осени. Они не ждут ни первых заморозков, ни появления ледяных заберегов. Едва леса начнут одеваться в осенние краски, как птицы пускаются в свой далекий путь. Таков, например, чирок-трескунок, которого на водоемах нашей средней полосы в сентябре обычно уже не встретишь, а в октябре не застанешь его и в таких южных районах, как дельта р. Волги. В отличие от него кряквы, шилохвости или чирки-свистунки покидают родные места только тогда, когда их вынудит к этому резкое похолодание, вызывающее замерзание водоемов. Но и тут они еще держатся на не скованных льдом быстринах и у поздно замерзающих ключей. На теплых полыньях возле гидроэлектростанций некоторые из них даже остаются зимовать, если, конечно, могут промыслить там какую-либо пищу. Большинство речных уток летят на юг не ходом, т.е. по возможности без остановок. Обогнав приближающиеся с севера холода, в подходящих угодьях они задерживаются иногда надолго, образуя на больших водоемах колоссальные, многотысячные скопления. В теплую зиму они вообще не улетают отсюда до весны; захваченные же стужей отлетают дальше.

Наиболее распространенными видами речных уток, несомненно, являются кряквы и чирки-свистунки, соответственно самые крупные и самые мелкие представители этой группы дичи. Встречаются они у нас от западных до восточных пределов Советского Союза и от тундр до южных границ страны (**рис. 1** и **2**).

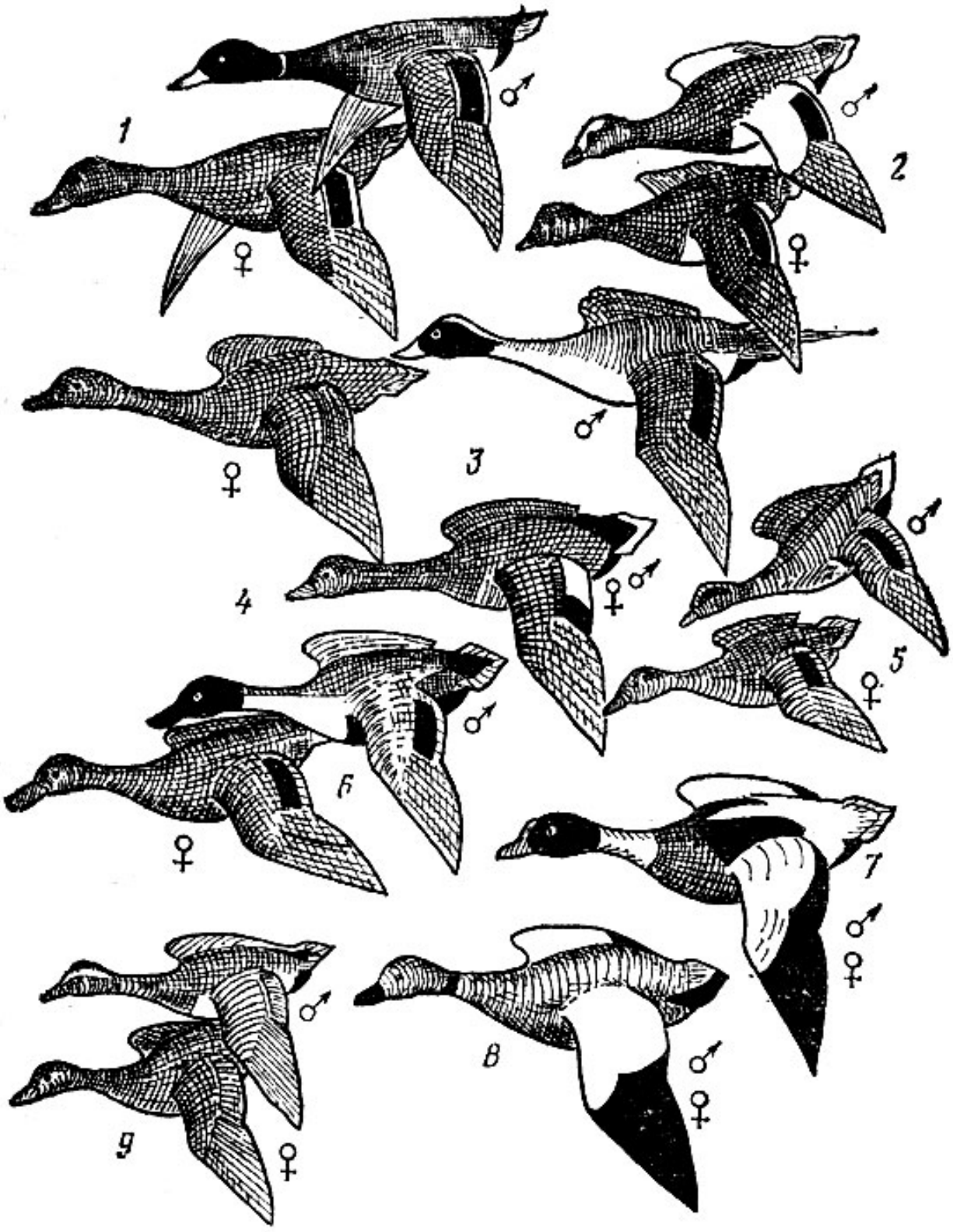

Рис. 1. *Птицы в полете:*
1 *— кряква (самец и самка),* ***2*** *— свиязь (самец и самка),* ***3*** *— шилохвость (самец и самка),* ***4*** *— серая утка (самец),* ***5*** *— чирок-свистунок (самец и самка),* ***6*** *— широконоска (самец и самка),* ***7*** *— пеганка,* ***8*** *— огарь,* ***9*** *— чирок-трескунок (самец и самка)*

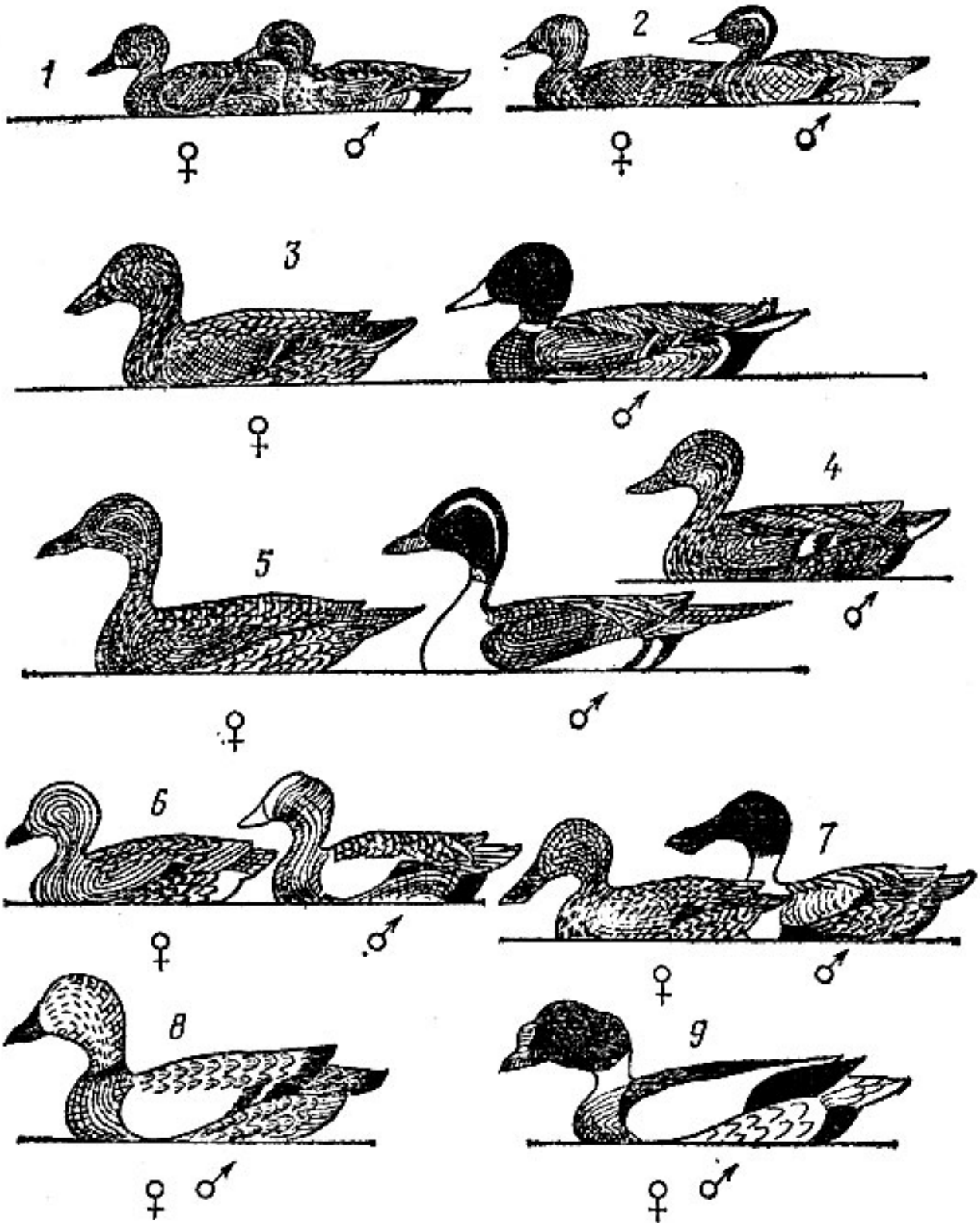

Рис. 2. *Птицы на воде:*
1 *— чирок-свистунок (самец и самка),* ***2*** *— чирок-трескунок (самец и самка),* ***3*** *— кряква (самец и самка),* ***4*** *— серая утка (самец),* ***5*** *— шилохвость (самец и самка),* ***6*** *— свиязь (самец и самка),* ***7*** *— широконоска (самец и самка),* ***8*** *— огарь,* ***9*** *— пеганка*

Кряква (матерая утка, матерка, крыжень) — Anas platyrhynchos. К условиям обитания неприхотлива. Гнездится и выращивает птенцов в угодьях самого различного характера и часто малых по площади. Кряква любит места, где среди зарослей осок и камышей, в чаще затопленных кустов или заболоченного леса есть отдельные окна чистой воды, тихие протоки и плесы, затянутые ряской и рдестами. Гнездо она обычно помещает на земле, но иногда устраивает его и в самых неожиданных местах: в старых сорочьих гнездах, дуплах, заломах древесных стволов и т.д.

Интересно, что эта, несомненно, самая осторожная, представительница утиного племени первая начинает осваивать водоемы пригородных лесопарков и городов. В последние годы кряква заселяет их весьма интенсивно, совершенно не боится двигающихся вокруг людей, гнездится иногда на крышах домов и вообще ведет себя так, словно видит в человеке не своего исконного преследователя, а некое безобидное существо, нередко обеспечивающее ее дополнительной пищей. Наблюдая это, нетрудно понять, почему именно кряква стала первым (из уток) объектом одомашнивания. Ни шилохвости, ни широконоски, ни даже простодушные чирки пока еще не освоили городские водоемы; кряквы же давно чувствуют себя на них как дома. Именно поэтому большинству из нас облик кряквы прекрасно знаком.

Самки кряквы, как и большинство самок речных уток, окрашены в буровато-рыжие и коричневато-серые тона с темным крапом — более крупным на верхней и мелким на нижней части тела (в дальнейшем к этому описанию мы будем добавлять лишь детали, типичные для каждого отдельного вида уток). Так, для самки кряквы и молодых птиц, а также линяющих самцов характерен рыжевато-охристый оттенок оперения, лилово-синие зеркала в крыльях, белые подкрылья, оранжевые лапы и довольно темный, с желтизной по краям, клюв. Что же касается селезня кряквы, то голова у него темно-зеленая, как и верхняя часть шеи, перехваченной белым ошейником; зоб и передняя часть груди шоколадно-коричневые. Надхвостье и подхвостье черные, а центральные рулевые перья хвоста закручены вверх. Остальное оперение буровато-серое на спине и беловато-серое на боках и брюхе. Лапы оранжевые, клюв оливково-зеленый. По его окрасу селезней легко отличать от уток начиная с месячного возраста.

Как уже говорилось, кряква — самая крупная из семьи настоящих уток. Даже молодые, только что начавшие летать, птицы весят обычно более килограмма. Взматеревшие, отъевшиеся к осени и зажиревшие кряквы нередко имеют массу вдвое большую. По размерам, характерной окраске и весьма типичным голосам этих уток легко отличить от их собратьев. Кряквы, особенно самки, — птицы горластые. Не только весной в период спаривания, но и на протяжении всего года их громкое, далеко слышное кряканье на зорях постоянно разносится над водоемами, веселя душу охотника. Утки скликаются, перед тем как покинуть место ночевки или дневки, кричат при виде пролетающих собратьев и при взлете, будучи кем-то напуганы. Селезни тоже не отличаются молчаливостью, но их сиплые, приглушенные голоса издали слышны плохо. Полет у кряквы быстрый и сильный, сопровождающийся хорошо слышным свистом рассекающих воздух крыльев. По нему даже в темноте можно распознать пролетающие стайки матерых.

Там, где за утками много охотятся, кряквы быстро становятся осторожными и недоверчивыми. Уже через 10 дней после начала охоты сидящая на открытой воде и заметившая охотника кряква редко подпускает его на расстояние выстрела. В сентябре — начале октября при своих дневных перемещениях по угодьям матерые никогда не налетают на открыто сидящего человека и старательно облетают стороной те кусты или куртины тростника, где заподозрят его присутствие. В целях безопасности свои путешествия с дневки на жировку и обратно птицы совершают обычно в полной темноте,

т.е. поздно вечером или до рассвета. Скрадок охотника, выделяющийся на местности, чучела недостаточно точно имитирующие фигуру и расцветку живых уток, даже яркий шнурок, на котором некоторые охотники выпускают весной подсадную утку, их настораживают и пугают. С мест, где водоплавающую дичь постоянно преследуют, кряквы первыми переселяются в места, закрытые для охоты, т.е. на территории заповедников, заказников, зеленых зон или в такие крепи, куда не скоро и заберешься. Потому-то, кроме начала сезона охоты, несмотря на свою многочисленность и широкое распространение, кряква не такой уж частый объект добычи: если допустить, что в угодьях одинаково часто встречаются кряквы и чирки, то в добыче охотников последних всегда будет значительно больше, чем первых. Закономерность эта многократно проверена. Так, в районе Окского государственного заповедника кряквы в природе составляли 66% всех учтенных уток, а в добыче охотников их доля не превышала 55%. На Горьковском водохранилище эти же показатели для кряквы соответственно составляли 66 и 45%. В лесостепной зоне Казахстана и районах Петропавловского Приишимья и Ишим-Тобольского водораздела удельный вес крякв в природе и добыче соответственно выражался такими показателями: 1970 г. — 30 и 13%; 1971 г. — 9 и 5%; 1972 г. — 10 и 3% и т.д. Иными словами, везде матерые встречались чаще, чем попадали под выстрел.

Прямо противоположная картина отмечается для чирков. В приокских угодьях они составляли всего 11% утиного населения, но 39% — из добытых уток; на Горьковском водохранилище — соответственно 5 и 16%; в Казахстане по годам — 21 и 46%, 12 и 27%, 13 и 34%. Объясняется это их доверчивостью и, как говорят охотники, «глупостью». Действительно *чирки* (*особенно свистунки* — Anas crecca) никак не могут похвастаться осторожностью. Прижившись на каком-либо месте, они, сколько бы их ни преследовали, долго не хотят расставаться со своим привычным пристанищем и постоянно туда возвращаются. Согнав с какого-либо плеса стайку этих птиц, можно быть совершенно уверенным, что они очень быстро на него вернутся, даже если по ним и стреляли. Мало этого, им далеко не сразу удается постигнуть опасность, связанную с приближением охотника, и они раз за разом позволяют подойти к себе на расстояние выстрела. То, что кряквы смекнут за какую-нибудь неделю, чирки освоят за месяц. На совершенно открыто стоящего охотника они часто налетают близко. Выделяющейся на местности засидки не боятся и даже к самым грубым, безобразным чучелам садятся спокойно. Нужно долго и упорно их преследовать, чтобы привить им хоть некоторую осторожность и подозрительность. Есть у них, правда, одна особенность, нередко спасающая их от покушений охотника — быстрота полета. Чирки, и опять-таки особенно свистунки, — признанные спринтеры. Скорость, которую они способны развить, просто удивительна — свыше 100 км/ч. Когда где-то рядом вихрем промчится чирковая стайка, слышно свистящее жужжание. Птицы все время поворачиваются в воздухе с боку на бок, и хотя полет их более или менее прямолинеен, попасть в них далеко не просто.

По типу заселяемых угодий чирки-свистунки, которых называют еще малыми чирками или ольшанчиками, поистине вездесущи. Где есть хоть какая-нибудь вода, там есть и они. Самые ничтожные, но не пересыхающие летом ручейки, речушки, канавки, пруды и карьеры торфоразработок служат им пристанищем. Возле них и почти всегда на земле устраивают свистунки свои гнезда. На них воспитывают потомство; только когда молодняк подрастет, самочки переводят его на более обширные воды. Освоению ольшанчиками самых крохотных, затерянных в высокоствольных лесах (главным образом в ольховниках) плесов помогает их способность взлетать и опускаться совершенно вертикально. Иной раз диву даешься, как сквозь узкий просвет в кронах высоченных ольх ухитряются они спарашютировать на какую-нибудь затянутую ряской лужу или столбом взлететь с нее при подходе охотника.

Отличительным признаком чирка-свистунка во все сезоны года является очень яркая изумрудно-зеленая окраска зеркал в крыльях. Селезня же в полном пере спутать с другими видами чирков вообще невозможно. Голова и верхняя часть шеи у него красновато-коричневые, но вокруг глаз расположены большие сине-зеленые пятна. Они оторочены узкой белой полосой и, сужаясь, спускаются до шеи. Верх тела серый, низ — светлый, с желтизной и ярким черным крапом по зобу. Клюв и лапы серые. Голос самки — высокое, нежное кряканье, голос самца — высокие отрывистые звуки.

Чирок-свистунок является одним из наиболее часто встречающихся и попадающих в ягдташ охотника представителей речных уток.

Чирок-трескунок (храпунок, или просто трескун) — Anas querquedula — ближайший собрат чирка-свистунка. Достаточно обычен, но все же попадается охотникам не столь часто. Во-первых, он гнездится преимущественно в средней полосе Европы и Азии и не залетает на север так далеко, как свистунок. Во-вторых, он более требователен к характеру местообитаний и держится лишь там, где водные угодья занимают относительно большие площади. Даже весной, когда вода, по сути дела, есть повсюду, он предпочитает более или менее обширные разливы. В-третьих, осенью он покидает угодья одним из первых, так как на зимовки отлетает рано. Полет его очень быстр, но все же не так стремителен, как у ольшанчика. По манере же поведения оба вида очень похожи друг на друга. Самки и еще не перелинявшие самцы трескунков внешне также похожи на свистунков. Главным отличием служит то, что у первых зеркала крыльев не зеленые, а имеют однотонный серый цвет, на котором выделяется только белая их окантовка. Голоса самок обоих видов для человеческого уха ничем не различимы друг от друга. Однако различия в них видимо все же есть, так как зачастую случается, что весной на один манок (видимо, в зависимости от того, как он звучит) идут преимущественно трескунки, на другой — ольшанчики. Крик селезня-трескунка слегка напоминает стрекотание сороки, только более высокое и мелодичное. В полном пере селезень издали кажется светло-голубовато-серым, хотя лоб, темя и затылок у него темно-бурые, а остальное оперение головы красновато-серое с ярко-белой узкой полосой, проходящей от глаз назад и вниз по шее. Зоб и передняя часть груди рыжевато-коричневые с мелким и частым черным крапом. В отличие от самки зеркала в крыльях у самца окрашены в матовый голубовато-зеленый цвет. Чирки некрупны, редко (особенно свистунки) достигают массы 0,4—0,5 кг и то лишь осенью, когда они бывают необыкновенно жирны. Тем не менее из-за трудности добычи и очень вкусного мяса они как объект добычи поздней осенью заслуживают высокой оценки. В начале же сезона они по-настоящему соблазняют охотников только там, где других уток мало или нет совсем. В таких местах каждый взятый чирок — радость.

Следующие 4 представителя водоплавающей дичи трудно разместить по степени их популярности. Шилохвость, серая утка, широконоска и свиязь в отдельных районах оспаривают тут друг у друга первенство. Поэтому начнем их описание в том порядке, в котором они поименованы.

Шилохвость — Anas acuta, местами называемая также востроxвосткой, полностью оправдывает свои названия. Средние рулевые перья хвоста у нее удлинены, жестки и у селезня в полном пере достигают длины 10 см и более, образуя «шило». Да и вся утка растянутая, длинная корпусом и шеей. Эта особенность помогает легко распознавать ее в полете даже издали. У самки в окраске преобладают серые и буроватые тона, клюв темный, лапы серые, вылинявший же селезень очень наряден. Голова у него темно-коричневая, причем с каждой стороны на нее от шеи заходит по узкой белой полосе. Верх тела буровато-серый, низ чисто-белый. Надхвостье и подхвостье черные. Зеркала в

крыльях ярко-зеленые с рыжей оторочкой. Клюв и лапы голубовато-серые. Издали летящая или сидящая на воде шилохвость прежде всего бросается в глаза своей белизной.

Распространена шилохвость очень широко. Ее гнездовья захватывают и северную и среднюю полосу Евразии от зоны тундр на севере до лесостепи на юге. Однако ее привлекают не все водоемы, а преимущественно те, что расположены среди открытых заболоченных, луговых или степных пространств и заросли относительно низкорослой прибрежной и водной растительности. Рек и озер, окруженных лесом, а также изобилующих тростниковыми крепями, шилохвость определенно не любит. Весной с зимовок прилетает она поздно, осенью же задерживается до заморозков. Голоса шилохвостей (хриплое, каркающее кряканье уток и похожее на голос селезня-свистунка, но более грубое трюканье самцов) на путях весеннего пролета водоплавающей дичи слышатся постоянно. Летом и осенью птицы молчаливы, и только утки при выводках часто дают голос, скликая утят или предупреждая их об опасности. Там, где шилохвости постоянно преследуются охотниками, они бывают довольно осторожны и уже в середине сезона редко подпускают на выстрел, особенно если сидят на чистой воде. В период же осеннего пролета птицы, подошедшие с северных просторов безлюдных тундр, очень доверчивы. Интересно, что шилохвость охотнее многих других речных уток подворачивает и садится к чучелам даже и не своего вида и никакой осторожности здесь обычно не проявляет. Шилохвостые селезни зачастую подсаживаются и к подсадной утке и даже пробуют за нею ухаживать. В природе бывают случаи спаривания шилохвости с кряквой и появления гибридного потомства.

Добычей охотников шилохвости становятся достаточно часто и, составляя, например, на Горьковском водохранилище 3,1% всех учтенных уток, дают до 9,2% добычи последних.

Во многих районах нашей страны, например в Западной Сибири, шилохвость добывают в очень больших количествах.

Серая утка (серуха, полу кряква, полуматерка, семенуха, перезень) — Anas strepera. Представляет собой довольно крупную птицу массой до 1,3, а иногда и до 1,5 кг. Селезень в зимнем пере весь серовато-бурый, покрытый (испещренный) темным крапом. Верхняя половина головы, шеи и туловища заметно темнее нижней. Подхвостье и надхвостье черные. Зеркала крыльев без металлического блеска, трехцветные (коричнево-бело-черные). Клюв темный, лапы желто-оранжевые с темными перепонками. В оперении самки больше серо-охристых тонов, зеркало у нее менее яркое и на клюве больше желтизны. Такую же окраску имеют молодые птицы и взрослые самцы в летнем пере. Подкрылья всегда белые.

Места гнездовий серой утки не заходят на север так далеко, как у кряквы или шилохвости. В основном они расположены в средней полосе Европы и Азии в лесостепной и степной зонах. Весной к местам гнездовий серая утка прилетает уже в разгар весны, а в середине сентября отправляется к зимовкам. Излюбленными стациями полукрякв являются камышистые озера и речные плесы среди широких луговых пойм. Лесных водоемов, как и шилохвость, серая утка избегает. Она очень часто держится вместе со скоплениями лысух, плавая среди них и временами пользуясь плодами их трудов, а именно вырывает у них из клювов добытую пищу. Весной и поздней осенью отличить серух от других видов речных уток несложно, так как только у них (не считая таких редких видов, как черная кряква) на расстоянии селезень окраской от самки не отличается. Голос самца похож на короткое, глухое карканье, голос самки — кряканье, но

более резкое и трескучее, чем у кряквы. Слышать его удается не так уж часто, так как серухи гораздо молчаливее матерых уток и только весной то и дело подают голос.

Широконоска (плутоноска, лопатоноска, соксун) — Anas clypeata. Заметно мельче шилохвости и тем более кряквы (до 0,9 кг). Название свое получила за большой сильно расширенный на конце клюв. Селезень в брачном наряде необыкновенно ярок. У него темная, почти черная с металлическим зелено-фиолетовым отливом голова, белоснежный зоб и ярко-коричневая грудь и брюшко. Кроющие перья крыльев серо-голубые. Зеркала зеленые с белой окантовкой. На плечах длинные белые и полосатые перья типа косиц. Поясница, надхвостье и подхвостье черные. Клюв почти черный, лапы оранжевые. Самка яркая — рыжевато-пестрая, с серыми крыльями и более тусклыми зеркалами. Клюв у нее темный с желтизной, лапы оранжевые. В такой же наряд одеты селезни в период линьки, а также молодые птицы.

Гнездовья широконоски приурочены к средней полосе Европы и Азии. В тундру заходит только в Северо-Восточной Европе. Места зимовок расположены на Британских о-вах, в южных районах Европы и Азии, на севере Африки.

Весной широконоски прилетают поздно, а отлетают, наоборот, раньше многих других уток. В природе отличить широконоску легко по ее крупному, расширенному на конце клюву и характерной расцветке селезней. Голоса селезней звучат как довольно громкое, отрывистое хоканье. Утка же коротко и хрипло покрякивает.

Широконоска — исконная обитательница илистых, сильно заросших тростниками, камышом и рогозами водоемов. Объясняется это тем, что из всех видов речных уток она наиболее всеядна, т.е. склонна питаться пищей преимущественно животного происхождения. На илистых, затянутых тиной и покрытых ряской плесах, у корней, образующих надводные заросли высокорастущих растений, всевозможной водной живности всегда бывает особенно много. С начала гнездования и до предотлетной концентрации на чистых водных пространствах широконоски упорно придерживаются вышеописанных местообитаний и сюда же прилетают на ночную жировку осенью. Их никогда не встретишь среди уток, посещающих поля зерновых культур, а вот на всевозможные мелководные лужи и пруды с истоптанными приходящим на водопой скотом берегами они вечером наведываются зачастую. Особой осторожностью широконоски не отличаются, но к чучелам подсаживаются охотно лишь в местах, отвечающих их требованиям к качеству угодий. Даже поздней осенью на дневке они концентрируются, хотя и на обширных, но обязательно глухих, илистых и окруженных зарослями мелководьях. В полете широконоска кажется довольно крупной за счет своего пышно-рыхлого оперения. Убитая же производит впечатление какой-то не плотности и дряблости, проявляющейся даже у полностью отъевшихся, совершенно заплывших желто-оранжевым жиром экземпляров.

Следующая представительница речных уток, а именно *свиязь* (свияга, свистун, суяз, белобрюшка) — Anas penelope является полной противоположностью широконоске. Это небольшая (до 1 кг) утка отличается очень плотным телосложением и гладким, отнюдь не рыхлым оперением. Клюв у нее очень короткий и высокий у основания, что хорошо заметно даже на расстоянии. Основное оперение самца очень красиво. Голова у него ржаво-рыжая с беловатым лбом и теменем. Зоб и передняя часть груди красно-серого цвета, живот белый, надхвостье и подхвостье черные. Спина и плечи серые с тонкими черными струйчатыми полосками. На крыле белые пятна и ярко-зеленые зеркала. Клюв и лапы серые. У уток, молодых и линяющих взрослых селезней окраска темно-бурая с еще более темными, а на боках — охристыми пестринами. Живот всегда остается белым, клюв

и лапы серыми. Свиязь широко заселяет северные части Европы и Азии, встречается от Исландии до Камчатки, на о. Сахалине и в Северо-Западной Монголии. Зимует в Западной Европе, Средиземноморье, на юге Азии и Японии. Весной в южные области гнездовий свиязи прилетают в апреле, в северные — в мае. Отлетают на зимовку уже с конца августа — начала сентября. Характерные признаки свиязи — короткоклювая, кажущаяся издали почти круглой голова, и белая окраска нижней части тела, сохраняющаяся и летом. Весной же, зимой и осенью у селезней хорошо видна белизна на крыльях. Голос селезня — тонкий, пронзительный свист. Самки издают звуки, напоминающие хриплое, дребезжащее карканье или покрякивание. Типичными для обитания свиязи являются озера и заливы, богатые водной растительностью, но отнюдь не камышистые или тростниковые. Мелкие плесы среди осок и ежеголовников, с обилием рдестов и других растений, с плавающими или погруженными листьями особенно привлекают свиязь. Открытые пространства чистой воды она использует только в период весеннего и осеннего пролетов. В это время иногда очень большие стаи свиязи держатся обособленно от других видов уток, встречаясь чаще на относительно бедных водоемах и, создавая иллюзию обилия на них дичи, вводят охотника в заблуждение: приближаясь к какому-либо озеру или плесу, он видит, как с них поднимаются сотни уток и решает, что данное место сулит ему великую охотничью удачу. Однако вся эта масса уток может быть просто задержавшейся на данном водоеме стаей свиязей, которые, улетев, больше сюда не вернутся.

Свиязь проводит лето главным образом в относительно малолюдных (северных) районах, поэтому не отличается особой осторожностью. Одиночные птицы и мелкие группы хорошо идут к чучелам, а во время пребывания на мелких заросших плесах обычно подпускают охотника на выстрел. На чистинах же подобраться к стаям свиязи трудно. Летает свиязь быстро, уступая в скорости, пожалуй, только чиркам, и стрельба по ней, следовательно, не так-то легка. В добыче охотников свиязи преобладают редко, хотя и встречаются достаточно часто.

Тем охотникам, которые постоянно или от случая к случаю охотятся в Восточной Сибири, хорошо знакомы еще два вида речных уток, а именно: касатка и чирок-клоктун.

Касатка — Anas folcata относительно мелкая утка, массой не более 0,8 кг. У полностью вылинявшего селезня голова и шея темно-коричневые с металлическим отливом. При этом перья на затылке удлинены и образуют хорошо заметный хохол. Подбородок и горло белые. Шея белая, перехваченная темным, зеленоватым кольцом. Спина, бока, зоб и грудь серые с черным струйчатым рисунком. Третьестепенные маховые перья крыльев удлинены и образуют свисающие со спины серпообразные косицы темно-синего цвета с белой оторочкой. Подбой крыльев белый, брюхо бело-черное, надхвостье и подхвостье черные. Клюв и лапы почти черные. У самки окраска темно-бурая, более светлая снизу, испещренная темными пятнами, хохла и косиц у нее нет. Встречается касатка на востоке — от Енисея до Тихого океана; на севере — до Камчатки; на юге — до Монголии и Маньчжурии. Однако в период осеннего пролета залетает и в более западные районы, например на Каспий. С зимовок касатки прилетают поздно (часто только в мае), а отлетают на зимовки рано — в конце августа — сентябре. Голос утки — громкое, хриплое кряканье, Самец издает довольно мелодичный свист, в конце дребезжащий. На расстоянии отличить касаток от других уток трудно, так как они часто держатся вместе с кряквами, шилохвостями и другими утками.

Чирок-клоктун — Anas formosa (моклок, гаганок, марадунка) — некрупная утка, массой до 0,6 кг. У селезня в полном пере голова черная, но по бокам на ней расположены большие бледно-охристые и темно-зеленые пятна, окаймленные узкими белыми

полосками. Зоб и верхняя часть груди розовато-серого цвета и покрыты темными пестринками. Брюшко белое, подхвостье черное. Верхняя часть туловища окрашена в серые тона с тонким черным струйчатым рисунком. Кроющие перья крыла белесые, зеркало зеленое. Клюв голубоватый, лапы зеленовато-серые. Уточка клоктуна (а также самцы в летнем пере и молодые птицы) вся серо-бурая с многочисленными темными пестринками. Зеркала у нее также зеленые.

Чирок-клоктун распространен в Северной Азии от Таймыра и среднего течения р. Ангары до Охотского моря. Область гнездовий доходит до лесотундр. Зимовки — в Индии, Южном Китае, Японии. Сроки прилета и отлета такие же, как у касатки. В полете, да и на воде клоктуны кажутся курбатыми и короткошеими. Голос самца — громкие, но глухие звуки. Голос самки — резкое хрипловатое кряканье.

Нырковые, или морские, утки

Первое название вполне заслуживают представители данной группы водоплавающих, так как оно отражает их великолепно развитую способность к нырянию, длительному пребыванию и быстрому перемещению под водой. Ныряя, они добывают корм, ныряя, спасаются от опасности. Уже в первые дни жизни их крохотные птенцы не нуждаются в укрытиях, создаваемых зарослями водных растений, а смело путешествуют по чистой воде, молниеносно исчезая в ней при появлении какой-либо опасности. Не только нелетные утята, но и взрослые птицы, увидев человека внезапно или услышав близкий выстрел, чаще всего сразу же ныряют и только потом поднимаются на крылья; причем скрываются они под водой настолько быстро, что посланный в них заряд зачастую не успевает достигнуть цели, поднимая брызги на том месте, где только что сидела птица. Многие охотники знают, как трудно дострелить легко зараненных гоголя, морянку или другого представителя ныркового племени. Выстрел за выстрелом оглашают окрестности, а дробь каждый раз ударяет по пустому месту, так как подранок успевает скрыться в родной стихии. Угадать, где он появится, очень трудно, поскольку, имея возможность пробыть под водой чуть ли не целую минуту, нырок за это время может отплыть далеко. Но даже и там, где размеры озера или наличие у охотника лодки мешают птице спастись от преследования, взять ее часто так и не удается.

Будучи в отличие от речных уток птицами преимущественно плотоядными, нырки мало связаны с мелководьями и придерживаются в основном относительно глубоких и открытых участков водоемов. Здесь они находят главную свою пищу: водных насекомых или личинок, моллюсков, мелкую рыбешку и т.д. На поля зерновых культур, в заболоченные кочкарники и участки прибрежных зарослей для жировки нырки не летают никогда

Название «морские» по отношению к этим уткам в значительной мере условно. Правда, некоторые из них гнездятся только на морских побережьях и большую часть времени проводят в море, многие держатся там в период зимовки и во время пролета, но большинство с таким же успехом живут, гнездятся и выращивают потомство просто на достаточно обширных, открытых и глубоководных пресных водоемах (**рис. 3** и **4**).

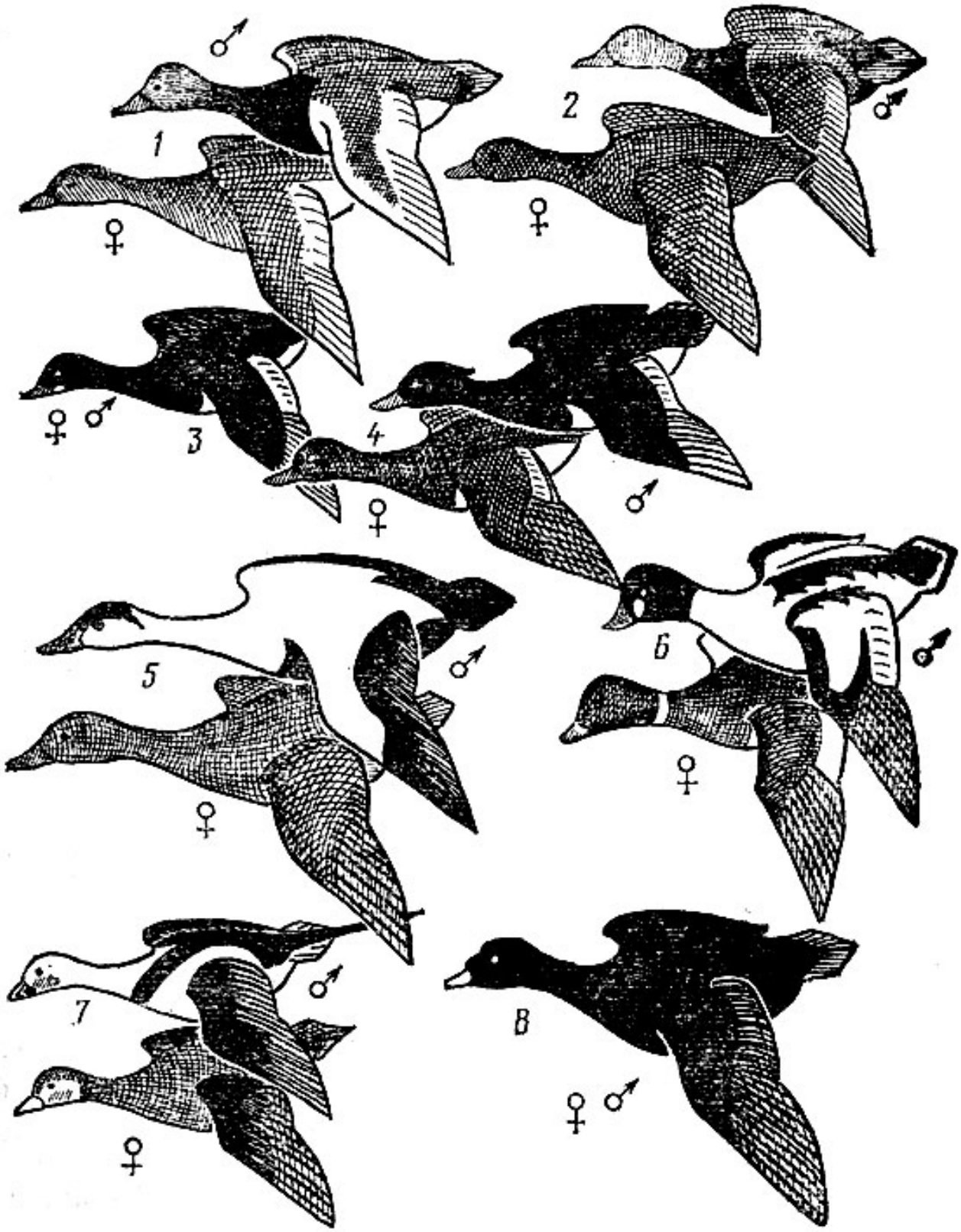

Рис. 3. *Птицы в полете:*
1 *— красноносый нырок (самец и самка),* ***2*** *— красноголовый нырок (самец и самка),* ***3*** *— белоглазый нырок,* ***4*** *— хохлатая чернеть (самец и самка),* ***5*** *— обыкновенная гага (самец и самка),* ***6*** *— гоголь (самец и самка),* ***7*** *— морянка (самец и самка),* ***8*** *— синьга*

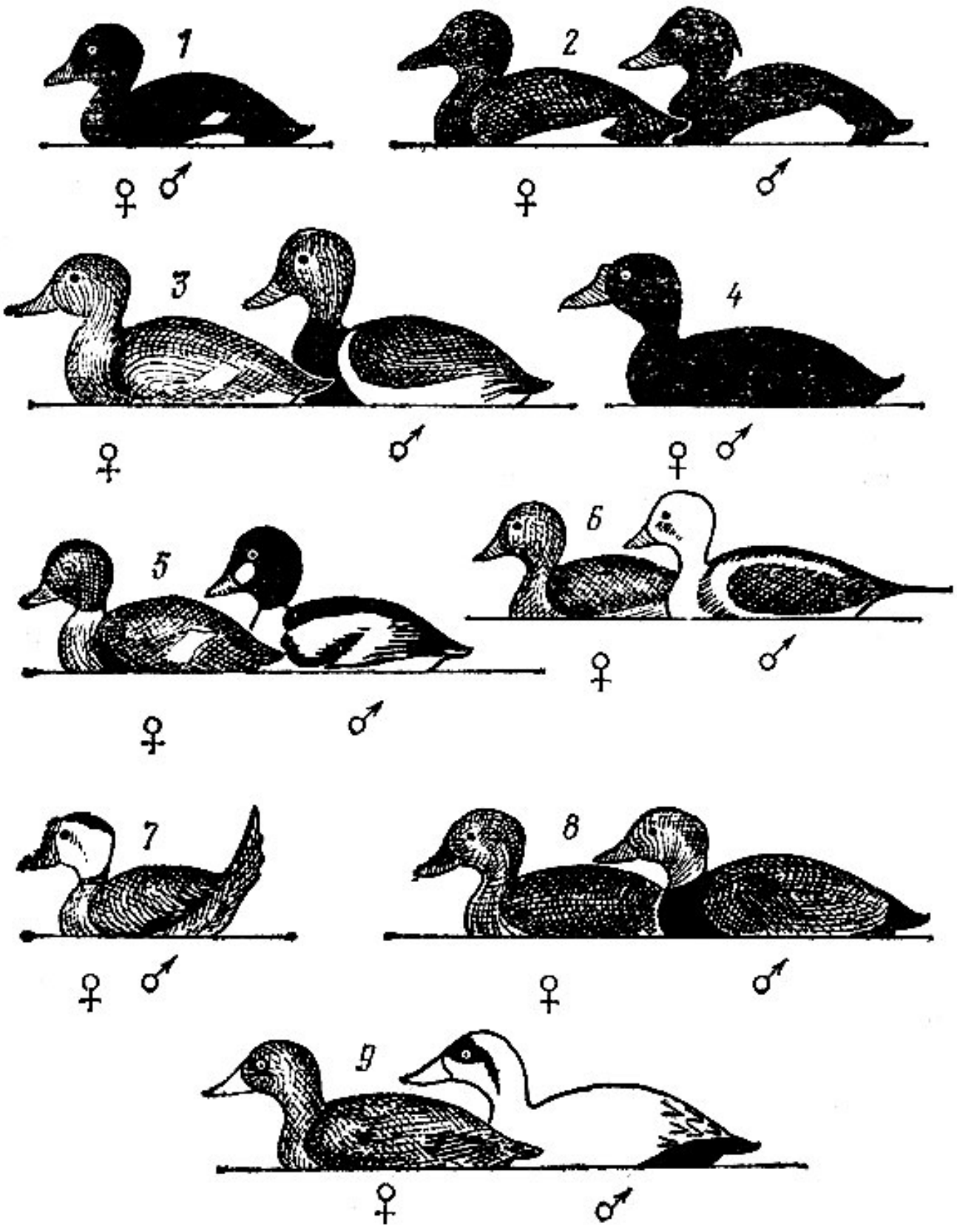

Рис. 4. *Птицы на воде:*
1 *— белоглазый нырок,* ***2*** *— хохлатая чернеть (самец и самка),* ***3*** *— красноносый нырок (самец и самка),* ***4*** *— синьга,* ***5*** *— гоголь (самец и самка),* ***6*** *— морянка (самец и самка),* ***7*** *— савка,* ***8*** *— красноголовый нырок (самец и самка),* ***9*** *— обыкновенная гага (самец и самка)*

Во внешнем облике всех нырковых уток есть много общего и совершенно несвойственного уткам речным. Прежде всего лапы у них в большей или меньшей степени отставлены назад, что облегчает плавание, но затрудняет ходьбу. На суше нырки выглядят довольно неуклюже и ходят переваливаясь, приподняв корпус почти вертикально. Удельный вес тела нырков больше, чем у речных уток, поэтому, плавая, они глубоко сидят на воде, так что их хвост касается ее поверхности, а не приподнят над нею. Они не так легко поднимаются в воздух и хотя полет их быстр, но обычно прямолинеен и не так виртуозен, как у их речных собратьев. Подняться с воды вертикально вверх без разбега или «колом» опуститься на воду, как это делают чирки или кряквы, нырковые утки не могут.

У отдельных видов перечисленные выше свойства выражены в разной степени: у одних (красноносый нырок) едва заметно, у других (синьга) очень сильно. По основным чертам биологии нырки мало отличаются от настоящих уток. На большей части своего ареала — это перелетные птицы, ежегодно совершающие далекие перемещения с мест гнездования к зимовке и обратно. В выводе и воспитании потомства самцы никакого участия не принимают, и можно предположить, что по отношению к самкам, кладкам и выводкам их поведение мало чем отличается от такового у селезней речных уток. Во всяком случае, часты случаи, когда несколько самцов постоянно преследуют одну самку. В течение всей весны одиночные самцы хорошо идут на подманивание и к чучелам.

Наиболее распространенный и многочисленный представитель нырковых уток — *хохлатая чернеть* (чернеть, чернуха, белобок) — Aythya fuligua. Это довольно крупная утка (до 1,2 кг), на гнездовье распространяется по всей Евразии к северу до южной полосы тундры, к югу — до севера Украины, низовьев р. Волги, Казахстана, Монголии и Забайкалья.

У селезня все оперение, кроме боков, брюшка и подкрылий, окрашенных в белый цвет, черное. На голове и зобе оно имеет металлический зелено-синий блеск. Удлиненные перья на затылке образуют свисающий на шею хохол. Клюв и лапы голубовато-серые. У самки черные тона, типичные для самца, заменены темно-бурыми. Зеркала в крыльях и у селезней и у уток белые. Глаза ярко-желтые. Хохлатая чернеть прилетает весной поздно (конец апреля — начало мая). Отлетает на зимовки в сентябре — октябре. Голос селезня напоминает тихое бульканье, голос самки похож на хриплое карканье. Держатся чернети на достаточно крупных и всегда открытых озерах и старицах рек, на пролете же встречаются на водоемах самого различного типа от взморий до русл сравнительно некрупных рек, прудов и озер. Отличить их на воде или в полете от других видов уток несложно — у плавающих селезней бросается в глаза их белобокость и заметен хохол на голове, у летящих птиц обращает на себя внимание контрастность черно-белого окраса.

Охотники и не без основания называют хохлатую чернеть птицей простой или глупой. Она не отличается особенной осторожностью, охотно подсаживается к самым примитивным чучелам и спокойно плавает среди них, как бы ни были безобразны эти подобия уток. Часто стая чернетей, из которой выстрелами выбита одна или несколько птиц, разворачивается, возвращаясь к своим упавшим собратьям, вновь налетая на охотника. Кроме того, чернети проявляют еще одну особенность поведения, очень облегчающую их добычу. Плавая на каком-либо водоеме в поисках пищи, они ныряют как по команде, потом выныривают и опять все сразу скрываются под водой. Если все это они проделывают недалеко от берега, охотнику ничего не стоит подойти к ним на расстояние выстрела, перебегая, когда птицы исчезают под водой, и замирая в неподвижности, когда они появляются на поверхности.

Очень распространенным представителем нырковых уток является *гоголь* — Bucephala clangula. Он заселяет большую часть лесной зоны Евразии, где нередко оказывается самым многочисленным видом водоплавающей дичи. На зиму отлетает к югу на побережье незамерзающих морей или на достаточно обширные пресноводные водоемы. Гнездится по рекам и озерам, берега которых покрыты лесом, причем лесом преимущественно старым, изобилующим дуплистыми деревьями. Дело в том, что в преобладающем большинстве случаев гоголь гнездится в дуплах, чем и объясняется его приверженность к лесным водоемам. Гоголь — птица довольно крупная (до 1,4 кг), короткошеяя, с большой головой и сравнительно коротким клювом. В брачном оперении селезень белый, за исключением черной головы, спины, крыльев и хвоста. У основания клюва под глазом имеет округлое белое пятно, белые зеркала в крыльях и белые маховые перья второго порядка. Клюв темный, лапы и глаза желтые. Самка темно-бурая сверху, белая снизу. Голова у нее темная буро-коричневая, зоб сероватый, на шее белый ошейник. И у селезней, и у уток нижняя поверхность крыльев темная, что хорошо заметно во время полета. Кроме того, летящие гоголи издают крыльями весьма своеобразный звенящий звук.

К местам гнездовий гоголи прилетают очень рано, когда среди еще не тронутой громады снегов появляются первые весенние лужи и полыньи на скованных льдом водоемах. Осенний отлет начинается в сентябре, но многие птицы задерживаются в местах гнездовий до появления льда.

Голос самки напоминает короткое каркающее кряканье голос же самца весьма своеобразен — птица каким-то пришептыванием как будто бы произносит слово «ефим».

Характерной особенностью гоголей является то, что их выводки очень быстро распадаются. Через неделю, после того как гоголята, точно пуховые шарики, спланируют из дупла, они уже не нуждаются в заботах матери и способны вести самостоятельную жизнь. Некоторая их часть обычно все же остается при утке, остальные же группами по три-четыре утенка существуют сами по себе. Гоголи не отличаются особенной осторожностью: довольно часто, даже в конце сезона, подпускают охотника на расстояние выстрела и хорошо идут к чучелам. Однако именно к ним в наиболее полной степени относится все то, о чем мы упоминали, касаясь вопроса о трудностях стрельбы и особенно достреливания зараненных нырков. Являясь прирожденными ныряльщиками, они с поразительным проворством ускользают от посылаемых в них зарядов и дострелить легко раненного гоголя — дело отнюдь не простое.

Тундру и северную часть таежной зоны Евразии в летний период заселяет третий представитель нырковых уток — *морская чернеть* — Aythya marila или, как ее еще называют охотники, чернь, или плесовка. По размерам она мало отличается от двух последних видов, внешние же признаки у нее другие. Голова, шея, грудь, надхвостье и подхвостье селезня черные. Спина светло-серая с узкими волнистыми темными полосками. Брюхо и бока белые. Оперение самки темно-бурое со светлым брюхом и светлой широкой полосой у основания клюва. Сам клюв и лапы обычно серые. У летящих плесовок хорошо заметна широкая белая полоса, проходящая вдоль заднего края крыльев.

Плесовки появляются в местах гнездовий в конце мая — начале июня. Они предпочитают обширные, преимущественно проточные, озера, богатые водной растительностью. Осенний отлет приходится на сентябрь — октябрь. Зимуют морские чернети на побережьях морей Атлантического и Тихого океанов, образуя местами громадные стаи. Как и все утки, гнездящиеся в малонаселенных северных районах нашей

страны, эти птицы довольно доверчивы и хорошо подворачивают и подсаживаются к чучелам, однако они все же не так простодушны, как хохлатые чернети.

К представителям нырковых уток следует отнести *морянку* — Glangula hyemalis. Это сравнительно некрупная птица (до 1 кг) гнездится по всей тундровой зоне от западных до восточных границ страны, заселяя имеющиеся там многочисленные озера. В период линьки, а также на зимовках иногда громадными стаями держится в море. Морянку местами называют кавыка, аулейка, саук, или савка. На севере она является одним из основных объектов охоты. Внешне морянка резко отличается от других видов нырков прежде всего своим ярким оранжево-красным клювом, темным только у основания и на самом конце, а также сильно удлиненными средними рулевыми перьями хвоста. У селезня в зимнем наряде голова, шея и вся нижняя часть тела белые. Остальное оперение черно-бурое с белыми отметинами на плечах и в хвосте. С каждой стороны на шее у селезня расположено округлое бурое пятно, плечевые перья удлинены и имеют белый цвет, два средних рулевых пера жесткие, нитевидные и гораздо длиннее остальных перьев хвоста. У самки хвост короткий, в окрасе больше белого и светло-бурого цвета. Глаза у птиц обоего пола красноватые, лапы серые.

Морянки появляются в местах гнездовий в мае — июне и, если озера еще не очистились от льда, держатся в море. Отлетают на юг в сентябре — октябре и зимуют у побережий морей Атлантического и Тихого океанов. Голос морянки очень громкий, доносчивый и совершенно не похож на голоса других уток. Поскольку птицы нередко держатся огромными стаями и отнюдь не отличаются молчаливостью (особенно весной), их гомон бывает весьма впечатляющим.

Морянки доверчивы, не пугливы, но так же, как гоголи, а возможно, и в еще большей степени, они трудны для добычи из-за своей способности моментально нырять, проводить под водой значительное время и быстро под ней перемещаться. Сидящую на воде морянку убить очень трудно, особенно если она видит охотника и может наблюдать за его действиями.

Выше перечислены те виды нырковых уток, с которыми большинству охотников приходится встречаться особенно часто. Объясняется это не только тем, что их представители достаточно многочисленны. Не меньшее значение здесь имеет то, что, проводя лето далеко на севере, они по пути с зимовок на гнездовья и обратно пересекают всю нашу страну, встречаясь таким образом почти повсеместно.

Такие же виды, как, например, красноголовый и красноносый нырки, численность которых никак нельзя назвать низкой в силу особенностей их территориального распространения, многим охотникам не встречаются совершенно.

Красноголовый нырок (красноголовик, красноголовая, или голубая чернеть) — Aythya ferina, хотя и распространен от западных (Прибалтика) до восточных границ Советского Союза, но не гнездится севернее границы лесной зоны. Зимует у нас на побережьях Черного, Каспийского и Азовского морей, а также на водоемах Средней Азии. Красноголовый нырок довольно крупная (до 1,3 кг), плотная, короткошеяя утка. У самца в зимнем оперении окраска туловища дымчато-серая со струйчатым темным узором. Зоб, надхвостье и подхвостье черные. Голова красновато-рыжая. Клюв темный с голубоватой широкой перевязью в средней части. Лапы серые. Глаза темные.

Самка окрашена в бурые тона разных оттенков более темных на голове и верхней стороне туловища. Зеркала в крыльях как у селезня, так и у утки отсутствуют. Голос

самца — тонкий мелодичный свист, голос самки напоминает какое-то хриплое карканье. В полете красноголовые нырки кажутся однотонно-серыми. Детали их окраса хорошо заметны лишь на близком расстоянии. Весной к местам гнездовий голубые чернети прилетают поздно, обычно после того, как полностью установится теплая погода. Излюбленными местами их пребывания являются большие чистые озера с густыми прибрежными зарослями тростника, камыша и рогозов. В этих крепях самки устраивают гнезда и в первые дни после вывода птенцов держатся с выводками у их границ. Селезни собираются для линьки на обширных чистых плесах озер или рек, к берегам предпочитают близко не подплывать, если только к этому их не вынуждает недостаток кормов на открытой воде. Самки и подросший молодняк обычно уже в августе присоединяются к самцам и начинают явно избегать прибрежных зарослей.

Красноголовые нырки довольно осторожны, редко подпускают охотника на расстояние выстрела и редко близко налетают на замеченного человека. К чучелам своего вида подлетают и подсаживаются охотно как весной, так и осенью. С воды поднимаются легко, летают быстро, а вот в искусстве ныряния явно уступают морянкам, гоголям и даже чернетям. В своих нырковых способностях красноголовик, пожалуй, превосходит только красноносого нырка.

Красноносый нырок (краснобаю, афганка) — Netta rufina. Эта крупная (до 1,5 кг) птица занимает как бы промежуточное положение между настоящими и нырковыми утками. Она, как и первые, легко и охотно летает, часто кормится на мелководьях и даже на суше, но ныряет гораздо хуже остальных представителей ныркового племени. В пределах СССР ареал ее ограничен низовьями Волги, степными районами Казахстана, Западной Сибири и Средней Азии. Изредка гнездится на юге Украины и в Закавказье. Зимует на юге Европы, Восточной Азии и в Северной Африке. Таким образом, она является объектом добычи только для тех охотников, которые живут в южных областях нашей страны или выезжают туда для охоты.

Селезень в брачном пере имеет рыжую голову, черные грудь и живот, бурую спину и беловато-серые бока. Клюв у него ярко-красный. Оперение самки темнее, чем у самца, а клюв не столько красного, сколько коричневого цвета. Зеркал в крыльях нет ни у селезня, ни у утки. Голос первого — негромкий свист, голос второй похож на такой же у утки красноголовика — хриплое, отрывистое керханье. Крупные размеры и характерная окраска позволяют распознать этих птиц без большого труда даже издали.

Весной краснобаши прилетают к местам гнездовий не рано и придерживаются тростниковых, но преимущественно глубоководных и изобилующих чистыми плесами озер. Как и у красноголовика, самки с выводками держатся среди зарослей высокой водной растительности и только после того как молодняк взматереет, птицы переселяются на открытые части водоемов, туда, где все лето проводили линявшие селезни. Ближе к осени красноносые нырки объединяются иногда в очень большие стаи и обычно к концу октября отлетают к местам зимовки. От других видов нырков краснобаши держатся обособленно, редко образуя с ними смешанные стаи. К чучелам подлетают и подсаживаются редко.

От Кольского п-ова и на восток до р. Лены на достаточно обширных водоемах тундры и лесотундры гнездится еще один вид нырковых уток — *синьга* (черный турпан, черная утка, свистун) — Melanitta nigra. Несмотря на довольно широкое распространение, эта крупная (до 1,6 кг) утка не так уж часто становится добычей охотников, так как многочисленной она нигде не бывает. Оперение самца сплошь черное, на сильно вздутом у основания клюве имеется желтое пятно. Самка окрашена в темно-бурые тона с

сероватыми щеками и более светлым низом тела. Вздутия, как и желтого пятна, на клюве у нее нет. Зеркала в крыльях у птиц обоего пола отсутствуют. К гнездованию синьги приступают поздно, обычно не раньше июня, придерживаясь тундровых озер, рек, а иногда и морских побережий. Зимуют главным образом в Северном и Балтийском морях, на юг залетает значительно реже. Как и хохлатая чернеть, синьга слывет у охотников птицей глупой, поскольку часто подпускает к себе человека и подлетает к нему близко, очень охотно садится к чучелам и даже повторно возвращается к ним после того, как по ней стреляли.

По распространению, образу жизни и поведению к синьге очень близок *турпан* — Melanitta fusca. Ареал его захватывает тундровую и лесотундровую зоны не только до р. Лены, но и дальше на восток. От синьги он отличается белыми зеркалами в крыльях и наличием белого пятна с каждой стороны головы у основания клюва.

В Северо-Восточной Сибири встречается тихоокеанская синьга, а на Командорских о-вах — пестрый или красноклювый турпан. И та и другой по образу жизни мало отличаются от синьги, но добычей охотников становятся значительно реже.

К самым мелким представителям нырковых уток (до 0,6—0,8 кг) относятся три вида: белоглазый нырок, нырок Бера и каменушка.

Белоглазый нырок — Aythya nyroca, которого местами называют белоглазкой, или чернушкой, на гнездовьях встречается на Украине и в южной части Белоруссии, в Предкавказье, Среднем Поволжье и Средней Азии. На востоке северная граница его ареала доходит до верховьев рек Тобола, Ишима и Черного Иртыша. Зимует у берегов Черного, Средиземного и Каспийского морей. В нашей стране этот вид по-настоящему многочислен только на водоемах Средней Азии.

Нырок Бера — Aythya baeri, именуемый нередко восточным белоглазым нырком, встречается у нас только на востоке в бассейне р. Амура.

Каменушка — Histriconicus hist riconicus в СССР распространена летом только в Северо-Восточной Сибири и зимует у тихоокеанских побережий на юге от мест гнездовий.

Внешне белоглазый нырок и нырок Бера похожи друг на друга. Основная разница между ними заключается в том, что у самца белоглазика голова, шея, грудь и бока темно-коричневые, а у нырка Бера — черные с металлическим зеленым отливом. Низ тела и зеркала в крыльях у обоих видов белые (у белоглазого нырка, кроме того, имеется белое пятно на подбородке), остальное оперение темно-бурое. Самки окрашены в более бледные тона. Радужина глаз у самцов и у самок белая. Оба вида в пределах своих ареалов заселяют достаточно глубокие и обязательно заросшие тростником озера.

У селезня-каменушки оперение темное с ржаво-рыжими боками, белым пятном перед глазом, белым ошейником, белыми пятнами и полосками по бокам головы и на туловище. Оперение самки темное с белыми отметинами на голове. Излюбленными местами летнего обитания каменушки являются горные реки, зимнего — морские заливы и бухты у каменистых, скальных берегов, где птицы легко плавают и ныряют даже в полосе прибоя.

Заканчивая описание нырковых уток, нельзя обойти молчанием род крохалей, представленный в нашей стране тремя видами. От ранее описанных видов все они прежде

всего отличаются строением клюва. Клюв у крохалей узкий, сжатый с боков и покрыт по краям острыми роговыми зубцами.

Самым крупным (до 2 кг), как и следует из его названия, является *большой крохаль* — Mergus merganser. В СССР его ареал охватывает большую часть европейской и азиатской лесной зоны и горные равнины Средней Азии. Гнездится большой крохаль почти исключительно на горных реках и проточных озерах, богатых рыбой. Вне горных ландшафтов летом встречается редко. Зимует у побережий Атлантического и Тихого океанов, Черного и Каспийского морей.

Весенний прилет к местам гнездовий обычно совпадает с появлением полыней и началом ледохода. На зимовки отлетает поздно, как правило, с началом замерзания водоемов (октябрь — ноябрь).

Свои гнезда крохаль чаще всего устраивает в дуплах прибрежных деревьев и трещинах береговых скал, но иногда гнездится в постройках человека, а то и просто на земле. Эти птицы легко и быстро летают, прекрасно плавают, а по способностям к нырянию не уступают ни морянке, ни гоголю.

Селезень большого крохаля в брачном наряде имеет черные голову, верхнюю часть шеи, верхнюю часть спины, первостепенные маховые и плечевые перья. Голова украшена хохлом и оперение ее с ярким зеленоватым блеском. Нижняя часть спины и хвост серые. Все остальное оперение белое с розоватым оттенком на груди. Клюв ярко-красный, лапы оранжевые. У самки черные тона заменены рыжевато-бурыми.

Длинноносый крохаль — Mergus serrator заметно меньше большого крохаля и хотя в целом напоминает последнего окраской, все же отличается от него тем, что нижняя часть шеи и зоб у селезня рыжеватые с черными черточками, а белые перья на боках груди окаймлены черной полосой. Гнездится он по всей зоне тундры и леса Евразии.

Наконец, самый мелкий из крохалей — *луток* — Mergus albellus, гнездящийся по всей лесной зоне нашей страны от ее западных границ и до о. Сахалина.

У селезня лутка оперение преимущественно белое. На затылке и с каждой стороны головы черные пятна. Черные, бурые и серые отметины имеются и по всей верхней стороне тела. Перья на голове образуют небольшой хохол, радужина глаз красная, клюв черный и недлинный, лапы серые. У самки и у молодых или еще не перелинявших самцов голова и спина красновато-бурые и хохла на голове нет.

Как уже говорилось, обычные представители крохалей в нашей стране бывают многочисленны лишь местами — на излюбленных ими водоемах. Добычей охотников они становятся не так уж часто, хотя особой осторожностью не отличаются.

Лутки очень охотно подсаживаются к чучелам. Популярностью у большинства охотников они не пользуются, вероятно, потому, что мясо их сильно пахнет рыбой.

По образу жизни и повадкам все рассмотренные виды мало отличаются друг от друга, и только в период гнездования отдают предпочтение угодьям того или иного типа.

Гуси и казарки

Большинство охотников весной и осенью слышат где-то в поднебесье гусиное гоготание и провожают глазами высоко летящие стройные треугольники крупнейших представителей нашей водоплавающей дичи. Тех же, кому приходилось охотиться на гусей и казарок, кому выпадало счастье после удачного выстрела держать в руках тяжеловесную, длинношеюю птицу и любоваться необыкновенной красотой ее скромного на первый взгляд оперения, наоборот, сравнительно немного (**рис. 5** и **6**).

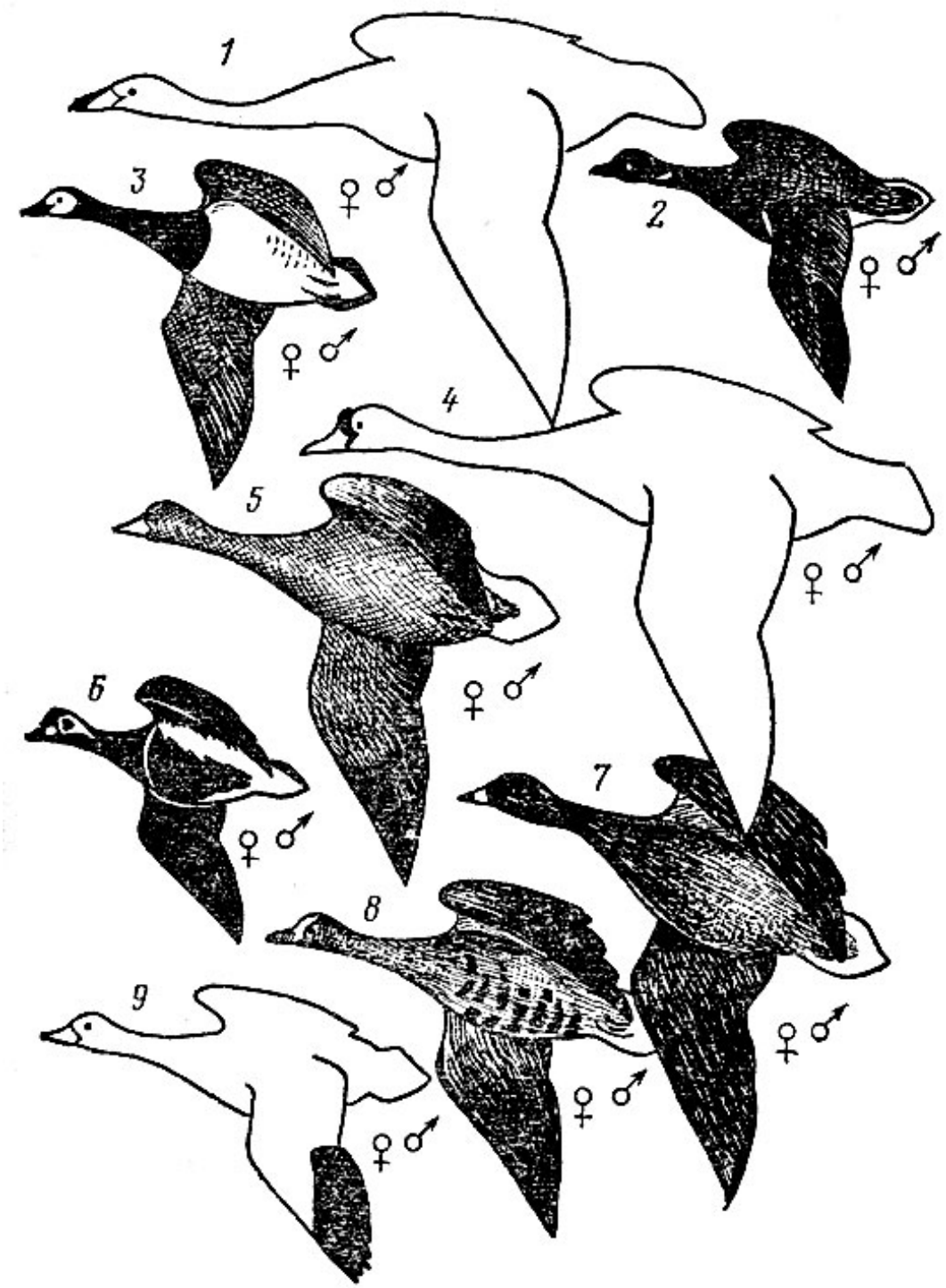

Рис. 5. *Птицы в полете:*
1 *— лебедь-кликун,* ***2*** *— черная казарка,* ***3*** *— белощекая казарка,* ***4*** *— лебедь-шипун,* ***5*** *— серый гусь,* ***6*** *— краснозобая казарка,* ***7*** *— гусь-гуменник,* ***8*** *— белолобый гусь,* ***9*** *— белый гусь*

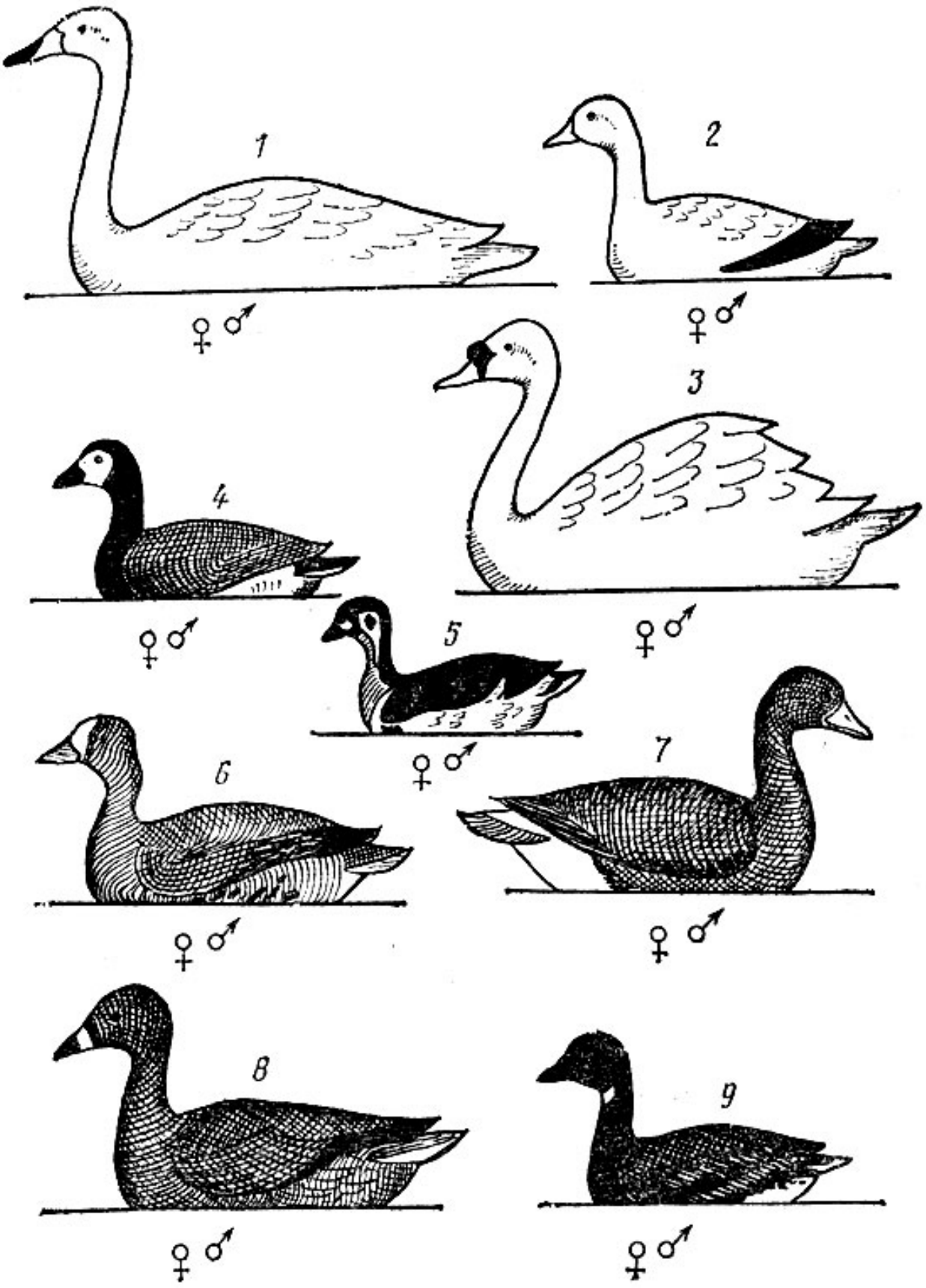

Рис. 6. *Птицы на воде:*
1 *— лебедь-кликун,* ***2*** *— белый гусь,* ***3*** *— лебедь-шипун,* ***4*** *— белощекая казарка,* ***5*** *— краснозобая казарка,* ***6*** *— белолобый гусь, 7 — серый гусь,* ***8*** *— гусь-гуменник,* ***9*** *— черная казарка*

Но еще меньше тех, кто в состоянии правильно определить видовую принадлежность дорогой добычи. Хотя гусей и казарок, являющихся объектами охоты, в нашей стране имеется всего 5 видов, большинство охотников знают их плохо и не только на расстоянии, но и держа в руках не умеют распознавать отдельные виды. Это недопустимо особенно потому, что именно среди гусей и казарок имеются виды, запрещенные к добыче.

Свое описание мы начнем с *серого гуся* — Anser anser. Он не самый многочисленный, но наиболее крупный представитель гусиного племени (до 6 кг). Серый гусь в СССР гнездится в основном в Волжско-Уральских степях, Западной Сибири и Казахстане, где он еще достаточно многочислен. На запад от р. Волги встречается в гораздо меньших количествах. В пределах Советского Союза зимует на Черном и Каспийском морях, а также в Средней Азии.

Общий тон оперения серого гуся белесовато-серый: более темный, буроватый на спине и светло-пепельный на нижней части тела. Надхвостье и подхвостье белые. Маховые перья темно-серые. На груди и передней части брюха у взрослых птиц, особенно у гусаков, имеется много беспорядочно расположенных черных пятен. Клюв бледно-телесного цвета, лапы бледные, лиловато-розовые. Различий в оперении самца и самки практически нет, но первый всегда крупнее. Весной серые гуси небольшими, а иногда и довольно многочисленными стаями появляются у нас рано — в марте и апреле. Осенний пролет в зависимости от условий погоды приходится на период с конца сентября и до начала ноября (в северных областях раньше, в южных — позже).

Северная граница ареала рассматриваемого вида доходит примерно до Полярного круга.

Второй и, пожалуй, не менее многочисленный вид гусей — *гусь-гуменник* — Anser fabalis заходит на север значительно дальше. В европейской части Советского Союза он гнездится только в северных тундрах, по берегам и островам северных морей. В Сибири его гнездовья встречаются от полосы тундр на юг до Алтая и Монголии. Зимует у побережий Западной Европы, Средиземного и Черного морей, берегов Японии и в юго-восточных районах Китая. В зависимости от географического положения того или иного района гуменники прилетают к нам весной в конце апреля — начале мая или же в конце мая — начале июня. Как и серые гуси, появляются они стаями, но, по-видимому, уже разбившись на пары. Осенний отлет начинается с сентября.

Отличить гуменника от других видов гусей легко прежде всего по очень характерной окраске клюва. На конце и у основания клюв имеет темный цвет, средняя же его часть — красновато-телесная или оранжевая. Клюв точно опоясан этим довольно широким ярким кольцом.

Оперение гуменника гораздо темнее, чем серого гуся, В нем преобладают темно-бурые и серовато-коричневые тона. Окантовка крыльев (маховые перья) почти черная, что хорошо заметно даже издали. По размерам гуменник немного мельче серого гуся, и масса его редко достигает 4—5 кг.

Значительно мельче *гусь белолобый* (белолобик) — Anser albifrons, которого часто называют еще большой белолобой казаркой. Белолобик массой в 3—3,5 кг считается уже очень крупным. Гнездится этот вид исключительно в зоне тундр от п-ова Канин и до Чукотки включительно. Зимует на юге Европы, в Средней Азии, Индии, Китае, Корее и Японии.

Весной к местам гнездования прилетает позже, а осенью отлетает раньше гуменника. Появляются птицы, как правило, небольшими стайками в 10—12 особей. Зато осенью образуют значительные стаи. По общей численности белолобик среди других гусей, несомненно, занимает первое место.

Внешние признаки гуся белолобого таковы. Окраска оперения тускло-серая, сверху темнее, чем снизу, но на брюхе (особенно у гусаков) много мелких черных пятен. Лоб белый, клюв и лапы красновато-оранжевые. И от серого гуся и от гуменника белолобика можно легко отличить по голосу. Его крик — это не всем нам знакомое гусиное гоготанье, как у двух первых видов: он много резче и выше по тону.

По внешнему облику на белолобого гуся очень похожа малая или *белолобая казарка* — Anser erythropus, которую за ее пискливый, визжащий крик называют пискулькой. Окрашена она так же, как белолобик, но заметно мельче его (до 2,5 кг) и более острокрыла. Кроме того, белое пятно у нее на лбу захватывает и темя. В полете эти птицы редко придерживаются определенного строя, летят просто стаей, не образуя ни четкой линии, ни угла. Ареал пискульки тот же, что и у гуся белолобого, т.е. гнездовья расположены в тундрах Европы и Азии, зимовья — на Балканском п-ове, в Закавказье, на Каспии, у берегов Японии, Китая и Кореи. Сроки прилета и отлета совпадают с такими же у белолобика, однако пискулька далеко не так многочисленна.

Вот те виды гусей и казарок, на которые охота у нас разрешается более или менее повсеместно. Правда, как уже говорилось, добывают этих птиц далеко не все охотники. На северо-западе нашей страны таких счастливцев имеется всего 5%, на Северном Кавказе — 7, в районе Урала — 18 и в Западной Сибири — 10% всех охотников. Соответственно на одного охотника в этих районах приходится 0,13; 0,21; 0,5 и 0,3 особи убитых гусей и казарок. С 1000 га угодий добывается 1,5; 3,2; 4,9 и 0,6 особи этих птиц.

Все приведенные выше гуси моногамы, у которых самец и самка образуют постоянную пару, сохраняющуюся в течение всего периода размножения и выращивания птенцов, а возможно, и дольше. У гуменника самец даже помогает самке устраивать гнездо, и у всех видов гусак несет охрану гнезда и разделяет с гусыней заботы о потомстве. Гнезда гуси всегда устраивают на земле, сплавинах или заломах тростника. В кладке обычно 5—6 яиц. Срок насиживания — от 25 до 28 дней.

Во время летней линьки, совпадающей у взрослых птиц с периодом, когда гусята начинают оперяться, гуси полностью, как и утки, теряют способность к полету. Птицы поэтому вынуждены вести как можно более скрытный образ жизни и придерживаться наиболее глухих и труднодоступных участков водоемов. При малейшей опасности они прячутся и крепко затаиваются в зарослях прибрежной растительности, а будучи обнаружены, пытаются спастись вплавь. Однако от преследования человека все это мало спасает и там, где промысел линных гусей практикуется (в основном на севере), птиц тысячами загоняют в специальные сети.

После того как и у взрослых, и у молодых птиц отрастут маховые перья и гуси снова получат возможность летать, они постепенно начинают собираться в стаи и готовиться к отлету. Во время своих перемещений с севера на юг гуси не очень торопятся. Если позволяет погода, они часто и иногда надолго задерживаются в богатых кормом и вообще удобных для жизни угодьях, особенно если их там мало тревожат. Чаще всего их привлекают местности, где достаточно обширные водоемы расположены среди массивов зерновых культур. На поля пшеницы, гороха, проса и до и после их уборки гуси летают кормиться, на воде отдыхают и возле нее ночуют. Не менее охотно посещают они для

жировки участки зеленей, где щиплют молодые всходы ржи и пшеницы. Вообще, большинство гусей явно предпочитают добывать пищу на суше. Вне освоенных сельским хозяйством районов они кормятся на пойменных лугах и летают на сфагновые болота, где их привлекает клюква. На водоемах же гусиные жировки приурочены либо к отмелям, на которых птицы собирают моллюсков, либо к местам произрастания чилима (водяного ореха). Осенью распорядок жизни гусей подчинен четкому регламенту. С рассветом птицы поднимаются с участка берега, где они проводили ночь и летят кормиться чаще всего туда, где они уже были в предыдущие дни и где никто их при этом не тревожил. Если в местах жировки есть хотя бы мелкие лужи, позволяющие птицам утолить жажду, они проводят там весь день, если нет, то между 12—14-м часом они возвращаются на водоем, чтобы напиться, искупаться и отдохнуть. Во второй половине дня опять отправляются кормиться и к вечеру, насытившись, летят на ночевку. Здесь они всегда садятся на чистую воду, вдалеке от берега и только с наступлением темноты осторожно и в полном молчании подплывают к избранным для ночлега островкам, песчаной косе или другому, но обязательно совершенно открытому участку суши, выбираются на него и засыпают. У побережий внешних морей на перемещения гусей заметное влияние оказывают приливы и отливы. Прибывающая вода во время прилива сгоняет птиц с отмелей, и они перемещаются на сушу (на севере чаще всего летят кормиться в тундру и на сфагновые болота), во время отлива возвращаются на прибрежные мелководья.

Из всех представителей водоплавающей дичи гуси и казарки, несомненно, являются самыми осторожными птицами. Где бы они ни находились и что бы ни делали, их бдительность не снижается, и отдельные особи зорко следят за окружающим. Мало того, собираясь на жировку или на дневку, гуси часто высылают вперед разведчиков, которые проверяют, все ли благополучно, нет ли какой-нибудь опасности там, куда собирается направиться стая. Если ничто не внушает им тревоги, они либо возвращаются за остальными членами стаи, либо садятся и ожидают своих собратьев, голосом давая знать последним о своем местонахождении. Если же при своей рекогносцировке они приметят что-либо внушающее им тревогу, то тут же улетают от опасного места и каким-то образом уведомляют остальных членов стаи о наличии опасности.

Как уже говорилось, гуси любят кормиться и отдыхать на уже знакомых, так сказать, проверенных местах. Летать с жировок на дневку и обратно они тоже предпочитают одним и тем же путем, но лишь до тех пор, пока в этих местах и на этих путях их покой регулярно не нарушается. Как только они постигнут, что где-то по ним постоянно стреляют, они незамедлительно меняют либо места своего пребывания, либо маршруты перелета к ним. Особенно заметно это там, где охотятся на пролетных птиц. В районах гнездования птицы значительно больше привержены к привычным и знакомым им участкам угодий, где только постоянное интенсивное преследование заставляет их изменить своим привычкам.

Заканчивая настоящую главу, нужно остановиться еще на трех видах водоплавающих, два из них, хотя по систематике и относятся к подсемейству утиных, а не гусиных, но по биологии очень близки к гусям; третий же — вообще к уткам и гусям отношения не имеет, но является довольно распространенным объектом охоты на водоемах самого различного характера. В первом случае речь идет об огаре и пеганке, во втором — о лысухе.

Огарь (красная утка, варнавка, отайка) — Tadorna ferruginea наряду с пеганкой относится к группе так называемых земляных уток, типичной особенностью которых является то, что они чаще всего гнездятся в норах. Огарь — крупная (до 1,6 кг) птица несколько гусиного склада (высоконогая с довольно длинной шеей), окрашенная в

коричнево-рыжие тона с более светлой головой и черными маховыми перьями. Зеркала в крыльях отсутствуют, но маховые второго порядка имеют блестящий бронзово-зеленый цвет. Клюв и лапы темные. У селезня на шее имеется черное кольцо, отсутствующее у самки. В остальном самка окрашена так же, как и самец, но тон ее оперения более бледный и тусклый.

Гнездится огарь в Центральном Казахстане, Семиречье, Туве, Забайкалье и по южным степям до р. Волги. Зимует в Африке и Южной Азии. В полете издали огари очень напоминают гусей, но их яркая, своеобразная окраска и характерный голос позволяют легко отличить их от других представителей водоплавающих.

Пеганка (бугровая утка) — Tadorna tadorna по размерам и фигуре очень напоминает огаря, но по окраске резко от него отличается. Голова, шея, плечи, маховые перья в крыльях и рулевые в хвосте у нее черные, на голове — с металлическим зеленоватым блеском. Зоб, спина и нижняя часть тела — белые. По груди за зобом проходит широкая рыжая полоса, сходящаяся на спине. Клюв, у основания которого имеется сверху хорошо заметный нарост, ярко-красный. Зеркала в крыльях зеленые. У селезня оперение гораздо ярче, чем у самки.

Гнездовая область распространения пеганки охватывает в основном зону степей и пустынь, но встречается она и в Прибалтике. Зимует на побережьях Северного моря, Британских о-вов, Бискайского залива, Средиземного моря, в центральных частях Индостана и Бирмы.

К местам гнездований прилетает рано — едва только появятся первые проталины. Отлетает на зимовку в сентябре — октябре. Из-за очень характерной окраски отличить пеганку от других уток несложно. По манере полета она, как и огарь, напоминает гусей. Голос самца на — свист, голос самки — глухое кряканье.

И огарь и пеганка, безусловно, моногамы, прилетающие и живущие парами на протяжении всего периода размножения и выращивания потомства. Самец, правда, не принимает участия в высиживании, но постоянно держится возле гнезда, предупреждая самку о любой опасности, стараясь отвлечь внимание появившегося врага от гнезда, а то и пытаясь отогнать его прочь. Сами гнезда чаще всего располагаются в глубоких норах сурков, барсуков и корсаков, причем не обязательно в тех, которые брошены их первоначальными строителями. Совместное обитание в одной и той же норе загнездившихся огарей или пеганок с барсуком или степной лисицей отнюдь не редкость. При этом птицы как-то ухитряются не только выжить сами, но и сберечь яйца от покушений соседа-хищника. Там, где подходящие норы других животных отсутствуют, огари и пеганки либо копают их сами, либо устраивают гнезда в расщелинах скал, заброшенных человеческих постройках и очень редко строят их прямо на поверхности земли.

Как только птенцы вылупятся из яиц и обсохнут, родители уводят их на ближайший водоем, где выводок и держится до отлета, объединяясь перед ним в довольно крупные стаи. Оба вида земляных уток не избегают, а даже как будто испытывают некоторое пристрастие к озерам с солоноватой, а то и сильно соленой водой. Особой осторожностью эти птицы не отличаются и там, где они более или менее многочисленны, часто становятся добычей охотников.

Лысуха — Fulica atra ни к уткам, ни к гусям отношения не имеет и является представителем семейства пастушковых, куда входят такие птицы, как султанская курица,

камышница, пастушок, коростель и поганыш. Однако в отличие от этих своих собратьев, входящих в разряд болотной дичи и заселяющих болотные и камышовые крепи, а то и просто достаточно мокрые поймы, лысуха ведет преимущественно водный образ жизни. Большую часть времени она проводит на открытых плесах, прекрасно плавает и даже способна к ныряню. Если бы не длинные, далеко отставленные назад большие лапы, пальцы которых с боков оснащены кожистыми лопастями, облик лысухи был бы очень близок к куриному. Даже на лобной части головы у нее имеется нечто вроде гребешка — плоская плотная бляха белого цвета (лысина), за которую птица и получила свое название. Размеры лысухи довольно крупные (масса до 1 кг), оперение сплошь тускло-аспидно-черного цвета, клюв черный, лапы зеленовато-серые.

Распространена лысуха у нас широко и практически встречается везде, кроме северных районов страны. Держится преимущественно на пресноводных, обширных водоемах, изобилующих зарослями тростника, камыша и рогоза. В северных и средних частях своего ареала лысуха — перелетная птица, на юге она оседла и никуда на зиму не улетает.

С наступлением весны птицы разбиваются на пары и приступают к постройке гнезд, которые всегда устраиваются прямо над водой на заломах тростника или плавающих кучах водной растительности. В постройке гнезда и в высиживании кладки участие принимают и самец, и самка. Присмотр за появившимися птенцами осуществляют также оба родителя. Однако самец раньше покидает выводок и приступает к линьке, во время которой лысухи, как и утки или гуси, теряют способность к полету. Через 1,5—2 недели самки также оставляют свое потомство и приступают к линьке. После ее окончания молодые и старые птицы собираются в стаи и из зарослей водной растительности переселяются на открытые плесы. Летать лысухи не любят, поднимаются с воды тяжело, всегда против ветра и только после длинного разбега, но, поднявшись, летят довольно быстро. От опасности предпочитают спасаться в непролазных тростниковых или рогозовых крепях, зарослях ежеголовки или затопленных кустах. При нападении пернатого хищника (если он настигает их на открытом месте) сбиваются в плотную массу и, подняв кверху клювы, пытаются коллективно отразить нападение врага, иногда пуская для этого в ход и свои сильные лапы.

С начала сезона охоты лысухи довольно доверчивы, но там, где за ними много охотятся, быстро приобретают осторожность и редко подпускают к себе на расстояние выстрела. Тем не менее стреляют их местами довольно много. Так, на Северном Кавказе с каждой тысячи гектаров водных угодий охотники добывают по нескольку сотен этих птиц. Пристрастие к охоте на лысух свойственно многим охотникам (в Краснодарском крае лысух стреляют 52%, в Калмыцкой АССР — 51, в автономных республиках Северного Кавказа, Астраханской и Новосибирской областях — более 40% охотников). В то же время немало и тех, кто к добыче лысух относится с некоторым презрением, чего, кстати сказать, эти птицы совсем не заслуживают, так как качество их мяса хорошее.

При охоте на водоплавающих не так уж редко приходится сталкиваться с гагарами и поганками (особенно с чемгами). Но хотя отдельные охотники и не могут удержаться от выстрела по ним, но включать их в разряд водоплавающей дичи вряд ли целесообразно. Объектами спортивной охоты они бывают слишком редко, и прежде всего из-за своего почти непригодного в пищу мяса, сильно отдающего рыбой.

Виды водоплавающих, запрещенные к добыче

Запрещение охоты на какой-либо вид животных может быть вызвано разными причинами. Чаще всего это происходит из-за резкого прогрессирующего сокращения численности того или иного представителя фауны, грозящего полным исчезновением животных данного вида. Нередко из перечня объектов охоты исключаются звери или птицы, чья полезность, безусловно, доказана. И, наконец, такая же мера может быть принята из морально-этических соображений, когда под охрану берут виды животных, почему-либо пользующиеся у нас особой известностью, популярностью и любовью. Все вышесказанное относится и к представителям водоплавающих. Одиннадцать видов водоплавающих птиц сейчас занесены в Красную книгу СССР как исчезающие (казарка краснозобая — Branta ruficollis, гусь горный — Anser indicus, крохаль чешуйчатый — Mergus squamatus, пеганка хохлатая — Tadorna cristata) и редкие (лебедь малый — Cygnus bewickii, казарка белощекая — Branta leucopsis, гусь-сухонос — Anser cygnoides, гусь-белошей — Anser canagicus, чирок мраморный — Anas angustirostris, мандаринка — Aix galericulata, савка — Oxyura leucocephala). Кроме того, на восемь видов (лебедь-кликун — Cygnus cygnus, лебедь-шипун — Cygnus olor, гусь белый — Anser caerulescens, казарка черная — Branta bernicla, гага обыкновенная — Somateria mollissima, гага-гребенушка — Somateria spectabilis, гага очковая — Somateria fischeri, гага малая, или сибирская, — Somateria stelleri), охота практически повсеместно запрещена.

На внешних признаках всех этих птиц, на перечне тех мест, где охотник может с ними встретиться, а следовательно, должен быть особенно внимательным, чтобы не сделать выстрела по запрещенной к добыче птице, мы сейчас и остановимся.

Краснозобая казарка — Branta ruficollis относительно некрупная птица массой до 1 кг. Гнездится она исключительно на территории нашей страны, причем места гнездовий ограничены тундрами и лесотундрами Западной Сибири (п-ова Таймыр, Гыданский, Ямал). Зимует на южном побережье Каспия. В последние годы многие птицы отлетают на зимовку в дельту Дуная. На пролете встречаются в Западной Сибири, Казахстане, в Северном Прикаспии и у побережий Черного моря. Общая численность краснозобых казарок в период размножения не превышает 10 тыс. пар. Несмотря на многолетний полный запрет добычи, численность их не возрастает, так как хозяйственное и рекреационное освоение тундр, а также браконьерство, пусть не сознательное, порожденное охотничьей безграмотностью, постоянно снижают темпы воспроизводства численности краснозобых казарок.

Внешний облик краснозобой казарки весьма характерен, так что при желании отличить ее от других гусей и казарок совсем несложно. Лоб, верхняя сторона головы и шеи, спины, хвоста и крыльев у нее черные. По бокам головы имеется по большому рыжему пятну, окруженному широкой белой каймой, а между глазом и основанием клюва по белому пятну. Такого же ярко-рыжего цвета бока шеи и зоб, которые также отделены от черных участков оперения белыми полосами. Кроющие перья хвоста и задняя часть брюха белые. Клюв и лапы черные.

В полете эти особенности окраски достаточно заметны, но особенно они хорошо видны, когда птица сидит на воде или суше. Характерной чертой краснозобых казарок является то, что они редко держатся вместе с другими видами гусей. Находясь в воздухе, обычно не придерживаются строя, иногда растягиваясь вереницей или сбиваясь в беспорядочную стаю. Голоса их тоже достаточно своеобразны и звучат как резкое короткое и хриплое гоготанье.

Горный гусь — Anser indicus. Гораздо крупнее краснозобой казарки (масса до 3,5 кг). Ареал его распространения еще более ограничен. Встречается он и то время от времени по Юго-Восточному Алтаю, Тянь-Шаню и Памиру на высоте от 1000 до 4000 м над ур. м. Численность его ничтожна мала, а в ряде районов он исчез совершенно. Оперение горного гуся очень светлое. Голова, бока шеи, задняя часть брюха и подхвостье вообще белые. Сверху на голове, ближе к затылку, имеются две поперечные полосы, передняя из которых своими концами доходит до глаз. Клюв и лапы желто-оранжевые. Маховые перья в крыльях темные. По этим признакам, а также потому, что эти гуси придерживаются очень характерных местообитаний, — из всех гусей в наибольшей мере привержены к суше, а на воде держатся главным образом в период линьки — распознать их среди других близких видов несложно.

Чешуйчатый крохаль — Mergus squamatus. Это очень редкий вид, далеко не часто встречающийся на Дальнем Востоке. Внешне очень напоминает длинноносого крохаля, но у самца на голове более сильно развит хохол; зоб розовато-белого цвета, а оперение боков несет на себе крупный чешуйчатый рисунок. Визуально даже на сравнительно небольшом расстоянии отличить чешуйчатого крохаля от длинноносого почти невозможно, тем более что эти птицы схожи полетом и голосом. Следовательно, чтобы уберечь эту редчайшую птицу от непреднамеренных покушений со стороны охотников, по-видимому, целесообразно в ограниченном районе ее обитания вообще запретить отстрел всех видов крохалей, кроме лутка.

На Дальнем Востоке иногда встречается залетающая, по-видимому, из Кореи хохлатая пеганка — Tadorna cristata. Она несколько меньше обыкновенной пеганки и заметно отличается от нее оперением. У самца зоб черный, спина и грудь темные, буровато-серые со струйчатым рисунком. Голова рыжая с черным свисающим хохлом. Зеркала в крыльях зеленые, клюв и лапы розовые. Хохлатая пеганка исключительно редкая и, по-видимому, вымирающая птица. К счастью, из-за своеобразной окраски она заметно отличается от других видов уток, что снижает возможность ее случайной добычи.

Судьба четырех перечисленных видов водоплавающих внушает особые опасения, и недаром они включены в группу исчезающих животных. Поскольку причины, вызывающие снижение их численности, трудноустранимы, осуществление мероприятий по их сбережению соответственно весьма сложно.

Малый, или тундровый, лебедь — Cygnus bewickii. Крупная птица (масса до 6 кг), чисто-белого окраса. Однако у молодых окрас верха тела дымчато-серый. Голова более темная. Сероватые тона на голове сохраняются до третьего года жизни. Клюв желтый или желто-оранжевый с черным концом. Граница желтого и черного цветов идет под прямым углом поперек клюва. Лапы черные. Малый лебедь гнездится в тундрах Европы и Азии от Кольского п-ова до дельты Колымы. В этих же пределах встречается на гнездовьях в лесотундре и на западных островах Северного Ледовитого океана. На зимовку отлетает в Западную Европу и Юго-Восточную Азию. Именно в последнем районе, за пределами нашей страны, подвергается интенсивному преследованию со стороны человека. Нередки случаи его преднамеренной добычи в западном районе зимовок, а также на путях пролета.

Тундровый лебедь сравнительно недавно был объектом охоты. Сейчас относится к редким видам и занесен в Красную книгу СССР. Поскольку охота у нас практически повсеместно запрещена на все виды лебедей, отстрел малого лебедя всегда должен рассматриваться как браконьерство или следствие такой низкой охотничьей грамотности, которая несовместима с правом осуществления охоты. Здесь уместно сразу же остановиться на тех признаках, по которым можно безошибочно отличить всех лебедей от

других представителей водоплавающих. Хотя по размерам они обычно много крупнее даже серых гусей, но это различие зачастую, во-первых, скрадывается расстоянием, а во-вторых, хорошо заметно лишь в сравнении, т.е. когда есть возможность одновременно видеть и тех и других, следовательно, оно не очень надежно. Гораздо заметнее разница в окрасе. Даже молодые еще не перелинявшие лебеди (не говоря уже о взрослых особях, ярко бросающихся в глаза своей белизной) гораздо светлее всех, разрешенных к отстрелу видов гусей. Кроме того, случаи, когда на охотника налетает группа только молодых серых птиц, сравнительно редки. Чаще всего среди них имеются хотя бы одна-две взрослые белоснежные птицы, присутствие которых сразу же устраняет все сомнения. Далее у молодых лебедей голова и шея темнее корпуса, а у гусей именно они обычно светлее корпуса и крыльев. Однако при определенном освещении, особенно на зорях и в пасмурную погоду, рассмотреть цвет оперения налетающих птиц иногда трудно и приходится ориентироваться на другие признаки. Так, охотнику следует знать, что отличительной особенностью лебедей является, во-первых, их длинношеесть (шея по длине примерно равна корпусу); во-вторых, у летящего лебедя шея всегда не прямо вытянута вперед (как у гусей), а слегка опущена, так что образует с телом заметный угол; в-третьих, рассекая воздух крыльями, лебеди создают очень характерные, громкие, прерывистые звуки, ритмично и безостановочно повторяющиеся в такт взмахам крыльев. Их очень хорошо слышно и практически невозможно спутать ни с трубными, звонкими голосами самих лебедей, ни с гусиным гоготаньем. Всех этих особенностей вполне достаточно, чтобы предотвратить случайный отстрел любого, в том числе и малого лебедя.

Белощекая казарка — Branta leucopsisi. В нашей стране гнездится только на Новой Земле и предположительно на о-ве Колгуева. Малочисленная птица (масса более 2 кг) с хорошо заметным двухцветным (черным сверху, белым снизу) окрасом оперения. От других гусей и казарок отличается также хорошо видными белыми отметинами на голове (бока, лоб, горло).

От Сахалина на востоке до Зайсанской котловины на западе гнездится следующий представитель редких водоплавающих — сухонос — Anser cygnoides. Северная граница его распространения доходит до Байкала и Алтая. На зимовку отлетает в Восточный Китай и Корею. Это крупный (до 4,5 кг) гусь, внешне напоминающий гуменника, но отличающийся от последнего наличием темной полосы вдоль верхней стороны щей и отсутствием оранжево-красной перевязи на клюве. Кроме того, у сухоноса очень тяжелый, кажущийся медлительным, полет и более протяжное гоготанье. У самцов основание надклювья вздуто. Живет сухонос на водоемах самого различного характера, даже на быстрых горных речках.

Гусь-белошей — Anser canagicus. На крайнем северо-востоке нашей страны от нижнего течения р. Анадырь до Берингова пролива и на запад до низовий р. Колымы встречается этот очень редкий представитель гусиного племени. Его внешний облик довольно характерен: короткая толстая шея, относительно короткие крылья, окрас оперения голубовато-серый с черными поперечными полосами, голова и верхняя часть шеи белые, клюв розоватый, лапы оранжевые. Масса белошея не превышает обычно 2,5 кг. Гнездится белошей отдельными парами на болотистых кочковатых участках тундры или на островах в устьях рек. Голос этого гуся удается слышать нечасто, так как птица эта очень молчалива.

Мраморный чирок — Anas angustirostris: Мелкая (масса до 0,6 кг) утка, заселяющая водоемы пустынной зоны, преимущественно мелководные, илистые камышистые озера. Окрас (одинаковый у самцов и самок) серый с округлыми светлыми пятнами на спине и

темным поперечным рисунком на зобу. Зеркала в крыльях отсутствуют. От клюва (довольно длинного и узкого) через глаз проходит удлиненное бурое пятно. Клюв у селезня серый, у самки черный. В СССР встречается на Кавказе и в Средней Азии. В целом численность этого вида невысока.

На юге нашей страны к востоку от верховьев р. Енисея, главным образом в степных и пустынных районах Казахстана, обитает очень редкий представитель нырковых уток — *савка* — Oxyura leucocephala. Плавая на воде, эта среднего размера (до 0,9 кг) птица от всех своих собратьев отличается тем, что свой длинный клиновидный хвост держит поднятым почти вертикально вверх. Окрашена в темные бурые тона. Голова у селезня белая с черным теменем, шея черная, клюв ярко-голубой, лапы серые. У самки клюв серый, голова бурая с белыми полосками у глаз и у шеи. Поднимается с воды и летит очень неохотно, на сушу не выходит почти никогда, прекрасно плавает и ныряет.

В хвойно-широколиственных лесах Дальнего Востока распространена, несомненно, самая красивая из наших уток — *мандаринка* — Aix galericulata. Имея сравнительно небольшие размеры (масса до 0,7 кг), она по яркости раскраски и своеобразию форм оперения прямо-таки удивительна. У селезня в брачном наряде зоб, передняя часть груди и бока блестящего рыжевато-пурпурного цвета. Бока груди черные с белыми полосками. Бока тела желтовато-бурые со струйчатым рисунком. Брюхо белое. На голове хохол из длинных, блестящих медно-красных, сине-зеленых и фиолетовых перьев. Перья щек длинные, белые, по сторонам шеи также удлиненные перья блестяще-рыжего цвета. Внутреннее маховое перо в каждом крыле очень широко, изогнуто и при сложенных крыльях поднято вверх. Цвет его рыжий сверху, фиолетовый снизу. Клюв красный, лапы желтые. Самка окрашена в дымчато-серые тона с белыми пятнами на боках и груди. Клюв у нее серый.

Мандаринка гнездится в дуплах деревьев по берегам лесных рек и озер. Ведет полудревесный образ жизни, и ее часто можно видеть сидящей на ветвях. Легко и быстро летает, хорошо плавает, но не ныряет. Спутать мандаринку с какими-либо другими видами уток практически невозможно.

Таковы 11 видов водоплавающих, внесенных в Красную книгу СССР из-за их малочисленности и полностью, повсеместно запрещенных к добыче.

Сюда же следует отнести и еще двух представителей гусеобразных, которые, хотя и не причислены к исчезающим и редким видам, но тем не менее являются объектами постоянной охраны. Речь идет о черной казарке и белом гусе.

Черная казарка — Branta bernicla распространена достаточно широко. Гнездится она по побережью и островам северных морей от Новой Земли и до Чукотки. Однако в течение последних десятилетий ареал ее распространения сократился и приобрел очаговый характер. В СССР это Северо-Западный Таймыр, междуречье Яны и Хромы и о-в Новая Сибирь. Численность птиц настолько снизилась, что еще в 1954 г. Международный комитет по охране птиц поставил вопрос о необходимости охраны этого вида.

Черная казарка хорошо отличима от всех своих собратьев. Прежде всего она мельче (масса не более 2 кг) всех остальных казарок, кроме краснозобой. Для нее типичен очень темный, почти черный окрас головы, шеи, зоба, передней части спины и крыльев. Бока темно-серые. По бокам шеи белые пятна, брюхо белое, клюв и лапы черные. Полет прямой и тяжелый с быстрыми частыми взмахами крыльев, причем птицы обычно летят беспорядочной стаей. Голоса черных казарок негромки и гнусавы.

Белый гусь — Anser caerulescens в СССР гнездится только на о-ве Врангеля и возможно на северо-востоке Якутии и на Чукотке. В недавнее время являлся постоянным объектом промысла. Сейчас численность вида резко сократилась и принимаются меры по его охране. Белый гусь — некрупная птица (масса до 3 кг), чисто-белой окраски. Только концы крыльев у него черные, вокруг клюва часто имеется золотисто-желтое пятно, а сам клюв и лапы розовые. У молодых птиц верх тела буровато-серый, клюв и лапы серые. Характерный окрас не позволяет спутать белого гуся с другими близкими ему видами.

Следующая группа уток, включающая 4 вида гаг, взята под охрану, так как истребляется из-за очень высокой ценности их пуха. Пух обладает исключительной легкостью и малой теплопроводностью. С незапамятных времен у народов Севера он был известен как лучший утеплитель и использовался (используется и теперь) при пошиве особенно теплой одежды, спальных мешков и т.д. В настоящее время гагачий пух берется не с убитой птицы, а собирается из гнезд, которые гаги устилают им, выщипывая его со своего брюха. В каждом гнезде имеется до 20 г пуха, а поскольку гаги гнездятся колониями, то в каждой колонии можно собрать порядочное его количество. Сбор проводят после окончания насиживания, когда утки с потомством покидают гнезда. Ценность гагачьего пуха настолько велика, что отстрел гаг был бы равнозначен убиению курицы, несущей золотые яйца.

Самой крупной из гаг является *обыкновенная гага* — Somateria mollissima. Она распространена по северным морским побережьям Европы, Восточной Сибири, Берингова и местами Охотского морей. Придерживается островов, каменистых берегов как тундрового типа, так и покрытых лесом. В глубь материка залетает редко. Зимует на незамерзающих морях северных частей Атлантического и Тихого океанов. Гага — крупная (до 3 кг) утка, по поведению схожа с большинством представителей нырков. Она великолепно плавает и ныряет и до периода гнездования редко выходит на сушу. Летает довольно быстро, хотя с воды поднимается тяжело и только после разбега.

У селезня голова и спина белые, грудь розовая, брюхо черное, на затылке зеленоватое пятно, лоб, темя и иногда полоса на подбородке черные, как и маховые перья в крыльях. Клюв серовато-желтый, лапы желтоватые. Оперение самки бурое с поперечным охристым рисунком. Клюв и лапы серые. Голос самца — громкий, самки — хриплый.

Несколько мельче обыкновенной гаги *гага-гребенушка* — Somateria spectabilis (масса до 2 кг). Встречается также по всему северному побережью нашей страны от п-ва Канин до Чукотки. От обыкновенной гаги она отличается тем, что у селезня задняя часть спины черная и у основания клюва имеется большой вырост оранжевого цвета. У самки в крыле белое зеркало. Голос самца — громкий трехкратный крик. Голос самки похож на голос обыкновенной гаги.

Очковая гага — Somateria fischeri мельче двух предыдущих. На гнездовьях встречается только вдоль побережий Северо-Восточной Сибири, где довольно обычна. У самца грудь и брюхо черные, спина белая, голова зеленоватая с выпуклым желтоватым кольцом вокруг глаз. Клюв и лапы желтые.

Самка бурая с поперечным рисунком, вокруг глаза светлое пятно.

Самая мелкая из гаг — *гага сибирская* — Somateria stelleri также является обитателем северо-восточных побережий Сибири, но на Западе ареал ее далеко не доходит до устья Лены. Голова селезня белая с зелеными пятнами на затылке и лбу, украшена небольшим хохлом. Спина черная, грудь и брюхо ржаво-рыжие, по боку белая полоса. В крыльях

синие зеркала. Клюв и лапы черные. Утка отличается от самок других гаг только синим зеркалом и меньшими размерами.

Наконец, последними представителями водоплавающих, отстрел которых запрещен главным образом из соображений эстетического характера, являются два вида лебедей: кликун и шипун. Это самые крупные в СССР водоплавающие птицы (до 10—13 кг), численность которых за последнее время хотя и сократилась, но местами еще достаточно значительна.

У всех лебедей самец и самка образуют стойкую, сохраняющуюся на многие годы пару. Самец не принимает участия в постройке гнезда и насиживании кладки, но постоянно и активно охраняет гнездовой участок, а затем и потомство от четвероногих и пернатых хищников.

Лебедей совершенно справедливо считают украшением природы. Красота их внешнего облика, необыкновенная привязанность друг к другу птиц одной пары, храбрость при защите гнезда и потомства вызывают у большинства людей симпатию к ним. В деле запрета охоты на лебедей общественное мнение играет немаловажную роль. В поведении лебедей есть особенность, обезоруживающая охотника. Заключается она в том, что лебеди не опасаются человека и ведут себя настолько спокойно и доверчиво, что обычно у охотника просто не поднимается на них рука. Сейчас, например, в дельте Волги лебеди-шипуны чуть ли не вообще игнорируют появление человека. Их выводки подпускают к себе на несколько десятков метров, подплывают к скрадкам и даже мало реагируют на выстрелы, направленные на гусей и уток.

Лебедь-кликун — Cygnus cygnus гнездится от западных до восточных границ Советского Союза в пределах лесной зоны везде, где есть удобные для него водоемы. Селится чаще всего на достаточно больших окаймленных тростниковыми зарослями озерах и речных плесах. Зимует в северной части Средиземного моря, Передней Азии, на Каспии, в Средней, Южной и Юго-Восточной Азии. Часть птиц остается на зиму на незамерзающих водоемах Евразии и полыньях Белого и Балтийского морей.

Лебедь-кликун внешне очень напоминает уже описанного малого лебедя, только гораздо крупнее последнего и отличается от него тем, что граница между желтым основанием и черным концом клюва у него не прямая, а идет наискось сверху вниз.

Область распространения в нашей стране *лебедя-шипуна* — Cygnus olor сравнительно невелика и разобщена территориально. Гнездится он в Прибалтике, дельтах рек Дуная, Дона, Волги и Урала, на водоемах Казахстана и в верховьях Амура. Населяет крупные соленые и пресные водоемы, обязательно мелководные и изобилующие водной растительностью. От остальных лебедей отличается красным (у взрослых птиц) клювом, имеющим у основания высокий черный нарост. У молодых птиц клюв розовый с черным основанием и кончиком. Кроме того, в спокойном состоянии шипун, плавая на воде, S-образно изгибает шею и слегка приподнимает вверх сложенные крылья. Лебеди кликун и малый шею обычно держат прямо, а крыльев не топорщат никогда.

И у кликуна, и у шипуна, как и у малого лебедя, молодые птицы окрашены в серовато-бурые тона и только с возрастом приобретают белую окраску.

Как бы детально ни давалось описание отдельных представителей водоплавающей дичи, как бы тщательно ни изображались они на помещенных в соответствующих изданиях иллюстрациях, а гарантии того, что все это надежно предотвратит случайную

добычу внесенного в Красную книгу вида или весенний отстрел самки, все-таки нет. Описания забываются, детали изображений не всегда легко подметить у живой птицы, взлетающей от охотника или налетающей на него, особенно в вечерних или предрассветных сумерках, а самое главное — книги и статьи, содержащие сведения для определения видовой принадлежности птиц в природе, доходят далеко не до всех охотников. Поэтому нередки случаи, когда даже знакомые с литературой по охоте товарищи обнаруживают факт совершенного ими нарушения охотничьего законодательства только после выстрела, взяв в руки свою добычу. Только здесь они констатируют, что их жертвой стала птица запретного вида или пола. Что же касается тех, кто вообще не читает книг по охоте, то им часто и в голову не приходит, что они приобщились к племени браконьеров, и они наивно радуются своей удаче. Только продемонстрировав свою добычу егерю или более грамотным охотникам, они понимают, что совершена ошибка и нередко расплачиваются за свою недостаточную охотничью квалификацию. Умение различать птиц в природе для охотника обязательно. Чтобы помочь ему в этом, совершенно необходимо улучшить в охотничьих обществах и хозяйствах наглядную агитацию. Цветные плакаты с изображением различных гусей, казарок и уток, особенно тех, на которых охота запрещена, чучела этих птиц и детальные описания признаков, по которым их можно узнать в полете или на воде, должны иметься в помещении каждого охотничьего общества, в каждом охотничьем хозяйстве и у каждого егеря. Кое-что в этом плане у нас уже делается, но, к сожалению, далеко не везде и не в должном объеме. Вопросы о видовых особенностях тех или иных представителей водоплавающей дичи, о том, как их распознать по внешнему виду, голосу и особенностям поведения и тем самым избежать опасности непреднамеренного браконьерства должны войти в программу охотничьего минимума. Эта работа должна проводиться неуклонно из года в год с той же настойчивостью, с какой егеря на охотничьих базах внушают охотникам правила бережного отношения к инвентарю.

Глава II.
Охота на водоплавающую дичь

«Правом охоты с охотничьим огнестрельным оружием пользуются все граждане СССР, состоящие членами обществ охотников, достигшие 18-летнего возраста, сдавшие испытания по охотничьему минимуму и уплатившие государственную пошлину в установленном размере». В этой выдержке из «Положения об охотничьем хозяйстве РСФСР» от 10 октября 1960 г. все справедливо. Возможность заниматься охотой не должна ограничиваться национальными, классовыми или имущественными цензами. В нашей стране она предоставлена любому гражданину, который по возрасту уже способен отвечать за свои поступки и не только теоретически, но и практически (для чего сейчас введен срок стажерства) доказал, что правила проведения охоты и поведения на ней им усвоены.

Однако, кроме этих формальностей, есть и иной критерий для определения права каждого из нас пользоваться привилегией охоты, а именно наше отношение к охоте. Важно, чтобы охотники в своих охотничьих устремлениях были грамотны и серьезны; понимали всю меру ответственности, лежащей на человеке, взявшем в руки ружье, чтобы не только по букве закона, но и по велению сердца соблюдали правила охоты, берегли ее сущность, традиции и этику.

К сожалению, есть люди, которые поездку на охоту рассматривают, как возможность оторваться от условностей повседневной жизни, от надоевших ограничений. Обстановка охоты представляется им сферой вседозволенности. Сам процесс настоящей, правильной охоты им неизвестен, да их и не интересует. Пусть судьба в бесконечной своей милости избавит любого из нас от охоты с такой публикой. Представьте себе, что вы сидите с чучелами и ждете подлета уток. Все прекрасно, дичь начинает понемногу появляться, и охота сулит вам все свои радости. И тут вдруг выплывают из ближней протоки два товарища, которые к началу охоты опоздали, мест себе не выбрали, чучел у них нет, однако духом они взбодрились и жаждут деятельности. Один гонит лодку, второй палит по лысухам. Когда одному удается сразить одну из птиц, товарищи меняются местами и обязанностями. При этом свои действия они громогласно комментируют с помощью отнюдь не изящных выражений. Вот и прости-прощай ваша охота, так как никакие утки не полетят туда, где гремит канонада и звучит непрерывный галдеж, и можно быть уверенным, что истребители лысух с полным пренебрежением к вашему присутствию будут охотиться здесь долго.

С такой же бесцеремонностью товарищи указанного плана могут явиться на ту полянку, где вы стали на тяге, будут пытаться стрельнуть по зайцу из-под чужой гончей и т.д.

Закончив дневную охоту, вы задержались в своей засидке. Вокруг, насколько хватает глаз, млеют в последних отблесках зари плесы и тростники волжской дельты. Тишина стоит удивительная и до того красиво, что так бы кажется и сидел здесь без конца. Но вот вдалеке замаячили три темных подвижных силуэта возвращающихся на базу охотников. Они толкаются на куласах по розовой, как перья фламинго воде, среди опалово-сиреневых очарований угасающего дня и обмениваются мнениями, бессмысленно сквернословя. Это именно бессмысленное сквернословие, как и стремление просто «стрельнуть», совершенно не соответствуют этике охоты. Разрядить ружье по пролетающей в двухстах метрах птице, выставленному в угодьях аншлагу, подброшенной в воздух бутылке свойственна некоторым товарищам в значительной степени. Проверяя кого-либо на

меткость, подбрасывают в воздух или вешают на обусловленном расстоянии самые разнообразные предметы, но чаще всего, почему-то шапки. И посмотрите только на искреннюю радость и ликование испытуемого, когда после его выстрела, злополучный головной убор падает растерзанный снарядом дроби. Почти всюду, где в угодьях много охотников, вдруг откуда-то начинает временами доноситься частая пальба. Некоторые доверчивые и утомленные тщетными поисками дичи охотники немедленно туда устремляются в чаянии попасть в открытое кем-то богатое местечко. Надежды их напрасны — в преобладающем большинстве случаев они обнаруживают развлекающуюся компанию любителей стрельнуть.

Всем этим пьющим, сквернословящим, мешающим охоте товарищей и без толку палящим гражданам более 18 лет. Они уплатили госпошлину, сдали испытания по охотничьему минимуму и являются членами охотничьих обществ. И все-таки, положа руку на сердце, нужно сказать, что никакого права называться охотниками и пользоваться правом охоты у них нет.

Каждому нормальному человеку должно доставлять удовлетворение сознание того, что он приятен для окружающих. Поэтому от поступков, ущемляющих интересы товарищей по охоте, вызывающих их раздражение или осуждение, следует воздерживаться. Трудно даже передать, насколько улучшается общее впечатление от охоты, когда все ее участники относятся к ней серьезно, когда вне зависимости от своих пристрастий они строго соблюдают те основные правила, которые делают одного охотника для другого другом, товарищем.

Пусть этому не мешает то, что на идеальный распорядок охотничьего времяпрепровождения существует много различных взглядов. Любой из них (если, конечно, это не браконьер) заслуживает полного уважения. Нельзя упрекнуть человека за пристрастие к некоторому комфорту и равнодушие к количеству убитой дичи, но нелепо ставить ему в вину и упорные старания, во что бы то ни стало использовать разрешенную норму отстрела. На одну и ту же охотничью базу зачастую съезжаются люди, стремящиеся или без устали пытать охотничье счастье, или склонные наслаждаться отдыхом, но если первые не мешают вторым отдыхать, а вторые первым — охотиться — мир и взаимная благожелательность обеспечены. В группах людей, одной компанией выехавших на охоту, желательно совпадение вкусов в данной области. Один фанатичный охотник может доставить бездну хлопот и неудовольствий своим более уравновешенным спутникам. Его активность — живой, непрерывный укор их охотничьей сущности, стимул, побуждающий многих из них, насилуя себя, отказываться от утреннего сна в благоухающем сене или послеобеденного отдыха. Но и обратная ситуация, когда все рвутся на охоту, а один не торопится, не менее остра. Чувство товарищества не позволяет покинуть спутника в одиночестве. Он же своей медлительностью, утверждениями, что еще рано, нудными сборами доводит их до исступления. В обоих случаях взаимные нарекания, недовольство и отчуждение почти неизбежны.

Городские жители, отделенные от охотничьих угодий десятками, а то и сотнями километров, для выезда на охоту обычно собираются компаниями. Так легче преодолевать барьеры транспортных сложностей, легче устраиваться с бытом. Членов одной компании должна объединять общность охотничьих интересов.

Охотничья этика

Охотничья этика — это прежде всего манера поведения, продиктованная бережным отношением к природе и ее богатствам, любовью к охоте, уважением к товарищам по охоте.

Охотничье законодательство в значительной степени лимитирует использование для добычи дичи моторных лодок, фар и иных технических средств. Поскольку в данной книге речь идет преимущественно об охоте спортивной, представляется полезным особо остановиться на вопросах охотничьей этики.

Этика вообще — это система норм нравственного поведения людей и их обязанностей по отношению к обществу. Но под охотничьей этикой почему-то чаще и прежде всего понимают обязанность неукоснительного соблюдения охотником охотничьего законодательства. А ведь любое нарушение в этой области является «деянием юридически наказуемым», и за него предусмотрена определенная мера административной, а то и уголовной ответственности. Говорить поэтому о неэтичности нарушения также странно, как оценивать с этических позиций взяточничество, воровство или убийство. В области охоты на страже наших интересов при борьбе с браконьерством стоит закон.

Нарушения же охотничьей этики юридически не наказуемы. Ими можно возмущаться, их можно осуждать, но покарать за них далеко не просто. Весна! Поднявшись ни свет ни заря, отправляетесь вы на тетеревиный ток, где накануне поставили шалаш. Приходите, а в нем уже устроился некто, встречающий ваше появление совсем неблагосклонно. Он не только не собирается извиниться и стыдливо убраться восвояси, но еще довольно нахально утверждает, что из этого шалаша он уже охотится три зари. Допустим, что препирательства закончатся в вашу пользу и конкурент освободит захваченное место. Однако далеко он не уйдет, а тут же рядом начнет сооружать собственное укрытие. Светает, а он все ходит, ломает ветки и даже возвращается, чтобы позаимствовать у вас соломы на подстилку. Тетерева все это, конечно, не оставляют без внимания и на токовище не вылетают. По какой статье можно наказать этого охотника?

Другой пример: участники загонной охоты после проведения жеребьевки идут занимать стрелковые номера. Среди них идет и старый человек, радующийся своей, может быть, последней, охоте. Снег глубок, ему трудно, он спешит и задыхается. А спешит он потому, что его более молодые компаньоны и не думают его поджидать. Вот один из них остановился на указанном ему месте, за ним второй, третий, но старику не повезло — выпал ему дальний номер. Он чувствует (даже если ему об этом и не скажут), что всех задерживает, ощущает свою дряхлость и горечь сознания собственной неполноценности усугубляет его физические мучения. А ведь не только можно, но и должно было кому-нибудь из тех, кто помоложе уступить ему место поближе. Какова мера вины его спутников и как за нее воздать?

Обратим внимание на водные угодья. Между куртинами тростников, как сетчатые стенки, тянутся крылья расставленных рыбаками вентерей. По удерживающим их кольям перелетают, пикируют с них вороны. Подгоняет охотник лодку к месту их сборища и видит несколько запутавшихся в сетях шилохвостей. Птицы, хотя и порядком пощипаны воронами, но живы. Их бы распутать и отпустить, однако есть «охотники», которые этого не делают. А что грозит тому, кто возьмет, да и отвернет им головы?

Вот только три (из бесконечного количества возможных) ситуации, демонстрирующие безнаказанность явно неэтичных поступков. Правда, можно возразить, что ведь существует такая категория воздействия, как общественное порицание. И действительно, последнее для большинства из нас далеко не безразлично (тем более что иногда оно может вылиться в исключение из коллектива). Но, во-первых, для этого нужно проявить свою антиохотничью сущность на глазах у товарищей, а во-вторых, грош цена той добропорядочности, которая поддерживается лишь угрозой возмездия.

Мерилом допустимой добычливости охоты должна быть не узаконенная норма отстрела дичи (она является лишь высшим ее пределом), а фактическое количество встречаемых охотником животных. Охотоведческой наукой и практикой тут установлены довольно четкие критерии. Например, весной противопоказано охотиться на токах, где поет меньше пяти глухарей или тетеревов. Норма изъятия в таком случае не должна превышать 20%, т.е. одной птицы из пяти, а это можно сделать лишь там, где петухов поет не меньше пяти. Здесь не годится стрелять по токовику — первому вылетающему на токовище и начинающему петь самцу, поскольку его отстрел часто ведет к распаду тока.

При осенней охоте по боровой и полевой дичи выводки, состоящие из старки и не больше трех молодых птиц, полезно оставлять в неприкосновенности, так как из четырех зазимовавших птиц к весне сохраняется не больше двух и оставленный с осени выводок из 4 тетеревов или куропаток к весне только-только обеспечит наличие в данных угодьях пары производителей.

Дико покушаться на жизнь хотя и разрешенных к отстрелу, но малочисленных в данном месте животных. А ведь бывает, что не успеет на каком-нибудь пруду загнездиться, вывести и вырастить потомство первая и единственная пара уток, как за ним уже начинают охотиться.

По закону нельзя стрелять животных, оказавшихся в бедственном положении. Мало выполнять этот запрет, попавшим в беду мы просто обязаны оказывать помощь, потому что без любви к животным нет и истинного охотника. Какая тут любовь, вы же их стреляете, лишаете жизни! — часто говорят охотникам. И все же, как это ни парадоксально, тех самых зверей и птиц, которых мы преследуем и пытаемся добыть на охоте, мы любим. Не сентиментальные охранители наших четвероногих и пернатых друзей, а именно охотники спасают от весеннего половодья косуль и зайцев. Именно они порой с опасностью для жизни выручают провалившегося в полынью лося или кабана. И именно они, а не кто-то другой несут на плечах мешки с подкормкой туда, где, слабея от зимней стужи и бескормицы, бедствуют стайки серых куропаток. Все это осуществляется на благо охотничьих животных, которые дороги охотникам и сами по себе, и как объект будущей охоты. Так пусть каждый пожнет от трудов своих, поскольку в этом и заключается одно из высших проявлений охотничьей этики.

Тысячелетиями вырабатывались традиции спортивной охоты. В отличие от промысла не наиболее легких путей для добычи животных искали здесь люди. У них были другие задачи — найти способы охоты, требующие предела охотничьего искусства, обеспечивающие максимальную эмоциональность охоты, дающие наиболее полноценные трофеи и одновременно не наносящие воспроизводству дичи ущерб. Преследуя эти цели, люди отказались от ловушек и взяли в руки ружье. Они вывели породы собак, работа которых сама по себе беспредельно украшает охоту. Им нужен не пойманный в петлю, а вытропленный или идущий из-под гона заяц; не сидящая, а взлетевшая птица; не просто олень, а красавец-рогач, да еще взятый во время рева. Традиции охоты — бесценное

наследство, доставшееся нам от предков. В них суть, красота, эстетичность любительской охоты и соблюдение их — одно из основных условий этики охоты.

«Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой» — вот целиком этичная форма общения между охотниками.

Каждый из нас порой нуждается в помощи, так не будем отказывать в ней тем, кто ее просит у нас. Все мы когда-то были молоды, неопытны и неумелы на охоте. Многие, наверное, хранят в благодарной памяти образ своего учителя по охоте и наставника. Так не станем оставлять без дружеской опеки тех начинающих, чья охотничья сущность проявляется в одной неискушенной страсти. Все мы когда-нибудь состаримся, достигнем того грустного возраста, в котором охотничьи труды даются уже нелегко. Думая об этом, сделаем все, чтобы пожилым охотникам выезды в поле давались легче. Мы терпеть не можем, когда кто-то портит нам охоту, так не будем сами портить ее другим.

Часто и много пишут о том, что для охотника-спортсмена убитые им животные представляют якобы второстепенную ценность, а главное для него это упоительное общение с природой, алые рассветы, задумчивые вечера и ночи у потрескивающего костра. Вся эта лирика, конечно, прекрасна, но есть в такой интерпретации охоты доля лицемерия. Не для того же тащим мы с собой ружье и патроны, чтобы поупражняться в переноске тяжестей. Нет, мы делаем это с целью заняться добычей животных, находящихся в состоянии естественной свободы. Удача в данном начинании для нас совсем небезразлична. Как бы ни были алы рассветы, а возвращаться с охоты пустым мало кому приятно. Этика охоты не в бескровном любовании налетающими утками или поющим глухарем, а в том, чтобы дичь, которую мы хотим взять, была взята как положено и, главное, чисто. Стрельба по зверю и птице, которых мы не надеемся убить наповал или достать из непролазных крепей, — вот ярчайший пример охотничьей неэтичности.

И, наконец, последнее — право на выстрел и право на добытый трофей. Здесь все просто. Предпочтительное право на выстрел имеет тот, на кого более близко и удобно для выстрела выходит зверь или налетает птица. Стрельба с более далекого расстояния и из менее удобного положения по животным, хорошо идущим на другого стрелка, — нарушение вопиющее. Убитый зверь принадлежит тому, чей выстрел положил его на месте; убитая птица — трофей того, кто прервал выстрелом ее полет.

За рубежом, да и в нашей стране существуют охотничьи традиции ритуального характера: порядок построения перед началом коллективной охоты, правила, по которым после ее окончания, раскладываются убитые животные, церемония поздравления удачливого стрелка и т.д. Все это красиво, вносит в дело порядок и стройность, дисциплинирует участников охоты. Но неверно было бы этими внешними атрибутами подменять истинную этику охоты, выражающуюся в чувстве товарищества, любви к охоте и бережном отношении к животным.

Как уже упоминалось во введении к нашей книге, охота на представителей водоплавающей дичи очень разнообразна, и ее можно проводить многими способами. Объясняется это тем, что местообитания уток и гусей, их поведение и образ жизни непостоянны и заметно изменяются по сезонам года. Это вынуждает нас весной охотиться не в тех местах, где охотились летом, а летом — не там, где осенью. Это же диктует необходимость использовать для охоты те способы, которые в наибольшей степени увязываются с особенностями сезонного поведения дичи и, следовательно, наиболее эффективны. Кроме того, на способы охоты накладывают свой отпечаток требования,

связанные с обязанностью сбережения запасов дичи, соблюдением веками установленных традиций и принципов охоты, определяющих ее спортивность. Так, под безусловным запретом находятся способы охоты, а вернее, добычи птиц, ведущие к хищническому, массовому их уничтожению. Весной категорически запрещен отстрел самок большинства представителей водоплавающих, и охота разрешается только на селезней, а следовательно, проводится способами, рассчитанными именно на их добычу. Летом считается, если и непротивозаконным, то во всяком случае заслуживающим осуждения отстрел утки от выводка, стрельба уже крупных, но еще нелетных птенцов (хлопунцов).

Несмотря на все свое разнообразие, способы охоты на водоплавающих укладываются в довольно четкую схему, характерную для всех способов охоты вообще. Их можно подразделить на три группы: охота с подхода, охота с подкарауливанием и охота с подманиванием дичи.

Охота с подхода или подъезда

Сущность охоты с подхода или подъезда сводится к тому, что охотник отыскивает интересующих его зверей или птиц и старается приблизиться к ним на расстояние выстрела. Как он это делает — сам или с помощью собаки, заметив животных заранее или обыскивая те места, где они должны быть, подходя к ним пешком или на чем-либо подъезжая, — не суть важно, так как принцип охоты остается неизменным. Если птицы настолько осторожны, что улетают до того, как к ним удастся подойти достаточно близко, охота на них с подхода становится невозможной.

Именно с водоплавающих для большинства из охотников начинается сезон летне-осенней охоты. Пока молодые утки еще продолжают держаться в зарослях прибрежной растительности, не напуганы постоянным преследованием и не набрались жизненного опыта, они не отличаются осторожностью и подпускают к себе близко, что способствует успешности охоты с подхода. Казалось бы, все здесь предельно просто — ходи по заселенным утками угодьям и стреляй по взлетающим птицам.

Но как ни проста эта охота, а и в ней есть моменты, о которых стоит поговорить.

Утро, встающее солнце заливает лучами широкий луг, где прихотливо извивается речка, десятки озер и стариц блестят, отражая голубизну неба. Осока, прибрежные камыши, листья — все покрыто росой, сверкающей на солнце или серебристой там, где на землю падают по-утреннему длинные тени кустов и деревьев. При подходе охотника с ближайшего озера вне выстрела поднялось и улетело несколько уток. «Не подпустили», — думает охотник с огорчением и поворачивает к следующему плесу. С ружьем наготове подходит к берегу и окидывает взглядом покрытую листьями кувшинок и рдестов поверхность — пусто. Третье, четвертое, пятое озеро и все то же — либо на них нет уток, либо птицы слетают слишком далеко. Так можно ходить весь день, не сделав ни единого выстрела, потому что этот прогулочный стиль охоты в данных условиях совершенно не годится. При летне-осенней охоте на уток с подхода необходима «полазистость». Неважно, что при приближении охотника откуда-то, на недосягаемом для ружья расстоянии слетело несколько уток. Это вовсе не значит, что там их больше не осталось. Пусть плес, к которому охотник подошел, виден как на ладони и совершенно пуст. В окружающих его зарослях почти всегда таится какое-то количество птиц. В обоих случаях нужно просто, не жалея себя, лезть в эти заросли, исходить их вдоль и поперек, чтобы

выгнать укрывшуюся там дичь. Иной раз поднимаешь чирков, шилохвостей и крякв там, где и не надеешься их встретить — на заросшей рогозом канаве, в участке затопленной травы и в иных местах, которые именно по своей кажущейся ничтожности не привлекают внимания. Летняя утка там, где есть возможность спрятаться, сидит очень крепко и часто не взлетает до тех пор, пока на нее чуть ли не наступишь. Есть у нее манера, не поднимаясь на крыло, уплывать от приближающегося охотника, пока чистая вода или сухой берег не вынудят ее прекратить эти хитрости. Вот вы подошли к длинной, мелкой старице, сплошь заросшей камышом и хвощами, обошли ее по берегу, но ничего не подняли. Подтянув сапоги, решаете все же прямо пройти водой всю эту заросль из конца в конец. Пятьдесят, сто, двести метров пройдено. Впереди уже виден берег, и вот, когда до него остается всего 15—20 шагов, чуть ли не из-под ног начинают взлетать утки.

Если бы не волнение, свойственное большинству молодых охотников, стрельбу здесь можно было бы считать простой. Птицы взлетают близко и медленно, даже шустрые чирки на подъеме не так уж бойки. Чтобы спокойно их выцелить и свалить выстрелом, времени бывает предостаточно. Жаль, что это спокойствие не всегда нам сопутствует. Когда после, кажется, бесконечно долгих поисков вдруг рядом захлопают крылья и рыжая кряква начнет столбом подниматься над тростниковой чащей — куда девается наша выдержка? Судорожно вскидываем мы ружье, торопливо стреляем, и в результате прямо так и просившаяся в ягдташ птица улетает невредимой или, что в тысячу раз хуже, падает раненая и пропадает для охотника. Подбитая утка великая мастерица прятаться. Вот в каких-то двадцати шагах она шлепнулась в воду и пропала, точно растворившись в поднятых ее падением брызгах. Это она нырнула и запала под водой, выставив на поверхность один только клюв. Хорошо, если, напуганная нашим приближением, она себя обнаружит, в противном случае мы чаще всего ее теряем. Не показываясь на поверхности, она тихо уплывает, чтобы где-то вылезти на берег и рано или поздно стать добычей хищника. В кустах, камыше и покрытых осокой кочках найти подранка еще гораздо труднее. Тем не менее нужно приложить максимум усилий, чтобы это сделать. Пусть в поисках уходит драгоценное время, пусть мы знаем, что кругом еще много дичи — поиски нужно продолжать, пока есть хоть крупица надежды на их успешное завершение. Оставлять подранков или проявлять равнодушное безразличие к их потере — абсолютно несовместимо с охотничьей этикой, да и попросту мерзко. Чтобы облегчить поиск подраненной птицы, следует неукоснительно придерживаться некоторых правил. Прежде всего более чем неразумно, примчавшись на место падения птицы, сразу же начинать топтать сапогами водоросли или шарить в кочках. Нужно остановиться и какое-то время внимательно понаблюдать, не зарябит ли где-нибудь вода, не зашевелятся ли стебли трав, потревоженные тихо скрывающейся уткой. В том случае, когда это не удается, можно начинать систематические поиски, метр за метром обыскивая участок. Чтобы уменьшить количество подранков, не нужно злоупотреблять крупными номерами дроби (лучше всего № 5—6) и стрельбой на дальних дистанциях. Кроме того, замеченного подстрела следует сразу же достреливать, а не начинать ловить его, так как эти попытки часто оканчиваются безуспешно! И все же самым надежным средством, избавляющим охотников от потери подранков, является использование на охоте собаки. Пристрастить к охоте по уткам можно почти любую легавую, лайку и даже гончую, но особого внимания здесь заслуживает спаниель и вот по каким соображениям.

Уже неоднократно писали о том, что с каждым годом городскому охотнику — владельцу собаки, если он не является одновременно и обладателем автомобиля, все труднее становится выезжать на охоту. Провоз в городском и железнодорожном транспорте четвероногого помощника превратился в настоящую проблему. Необходимо выкроить время для поездки в районную ветлечебницу и заручиться там справкой, разрешающей транспортировку животного. В железнодорожной кассе приобрести себе

билет и не какой-нибудь, а обязательно в головной вагон поезда (это условие примерно в 12—15 раз осложняет задачу, поскольку отсутствие мест в одном вагоне вероятнее, чем во всем составе). В день отхода поезда, но не раньше, так как предварительной продажи билетов на провоз животных нет, нужно захватить подстилку, намордник, собаку и найти такого шофера такси, который согласится везти собаку на вокзал; отыскать там кассу разных сборов и, источая всем своим существом любезность и доброжелательность, получить квитанцию на провоз собаки на руках у пассажира. При этих условиях можно попасть в вагон (спокойно, если проводница настроена благодушно или после длинных переговоров, если она не в настроении). Заключительный этап — обольстить или умолить попутчиков по вагону, дабы они разрешили вам оставить собаку при себе. В противном случае вам придется устраивать ее в пропахшем углем и наполненном грохотом переднем тамбуре и значительную часть пути ехать там же самому. Так придется действовать, если охотник владеет сеттером, пойнтером, континентальной легавой, гончей или другой достаточно крупной собакой. Хозяевам спаниелей жить, прямо скажем, легче. Мелкие размеры этих симпатичных песиков позволяют легко преодолевать многие транспортные барьеры. Нужно только заблаговременно приучить своего питомца спокойно вести себя в обычном рюкзаке. Повесив рюкзак за спину, вы смело пускаетесь в путь, используя любой удобный для вас транспорт. Вы легко, даже не предъявляя «собачью квитанцию» (хотя иметь ее и нужно), проникаете в вагон и, самое главное, почти наверняка устанавливаете дружеский контакт с попутчиками. Собака, спокойно сидящая в мешке, — это не обычно. Она привлекает внимание и пробуждает симпатию. Даже самые яростные «песоненавистники», убежденные, что любой контакт с собакой грозит им немедленным заражением глистами, только косятся, а на изгнании четвероногого пассажира не настаивают. Итак, да здравствуют мелкие собаки и среди них спаниель, о котором мы и начнем говорить.

Среди охотничьих собак спаниель занимает несколько обособленное положение. С одной стороны, он как пойнтер или сеттер является типичным птичником, с другой — в его работе нет присущих легавым широкого, стремительного поиска, картинной потяжки и, главное, стойки. Вертя обрубком хвоста, с развевающимися ушами носится он вокруг хозяина, отыскивая и выгоняя затаившихся птиц. Ничто его не держит. Он смело лезет в крапиву, в заросли колючих кустарников, в затопленные водой кочки и камыши. Вот он причуял что-то, заспешил, загорячился, запрыгал из стороны в сторону. Все его поведение говорит о том, что дичь где-то тут, близко и нужно готовиться к выстрелу. С кряканьем поднялись из осоки две матерки и тяжело шлепнулись под другой берег после вашего дуплета. Почти одновременно раздается и третий всплеск. Это спаниель плюхнулся в воду и поплыл за добычей. Одну крякуху он нашел сразу, вынес, бросил у берега и торопливо отправился за второй. Слышно, как он пыхтит и шлепает в тростнике, преследуя подранка и временами даже взвизгивая от азарта. Через несколько минут собака уже плывет к вам, сжимая в пасти еще живую крякву.

Натаска спаниеля, т.е. приучение его к охоте, относительно проста. По сравнению с легавыми от него требуется немного. Он должен старательно искать дичь, не отходя при этом далеко от хозяина, не гнать взлетевшую птицу, отыскивать и подавать убитых. Последнее особенно важно при охоте на уток, где битые птицы чаще всего падают в воду и доставать их оттуда без помощи собаки занятие не из приятных. Все, чему необходимо обучить спаниеля, не требует от натасчика какого-то особого опыта и знаний. Оно по плечу даже начинающему охотнику, если только он воспитал своего питомца в духе неукоснительного послушания. Непослушный же спаниель — это проклятие для охотника. Несмотря на свои короткие ножки, он быстро оставляет хозяина позади, уносится вперед, находит там и поднимает на крыло какую-нибудь дичину, затем с упоением гонит ее, пока не потеряет из виду. Напрасно мы будем оглашать округу

свистом и криками — маленькая бестия не обратит на них ни малейшего внимания. Тщетны будут и попытки охотника за счет бегания держаться вблизи собаки — вконец измученный он все равно останется «за флагом». Правда, в большинстве своем спаниели — умницы и довольно скоро понимают, что, действуя вне контакта с хозяином, они лишаются величайшего наслаждения — возможности обнюхать, схватить, подержать во рту эту, так волнующую, но всегда улетающую от них птицу, поняв же начинают работать не отходя далеко. Иногда наше собственное поведение портит работу собаки. Почему-то среди некоторых охотников бытует мнение, что дичь, побывавшая в собачьей пасти, не пригодна в пищу. Чтобы сохранить добычу, они бросаются купавшей птице наперегонки со своим спаниелем, выкрикивая в его адрес запрещения и угрозы. Как следствие, возникает ситуация, когда, отправившись за упавшей в воду уткой, песик выносит ее не к хозяину, а на противоположный берег, чтобы вдоволь с нею потешиться.

Использование на охоте спаниеля, да и другой работающей по уткам собаки резко сокращает количество потерянных подранков. Я много лет занимался соответствующей статистикой и в результате получил материалы, приведенные в **табл. 1**.

Таблица 1.

Количество уток, потерянных охотником при охоте с собакой и без нее

Вид утки	Охота без собаки			Охота с собакой		
	упало птиц после выстрела, всего	из них не взято охотником особей	потерянные птицы, %	упало птиц после выстрела, всего	из них не взято охотником особей	потерянные птицы, %
Кряква	787	370	47	252	14	6
Чирки	441	181	41	201	8	4
Шилохвость Широконоска Серая утка	59	21	35	43	2	4

Таким образом, без собаки охотник теряет в 8—10 раз больше стреляных уток.

Охота на уток с подхода привлекает многих. Пожалуй, нигде не встретишь такой концентрации охотников, как в водно-болотных угодьях, изобилующих водоплавающей дичью. Иной раз, особенно в первые дни сезона, куда ни взглянешь — всюду маячат люди с ружьями. Одни упорно бродят по камышам и зарослям мелководий, другие на резиновых, деревянных, моторных лодках бороздят русла и плесы, третьи таятся по берегам в надежде, что более активные товарищи кого-нибудь нагонят на них. Зачастую прибрежная высокая растительность скрывает охотников друг от друга, а некоторые самозабвенные индивидуумы, настроившись на высматривание уток, вообще не замечают ничего вокруг. Создается ситуация, крайне благоприятная для возникновения несчастных случаев. Выстрел по низко летящей птице здесь легко находит неожиданную жертву в лице другого охотника. Поэтому именно в таких условиях осторожность, внимательность и неукоснительное соблюдение правил безопасности крайне необходимы. Категорически недопустима стрельба на уровне роста человека и в сторону, где можно предполагать присутствие другого охотника. Вопиющее нарушение — забегать вперед по ходу идущего охотника и затаиваться на его пути, ожидая, что поднятые им утки налетят на нас. Кстати, охотничьи хозяйства иногда совершают серьезные нарушения, выдавая на ограниченную

площадь угодий слишком большое количество путевок и тем самым создавая недопустимую концентрацию охотников.

Охота на уток с подхода бывает удачной до тех пор, пока перелинявшие старые и окрепшие молодые птицы не покинут зарослей водной растительности и не переселятся на чистые плесы, где подойти к ним на выстрел становится невозможно. Как только это произойдет, ходовая охота кончается, и только редко в очень ветреную погоду удается убить зазевавшуюся и близко взлетевшую утку. Исключение составляют места, где дичь держится по узким руслам рек и протоков, извивающихся между крутых берегов. Тут под прикрытием берега, осторожно пробираясь вдоль речки, можно успешно пострелять по самым различным видам уток, включая и нырков.

В принципе охота с подхода или подъезда, иногда в чистом виде, иногда в сочетании с нагоном, существует и на гусей. Однако охотнику в ней редко сопутствует удача. К сидящим на поле или на воде гусям подобраться даже на расстояние дальнего выстрела необычайно трудно. При любой стае всегда есть дозорные, бдительно охраняющие безопасность собратьев. Теперь уже никакие виды транспортных средств не притупят врожденную гусиную осторожность, так как и с повозок, и с автомобилей, и с тракторов, и с моторных лодок по птицам многократно стреляли. Картина, когда охотник, распластавшись на пашне, моховом болоте или сгибаясь в три погибели среди скудных стеблей водной растительности, пробует подкрасться к гусям, может вызвать только сочувствие. Охота подобного рода заведомо и безоговорочно обречена на провал.

Любой способ охоты предопределяет преимущественную добычу животных определенного пола и возраста. Это совершенно закономерно, так как отдельные способы охоты рассчитаны на определенные особенности поведения животных (малая осторожность, затаивание от приближающейся опасности, активность поведения, стремление к обществу себе подобных и т.д.). Следовательно, наиболее частой добычей охотника могут быть именно те особи, которым указанные особенности поведения наиболее свойственны. Птицы разного пола и возраста ведут себя далеко неодинаково, и в этом кроется причина их более легкой (частой) или, наоборот, более трудной (редкой) добычи.

Заметив приближение опасности, птицы и звери обычно пытаются избежать ее тем или иным образом: затаиться в надежде остаться незамеченными или немедленно покинуть место, где им что-то или кто-то угрожает. Затаивание часто предшествует бегству. Видя, что враг все ближе, спрятавшиеся животные покидают укрытие. Иногда это происходит более или менее заблаговременно, иногда в самую последнюю минуту, когда уже никакой возможности отсидеться не остается. То расстояние, на котором враг воспринимается животными как реальная угроза, требующая немедленного действия, в первую очередь зависит от двух причин: от физического состояния и от степени осторожности каждой отдельной особи. Все вышесказанное справедливо для всех представителей водоплавающей дичи. Молодые утки и гуси, неспособные еще к нормальному полету, таятся особенно крепко. Это зависит от целого ряда особенностей, которыми их наделила природа (хорошо развитой покровительственной окраской, слабым запахом и т.д.). Заметить притаившихся в зарослях прибрежной растительности, среди кочек и водорослей не только маленьких утят, но и почти взрослых хлопунцов необычайно трудно. Они как будто растворяются в путанице стеблей и листьев, тем более что при этом они зачастую погружаются в воду, оставляя на поверхности одну голову. В том, чтобы спрятаться, они видят единственный путь к спасению, и это стремление сохраняется у них довольно долго, даже после того, как они получат возможность к нормальному полету. Только жизненный опыт и приобретенная вместе с ним

осторожность избавляют их от этой привычки. Нежелание взлетать свойственно не только молодым, но и взрослым птицам в период, когда они либо линяют, либо находятся при выводке и не хотят оставлять птенцов. Склонность к затаиванию в большей степени свойственна самкам, чем самцам.

О склонности птиц к затаиванию или, наоборот, о их стремлении заблаговременно увидеть приближение врага, чтобы тут же покинуть опасное место, позволяет судить характер тех угодий, которых гуси или утки придерживаются в разные периоды жизни, и тех участков угодий, куда они садятся после подъема. Специальными наблюдениями установлено, что в августе все — и молодые и взрослые речные утки — держатся по мелким плесам среди зарослей водной растительности. В сентябре до 40% взрослых и 30% молодых птиц после подъема опускаются уже на чистые плесы. В октябре на чистые плесы садятся уже свыше 80% взрослых и до 50% молодых уток. И, наконец, в ноябре до 95—97% всех уток придерживаются открытой воды. Одновременно от августа к ноябрю увеличивается и среднее расстояние, на которое утки подпускают охотника, прежде чем взлететь. У молодых крякв оно возрастает с 18 м в августе до 27 м в октябре, у взрослых соответственно с 21 до 28 м. При этом самки всегда менее, а самцы более осторожны. Как уже упоминалось, при охоте с подхода успех прежде всего зависит от того, удается ли охотнику приблизиться к дичи на расстояние выстрела. Поскольку молодые утки и самки больше таятся и менее осторожны, при ходовой охоте их добывают чаще, чем птиц взрослых и самцов. Эта избирательность хорошо иллюстрируется материалами **табл. 2**.

Таблица 2.

Доля молодняка в популяциях уток и среди особей, взятых при охоте с подхода

Вид утки	Молодые птицы в популяции			Молодые птицы в добыче		
	всего	из них молодых		всего	из них молодых	
		особей	%		особей	%
Кряква	1940	1359	70	581	475	82
Чирок-свистунок	927	666	72	453	365	81
Остальные виды уток	559	342	68	139	117	84

Среди добытых крякв самки их составляли 66%; среди чирков — 57, среди остальных видов уток — 77%. Поскольку в природе соотношение птиц разного пола в популяциях водоплавающих равно примерно 1:1, приведенные цифры явно свидетельствуют о преимущественной добычи самок охотниками. К чему в плане благополучного существования популяций дичи ведет указанная избирательность, мы рассмотрим несколько позже в специальной главе.

Охота подкарауливанием (на перелетах)

Охота с подкарауливанием дичи принципиально отличается от охоты с подхода. При ней охотник ищет не самих животных, а места, где они в силу тех или иных причин появляются достаточно часто и, появившись, могут сами приблизиться к охотнику на нужное для выстрела расстояние.

Уже незадолго до открытия летней охоты, в конце июля и начале августа, подросшие и получившие способность летать молодые утки на утренних и вечерних зорях начинают пробовать свои силы. Они поднимаются и совершают сперва небольшие, а потом и более далекие облеты окружающей местности. Это еще не перелеты, а тренировки, освоение искусства полета. Взлетев с залива или старицы, где до того проходила их жизнь, птицы

через некоторое время туда же и садятся. Но проходят дни, крепнут крылья и выводок вечером уже улетает с привычного плеса в места, более богатые кормами. Чаще всего это либо покрытые рдестами и ряской мелководья, изобилующие всякой болотной живностью и пригодными в пищу семенами растений, участки, покрытые водным рисом, либо поля зерновых культур (предпочтительно проса, гречихи, гороха и пшеницы). Пробыв там всю ночь и до отказа наевшись, утки утром возвращаются обратно: в первое время — туда, где они жили все лето, в дальнейшем — просто в наиболее удобные для дневки угодья.

Этими-то особенностями их поведения и пользуются для охоты на перелетах, столь же популярной, как и стрельба водоплавающих с подхода. Любителей «постоять зорьку» даже больше, поскольку это дело не утомительное, сравнительно кратковременное и ни физических усилий, ни особого упорства не требующее, разве что охотник решит забраться в какие-то малодоступные крепи. А обычно — подъехал на машине, прошел с полкилометра, остановился и жди, когда налетят. Налетают же порой довольно часто. Это ли не удовольствие? Если же в дополнение и погода хорошая и комары не норовят съесть заживо — это ли не наслаждение?

Но вот охотник на месте. Медленно клонится к горизонту багровый круг солнца. Воздух словно густеет, наполняясь еще не сумерками, а какой-то предвечерней синеватостью. Вода розовеет, и местами закатные краски рдеют в ее глубине, как затухающие угли. Тихо, так тихо, что с необычайной ясностью слышны дальние деревенские звуки, плеск весел и голоса выбирающих себе места соседних охотников. Для уток еще рано и, отгоняя дымом сигареты назойливо зудящих комаров, охотники спокойно следят за медленным угасанием дня, вьющимися над водой чайками или группой всклоченных ворон, жадно высматривающих в камыше свою добычу. Солнце село, значит, нужно подниматься и браться за ружье. Где-то уже стреляют, а вот и рядом, провожая стайку пролетающих в поднебесье чирков, грохнул дуплет. Зачем — понять невозможно, потому что достать до птиц можно разве что из зенитки. Все-таки совершенно нелепо это стремление некоторых охотников бахать по любой, даже самой далекой цели. Двести, триста метров, а им все равно — лишь бы «вдарить». То, что это запрещено, распугивает дичь и портит охоту другим, этим неистовым стрелкам, к сожалению, безразлично.

Когда прямо с зари на охотника тянет невысоко табунок уток, своих выстрелов он почти не слышит. Смутно замечает, как веером пошли после выстрелов вверх темные острокрылые силуэты, но зорко следит за той птицей, которая, свернувшись комком, валится в траву. Перезарядив ружье, идет за своим первым трофеем и достает битую намертво свиязь.

Кругом постреливают все чаще. Снова ждет, провожая глазами, тут и там пролетающих стороной уток. Иногда «мажет» по проносящимся, точно реактивные самолеты, чиркам, и только почти в полной темноте спускает в камыш близко налетевшую шилохвость. Затем долго бродит среди гладких, как будто лакированных стеблей, и с трудом находит птицу под одним из их заломов.

Окончательно стемнело, над головой все чаще и ярче поблескивают звезды, а внизу все слилось в одну большую черноту, где только участки чистой воды отражают звездную беспредельность. Пора домой с тем, чтобы завтра снова в предрассветной мгле прийти сюда, на этот выступающий в озеро мысок и ждать, когда на посветлевшем небе появятся, приближаясь, темные утиные силуэты. А пока — к дому, к свежему сену и короткому, полному ожидания сну.

В первые дни сезона над богатыми дичью угодьями утки летают почти повсеместно. Однако с ходом времени картина меняется. У птиц появляются излюбленные места дневки и ночной жировки, а также четко выраженные пути следования от одних мест к другим и обратно. Тут уже не каждое озерцо или залив сулят какую-то удачу, не на всяком участке берега на протяжении зари хоть один-два раза выстрелишь. Чтобы успешно поохотиться, теперь нужна разведка, требуется выяснить, откуда, куда и над какими местами утром и вечером идет дичь. На это иной раз можно потратить не один и не два дня. Правда, если найдется место хорошего, концентрированного перелета, то охотник может себя поздравить — пострелять доведется. Этому может помешать лишь одно обстоятельство. Там, где на водоплавающих много охотятся, они не только концентрируются в определенных местах, но и заметно меняют свое поведение. Постигнув на горьком опыте, что лишь полная темнота может охранить их от покушений охотников, они все позже летят на жировку вечером и все раньше возвращаются с нее утром. Случается, всю зорю простоять на испытанном, надежном месте без выстрела и, уже собираясь домой, вдруг услышать, как над тобой со свистом начинают одна за другой проноситься утиные стайки. Это вечером. Утром придешь, когда чуть-чуть завиднеется полоса восхода, и окажется — опоздал, так как птица уже пролетела перед самым рассветом к своим дневным пристанищам. Кроме того, неоднократно обстрелянные утки, поднявшись в воздух, часто сразу же набирают такую высоту, что стрелять по ним становится бессмысленно. Караулить их в этой ситуации приходится не столько там, где они пролетают, сколько там, где они снижаются перед посадкой, т.е. вечером — у мест жировки, утром — на дневках. Предпочтительно устроиться так, чтобы, во-первых, можно было бы стоять лицом на зорю (это поможет лучше различать налетающих птиц) и, во-вторых, в таком месте, где битая дичь не падала бы в непролазную крепь. Несоблюдение последнего условия всегда ведет к бессмысленной потере значительной части убитых уток.

В местах, где на обширных плесах по уткам много стреляют и постоянно их тревожат, птицы для дневного отдыха часто избирают какой-либо малодоступный, глухой участок угодий. Старица, окруженная непролазной крепью заболоченного леса, озеро, скрытое в сплошном массиве тростников, заводь речки, петляющей среди затопленных водою ольховников, — таковы обычные места дневного пребывания спасающихся от постоянного преследования уток. Обнаружить их трудно, добраться до них еще труднее. Топь, валежник, кочки, зыбящиеся под тяжестью человека сплавины — вот что ждет того, кто вознамерится проникнуть к этим потаенным утиным пристанищам. И все же неуемная охотничья страсть, надежда на богатую охоту и полное отсутствие дичи в доступных угодьях толкают охотников на преодоление всех этих преград, лишь бы только маячила впереди возможность обнаружить утиную дневку или сидку.

Чаще всего мысль о наличии дневки возникает во время охоты на утренних перелетах, когда удается заметить, что многие пролетающие на недосягаемой для выстрела высоте табунки дичи над каким-то определенным местом снижаются и исчезают из поля зрения. Значит, они куда-то садятся, значит, есть у них какая-то тайная присада, и желание отыскать ее уже не дает охотнику покоя. Если он знает, что там, где скрылись стайки птиц, имеется водоем, подходящий для их пребывания, — дело сводится лишь к тому, чтобы до него добраться. Если же местность охотнику незнакома и полезной информации на этот счет от местных жителей ему получить не удается, все осложняется. Не один километр проблуждает он по самым неудобопроходимым местам, прежде чем достигнет своей цели. Душно, одолевают комары, ноги проваливаются и вязнут в топи, сплетенные, перевитые ползучими стеблями ветки хлещут по лицу и цепляются за одежду. Вся окружающая обстановка, где черная стоячая вода подернута радужной пленкой гниющих растений, где все словно замерло в затхлой неподвижности, никак не улучшает

настроения, а прыганье с кочки на кочку и необходимость все время преодолевать какие-то препятствия выматывает физически. Но вот, наконец, впереди намечается долгожданный просвет, в прогалах между деревьями виднеется чистая вода и через несколько минут вы оказываетесь у ее края. Какое же горькое разочарование испытываешь, когда после всех перенесенных мучений не только не поднимаешь здесь ни одной утки, но не находишь даже и намека на пребывание дичи. Так обычно и бывает в тех случаях, когда охотник еще до подъема уток замечает возможное место их пристанища. Там, где держатся птицы, их взлеты начинают доноситься до вас гораздо раньше, чем вы подойдете к самой сидке. Иногда без этих взлетов дневку вообще не найти, так как в чащобах прибрежных урем ничего не стоит пройти мимо какого-нибудь плеса, даже и не подозревая о его наличии. Велика бывает радость охотника, когда он слышит впереди звуки подъемов, видит, как между спутанных ветвей мелькают рыжеватые пятна поднимающихся на крыло крякв, и когда он выходит, наконец, туда, где вода покрыта утиными перьями и пухом, осока на кочках примята и белые пятна птичьего помета свидетельствуют о том, что место дневки найдено.

Величайшую ошибку делает тот, кто сразу же пытается засесть в засаду или начинает бродить вокруг плеса в надежде сразить выстрелом еще не улетевшую, зазевавшуюся утку. Старания его чаще всего окажутся тщетными. Туда, где их только что потревожили, птицы в этот же день возвращаются очень редко и не все. Стрельбой по отдельным вернувшимся особям можно только испортить предстоящую охоту. Идет на это лишь тот, кто не имеет возможности поохотиться следующим утром. Что же касается попыток стрельбы с подхода, то они вообще бесполезны, так как малая проходимость угодий, окружающих место дневки, не позволяет охотнику двигаться без шума. Заросли мешают обзору, а птицы подпускают на расстояние выстрела только в исключительно редких случаях. Поэтому единственное, что должен сделать разумный охотник, нашедший место утиной дневки, это присмотреть место, удобное для укрытия и стрельбы, выяснить, позволяют ли глубина и характер дна водоема доставать упавшую дичь (если у охотника не имеется подающей с воды собаки, то подготовить какое-либо плавсредство), наметить дорогу, по которой можно добраться сюда перед рассветом. Если нет каких-то четких ориентиров (просека, старая дорога), то по вешкам или затескам на деревьях нужно обозначить путь так, чтобы не сбиться с него даже в темноте. В наиболее трудных местах можно намостить примитивные кладки или найти более удобный проход (идти ведь придется ночью, а это всегда во много раз труднее, чем днем).

Выходить из дому нужно с таким расчетом, чтобы к рассвету быть уже на месте, так как подлет дичи может начаться рано. Отыскав подготовленное накануне укрытие и устроившись в нем, остается только ждать. Утруждать себя строительством капитального скрадка нет смысла — растительность, доходящая до пояса, — вполне достаточная защита. Светает. Все яснее обрисовываются на фоне неба кусты и кроны деревьев. Над водой клубится пелена утренних испарений, на стеблях трав, на листьях, на поникших камышинах поблескивают холодные капли росы и покрытые ею паутины, обвиснув на своих тонких нитях, серебрятся. Вокруг тишина, и только у самой воды в еще темном сплетении кочек и трав идет невидимая таинственная жизнь, выдающая себя всплесками, шорохами и хлюпаньем, тихой возней и часто, не поддающимися расшифровке голосами.

Как бы напряженно вы ни ждали появления дичи, как бы ни напрягали зрение и слух, а первый табунок уток всегда застает вас врасплох. Мгновенное шипение рассекающих воздух крыльев, всплески — и несколько крякв уже сидят на плесе в каких-нибудь 20 шагах. При первом же вашем движении они шумно взмывают в воздух — охота началась.

Прижившиеся на дневке утки никогда не прилетают на нее все сразу. Отдельные стайки появляются одна за другой иногда на протяжении всего утра. На привычное обжитое место птицы, как правило, садятся смело без предварительного облета и высматривания возможной опасности. Стрелять приходится быстро, так как на лесных озерах и плесах обзор и обстрел часто очень ограничены. На хорошей сидке лишь одна проблема нередко омрачает охоту — отыскание и доставание битой дичи. Решить ее по-настоящему может только хорошо работающая по утке собака. Она отыщет и принесет хозяину всю его добычу, включая и подранков. Без собаки даже относительная проходимость водоема или наличие на нем лодки не гарантирует вас от досадных потерь, потому что в крепях, к которым часто приурочены места дневок, отыскать битую, а тем более зараненную птицу далеко не просто.

Найденная дневка обычно обеспечивает охотой максимум на два-три утра. Напуганные стрельбой утки очень скоро перестают на нее прилетать, избирая себе другое пристанище. Только очень умеренная охота (1—2 раза в неделю) может продлить существование дневки.

Стрельба на перелетах очень разнообразна. Приходится иметь дело со штыковыми, угонными, летящими и слева направо, и справа налево, идущими с различной скоростью и на разной высоте птицами. Далеко не всегда можно успеть подготовиться к выстрелу, так как цель зачастую появляется внезапно и стрелять приходиться быстро. Особенно это типично для чирков, которые могут вдруг вывернуться из темноты, промчаться и исчезнуть в какие-нибудь секунды. Поэтому на хорошем перелете за час иногда расстреляешь больше патронов, чем за весь день ходовой охоты, а убьешь обычно много меньше.

На этой охоте нет необходимости как-то маскироваться. Пока еще не взошло солнце или когда оно уже скрылось за горизонтом, на земле темнее, чем над ней, и налетающие птицы плохо видят охотника. Поэтому те из охотников, которые при охоте на перелетах забираются в кусты или тростник, устраивают нечто вроде засидки из веток и вообще таятся — только себе же делают хуже. Им труднее заметить приближение дичи, труднее поворачиваться в любую нужную сторону, менее удобно стрелять. Маскировка оправдана только там, куда утки еще до наступления сумерек либо уже после восхода солнца идут на посадку — случай довольно редкий, если только охота не происходит на обширных водоемах, где дичь практически активна весь день.

Свои вечерние и утренние перелеты водоплавающие регулярно совершают до отлета на юг. В зависимости от смены кормовой ситуации в угодьях направление их перемещений часто меняется. Кончилась жатва, обезлюдели поля — и косяки крякв потянулись на них, чтобы собирать рассыпанное по стерне зерно. Упала вода, образовались участки новых мелководий — и вот там, где ее раньше не было, объявится много дичи. Залило дождями пашню — и на образовавшихся грязевых топях можно стоять вечернюю зорю. Всего тут не предугадаешь. Просто тому, кто любит охоту на перелетах, все время нужно быть в курсе утиных дел. Тогда грустные возвращения с охоты без выстрела будут редкостью. И все же стрельба уток на перелетах сравнительно легко может быть освоена любым охотником.

Совершенно по-иному обстоит дело, когда речь идет о гусях. Здесь, чтобы обеспечить себе удачу, нужны терпение, выносливость и упорство.

Первым этапом подготовки к охоте на гусей является разведка. Нужно выяснить, когда и куда гуси летят утром, где проводят день, над какими участками угодий пролетают на

высоте, допускающей надежный выстрел. Не день и не два потратишь обычно, чтобы во всем этом разобраться, тем более что разовое наблюдение еще ничего не гарантирует. Потревоженные гуси могут пролетать и образовывать скопления в местах совершенно случайных, где их впоследствии и не увидишь. А вот если и сегодня, и завтра, и послезавтра вы видите, как в определенное время, одним и тем же путем их стаи прилетают в одно и то же место и садятся там — надежда на успех становится реальной. Однако до самого успеха еще далеко. Дело в том, что гуси предпочитают пролетать там, где на их пути нет ничего, что могло бы послужить укрытием охотнику. Над чистой водой, над сплошными тростниковыми крепями или оголенной гладью полей они могут лететь совсем низко, но над отдельными куртинами водной растительности, бурьянами и мелколесьем набирают высоту. Все новое, непривычное для данного места их настораживает, а это значит, что любой выделяющийся на местности скрадок вызовет их подозрения. Даже свежевыкопанная (при устройстве скрадка-окопа) земля, если охотник не побеспокоится о том, чтобы как-то ее замаскировать, нередко заставляет гусей свернуть в сторону. В местах же, где гуси садятся, они еще более недоверчивы ко всяким изменениям в привычной для них обстановке. И вот, отыскав ценой многодневных поисков и усилий район гусиной присады, охотник зачастую оказывается перед проблемой: где спрятаться? Кругом на десятки, а то и сотни гектаров раскинулось либо оголенное пространство убранных полей и озимей, либо мокрая, кочковатая гладь сфагновых клюквенников, либо простор почти лишенных растительности мелководий. Нет ни кустика, ни самой убогой сосенки, ни куртины тростника или рогоза, где можно было бы устроить укрытие. На суходоле можно, конечно, выкопать яму, в болоте или на воде установить засидку-бочку (что и делается в ряде охотничьих хозяйств), но охотнику-одиночке не только бочки, а и лопаты обычно раздобыть негде. Единственная возможность для него это суметь все же поставить как можно менее заметный скрадок. Если окажется, что он все-таки явно выделяется на местности — лучше всего отложить охоту дня на два, чтобы гуси попривыкли к построенному сооружению. Когда посчастливится отыскать гусиную присаду, не стоит размещать скрадок в самом ее центре. Много целесообразнее устроиться где-то с краю, метрах в двухстах от места основной сидки. Во-первых, охотник будет здесь не так сильно тревожить прилетающих птиц, во-вторых, выстрелы не разгонят всех собравшихся на присаде гусей, а лишь будут их беспокоить. Птицы станут взлетать, кружиться над своим излюбленным плесом или участком поля и зачастую снова садиться. В это время они могут не раз оказаться от охотника на расстоянии верного выстрела, особенно если выставить возле своего укрытия несколько гусиных чучел или профилей.

Устройство любого скрадка, создается ли он на чистом месте или в удобной для этого куртине растительности, должно проводиться только в то время, когда гусей поблизости нет. Стоит заняться указанным делом на глазах присутствующих в отдалении птиц (а еще хуже, прогнав часть гусей с выбранного для охоты места), шансы охотника на удачу снизятся до минимума. Гуси прекрасно запоминают тот куст или гривку камыша, где замеченный ими человек исчезает из виду и предпочитают держаться от них подальше.

Но допустим, что вся подготовка позади: место, где в урочное время появляются гуси, найдено, скрадок устроен, чучела или профили выставлены, и можно начинать охоту. Близится час, когда следует ждать прилета птиц. Вот где-то раздалось далекое погогатывание, ближе и ближе, и уже видно одиночного высоко идущего гуся. Нужно не шевелиться, замереть в полной неподвижности, лишь косить глазами на делающую один, второй, третий круг и постепенно снижающуюся птицу. Известно, что это разведчик, явившийся проверить, все ли спокойно там, куда привыкла прилетать вся стая. Эти гусиные соглядатаи — враги охотника — они не просто летят, а специально высматривают опасность, и уже если его заприметят, то прощай всякая надежда на прилет

той партии гусей, от которой дозорный прибыл. Если вы находитесь на пути гусиного лета, разведчик обычно лишь проследует над вами. Над самой же присадой он будет долго кружить, прежде чем, наконец, сядет, да и тогда всем своим видом показывает состояние недоверчивой настороженности — сидит неподвижно, вытянув шею, и только высоко поднятая голова медленно поворачивается из стороны в сторону. Иногда, посидев немного, он улетает, чтобы вернуться вместе со своими собратьями, иногда дожидается их прилета и голосом дает им знать о своем присутствии. Случается, что разведчик налетает или садится от вас довольно близко, однако стрелять по нему будет лишь тот, кто не верит в будущую удачу и синицу в руках предпочитает журавлю в небе. Если на выбранное вами место прилетает одна гусиная стая — отстрел разведчика равнозначен окончанию охоты, так как его сотоварищи чаще всего сюда не прилетят. Кроме того, ваш выстрел может отпугнуть и других приближающихся к сидке гусей. А так бывает обидно, когда охота заканчивается, едва начавшись. А потом кто из охотников не мечтает тут о дуплете? Итак, стрелять по разведчику не стоит. Снова тянется томительное ожидание, снова в мыслях один единственный вопрос — прилетят или нет? И, наконец, сбылось. Издали доносится многоголосое гоготание, и становится заметна темная цепочка приближающихся птиц. Она вырастает, растягивается, распадается на отдельные силуэты, и уже ясно, что охотника не минует. Только бы не заметили и не отвернули! В эти секунды малейшее неосторожное движение (попытка повернуться или перенести стволы ружья на нужную сторону) может все испортить. Готовиться к выстрелу можно лишь тогда, когда гуси уже близко, когда различимы детали их оперения и вытянутые назад, прижатые к животу лапы. С каким напряженным волнением ловит тогда охотник мушкой ту точку, в которой снаряд дроби должен встретиться с выбранным им гусем! С каким ликованием или отчаянием воспринимаем результаты своих выстрелов.

Попасть в гуся было бы легко, если бы не обманчивая иллюзия медленности его полета. Большие размеры птицы, неторопливые взмахи крыльев скрадывает скорость ее движения. Чтобы не «обзадить» шагов на 40—50, нужно при стрельбе брать уже порядочное упреждение, и привыкнуть к этому не просто. Гусь крепок на рану, и хотя близко убить его можно и относительно мелкой дробью, но для специальной охоты на него нужна дробь не мельче 2-го и 1-го номера. Кроме того, гусей, по которым уже стреляли, следует как можно дольше не упускать из вида — не исключена возможность, что одна из птиц, пролетев какое-то расстояние, вдруг пойдет на посадку или просто упадет. Иногда за ослабевшим подранком опускается и вся стая. Через несколько минут она вновь поднимается в воздух, и если вы догадались сосчитать, сколько садилось и сколько взлетело птиц, то отсутствие одной из них легко обнаружите, а значит, может быть и отыщите свою добычу.

Близко упавшего гуся-подранка нужно немедленно дострелить, а убитых птиц собирать только после окончания охоты. Дело в том, что способность гусей появляться в самые неподходящие минуты просто поразительна. Иной раз часа два ничто не говорит о их близком присутствии, но стоит вам встать в скрадке, чтобы размяться или выйти из него за убитой ранее птицей — они тут как тут: налетели, заметили вас, загоготали и поминай как звали. Бывает это сплошь и рядом.

Гуси и казарки — дичь дорогая и редкая, поэтому, выбирая место для охоты, не нужно особенно привередничать. Там, где держатся эти птицы, где есть надежда сделать по ним несколько выстрелов, там и нужно устраиваться. Даже сплошные крепи тростников или непролазная болотная хлябь, где найти и достать уплывшего гуся совсем непросто, охотника не пугают. Совершенно по-иному обстоит дело при охоте на уток. Здесь обычно имеется возможность выбрать для охоты не только богатое дичью, но и более или менее удобное место, что при стрельбе на перелетах особенно важно. Во многих районах нашей

страны места, куда водоплавающая дичь летит кормиться, приурочены к заросшим мелководьям, где тростники, камыши и рогозы тянутся сплошными массивами или образуют большие по площади куртины, где десятки гектаров заняты спутанными, переплетенными листьями ежеголовки, ситников и других водных растений, а чистая вода видна лишь отдельными небольшими окнами. Найти тут даже убитую наповал утку очень трудно, а подранка почти невозможно. Тот, кто прельщенный обилием дичи попробует постоять зорьку, в таких местах неизбежно потеряет большее количество упавших после выстрелов уток, и только наличие хорошо работающей собаки избавит его от такого огорчения. Там же, где собака работать не может например, в тростниковых крепях озер Западной Сибири, дельте рек Волги, Селенги и т.д. или тем охотникам, у кого нет собаки, таких мест, как бы ни много там было уток, нужно всеми силами избегать. Где-то на подходе к местам утиных жировок всегда можно найти чистый плес, луговину или другой участок угодий, где битую птицу можно легко отыскать даже в сумерках.

О том, сопровождается ли охота на гусей выборочным отстрелом птиц того или иного возраста или пола, мы не знаем. Можно лишь предположить, что возможность такой избирательности минимальна, так как на протяжении всего сезона охоты молодые и взрослые птицы обоих полов держатся вместе и, следовательно, если и отличаются друг от друга реакцией на опасность и степенью осторожности, то охотнику эти различия ничего не сулят. Взрослые, опытные птицы служат примером для молодняка, и, пожалуй, только одиночный, отбившийся от стаи молодой гусь может стать жертвой своей легкомысленной неосмотрительности.

Если охота на уток проводится на утренних и вечерних перелетах, то выборочной добычи самцов или самок, молодых или взрослых особей нет (**табл. 3**).

Таблица 3.

Доля молодняка в популяциях уток и среди особей, взятых при охоте на перелетах

Вид утки	Молодые птицы в популяции			Молодые птицы в добыче		
	всего	из них молодых		всего	из них молодых	
		особей	%		особей	%
Кряква	1940	1359	70	753	502	67
Чирок-свистунок	957	666	72	655	379	58
Остальные виды уток	559	342	68	910	566	62

Отмечается лишь несколько меньшая доля молодых птиц в добыче, чем в популяции, наиболее заметно выраженная у чирка-свистунка, а соответственно некоторая избирательность отстрела взрослых птиц.

Самцы и самки разных видов уток обычно добываются охотниками на перелетах в равном соотношении, но лишь в тех случаях, когда охота происходит в предрассветных или вечерних сумерках. Если же, как это часто практикуется, охота производится не по птицам, летящим с мест дневки на кормежку или наоборот, а днем, когда активность уток определяется просто тем, что их то и дело тревожат, вынуждая перемещаться с места на место, картина избирательности добычи резко меняется. Однако дневная охота чаще всего осуществляется с использованием чучел, и к описанию этого способа мы теперь и переходим.

Охота подманиванием (с чучелами)

Охотника не всегда устраивает пассивное ожидание дичи, и он часто прибегает к различным ухищрениям, направленным на то, чтобы подманить к себе тех животных, которые находятся от него вне достигаемости выстрела. Приемов для этого существует много. Было время, когда, укрывшись недалеко от воды, на которой плавала утиная стая, охотник выпускал на берег обычную собачонку-дворняжку. Бегая недалеко от спрятавшегося охотника, она привлекала внимание птиц, и те, заинтересованные ее появлением, плыли к берегу. Приближались они, конечно, не вплотную, но достаточно близко для того, чтобы их достал заряд крупной дроби. Считалось даже, что наиболее пригодные для такой охоты собаки рыжего окраса, которых утки якобы принимают за лисиц. В прошлом в охотничьих магазинах продавались специальные воздушные змеи, сделанные в форме парящего орла. В рекламе указывалось, что поднимаются они при малейшем дуновении ветра и, будучи запущены в воздух, дают возможность подходить близко к самой сторожкой дичи, так как последняя, опасаясь мнимого врага, боится подниматься на крыло. Сейчас такие приспособления удается увидеть разве что в музее. Однако многие средства подманивания дичи сохранились и широко используются охотниками во время охот.

Уже месяца полтора прошло после открытия охоты на уток. Охотники стреляли их с подхода, обходя берега водоемов или по колено, а то и по пояс в воде пробираясь среди осок и хвощей мелководий. Охотились с подъезда, проталкивая лодку по узким протокам от одной укромной заводи к другой сквозь зеленую щетку камышей и колючие ковры телорезников. Стояли на перелетах, караулили птиц на полях зерновых культур и на потаенных плесах, куда утки собирались на дневку.

Теперь всему этому приходит конец. Взматеревшая дичь начала табуниться на чистой воде, где подобраться к ней незаметно почти невозможно. Не только кряквы, но и простодушные чирки редко подпускают на расстояние верного выстрела. Осложнилась и стрельба на перелетах — умудренные горьким опытом птицы совершают их почти в полной темноте после захода или задолго до восхода солнца и зачастую так высоко, что уже и крупная дробь не помогает.

Тем временем первые заморозки разрисовали лесные опушки невообразимой пестротой осенних красок. По утрам поникшие травы серебрятся от инея, а днем при солнце сотни маленьких паучков суетятся на концах камышин и ждут ветра, чтобы на паутинной нити-парашюте отправиться в полет к какой-то одним им ведомой цели. Над холодно-синеющей или свинцово-серой гладью вод все чаще появляются стайки не встречавшихся нам раньше шилохвостей, гоголей и чернетей. Начался осенний пролет, и с мест северных гнездовий водоплавающая дичь двинулась к югу. Вот тут и наступает лучшее время для охоты на уток с чучелами.

Охота эта известна с незапамятных времен, о чем свидетельствуют деревянные подобия уток, которые попадаются археологам при раскопках древних поселений человека. Там, где вдоль морских побережий, крупных рек или озерных систем искони пролегали пути пролета водоплавающих, утиные чучела — это обязательная часть снаряжения местных охотников и техника их использования общеизвестна. Однако среди

тех, кто лишь приезжает в эти места на охоту, правильно организовать ее умеют далеко не все.

Ночь, шуршание и шелест тростников, куртины которых смутно чернеют во мраке, еле заметное мерцание темной воды, промозглая, предрассветная сырость. Охотник направляется туда, откуда до него доносится многоголосое кряканье и шлепанье крыльев собравшихся на ночевку уток. Эти звуки по мере приближения охотника становятся все более ясными и, наконец, впереди, справа и слева начинают шумно взлетать потревоженные появлением человека не видимые в темноте птицы. Их много, и охотник решает остаться в этом богатом месте. Он выбирает более или менее чистый плес, высаживает чучела, забирается в какое-нибудь укрытие и ждет, преисполненный самых радужных надежд.

Светает, где-то прогоготали гуси, прозвенела в поднебесье стайка гоголей, совсем рядом с унылым хныканьем возятся в зарослях лысухи. В затянутых утренним туманом кундраках (зарослях ежеголовки, ситника и хвощей по мелководьям) все активнее перекликаются кряквы и первые, еще молчаливые чайки, точно призраки, протянули в сторону большой воды.

На посветлевшем небе то и дело начинают мелькать табунки поднявшихся с ночевки уток. Наш охотник с тем или иным успехом уже сделал несколько выстрелов. Но коротки минуты утреннего лета дичи в выбранном им месте. Рассвело, и над коричневато-зеленой щеткой кундраков, над желтеющими тростниками и рыжими рогозами небо опустело. Только чайки с истошными воплями вьются в воздухе и падают к воде, ссорясь из-за добычи, да вороны кружатся над зарослями, высматривая подранков. Идет время, а дичи нет, и все тоскливее становится бесплодное ожидание. А где-то стреляют, кто-то охотится, и наш герой решает сменить место. Собрав чучела, он гонит лодку через кундраки и через некоторое время вновь начинает поднимать из них довольно много кряковых и чирков. Часть их улетает, остальные снова садятся в каких-нибудь двухстах-трехстах метрах. Соблазн велик, дичь вот она, рядом. Куда еще ехать? Опять высаживаются чучела, опять охотник затаивается в укрытии и опять сидит без выстрела. Человек усидчивый может потратить здесь весь день. Тот, кто не отличается терпением и жаждет деятельности, может до вечера гоняться по кундракам за перемещающимися по ним крякухами в надежде, что хоть одна из них подпустит его на выстрел. Оба охотника совершают одну и ту же ошибку — пробуют охотиться там, где никакой охоты быть не может. Дело в том, что поздней осенью кундраки — это лишь ночные пристанища водоплавающей дичи. С рассветом большая часть уток улетает отсюда на открытую, чистую воду, а те, которые остаются, предпочитают не подниматься в воздух, не летают и, следовательно, не замечают чучела и не подлетают к ним. Днем дичь концентрируется на чистинах — обширных лишенных высокой растительности плесах, где кряквы, шилохвости, чирки, красноголовики, чернети и многие другие виды уток до вечера отдыхают на водной глади, то и дело с гулом взлетают потревоженные какой-нибудь реальной или мнимой опасностью. Именно здесь, вблизи от таких скоплений дичи, чучела могут «работать» в полную силу. Именно сюда нужно стремиться, не соблазняясь многочисленностью еще не покинувших мест ночевки уток. Недоступность рассевшихся на открытой воде утиных скопищ далеко не абсолютна. Понаблюдайте, и вы заметите, что к ним и от них временами то подлетают, то отлетают одиночки и группы птиц. Иногда потревоженная появившейся лодкой или охотящимся пернатым хищником вся масса дичи с гулом

взмывает в воздух, и тогда на несколько минут над чистиной во всех направлениях проносятся табунки уток.

В поисках такого места есть смысл пожертвовать не только утренней зорькой, но и целым днем охоты, так как будущая удача вознаградит вас за эти потери с избытком. Отыскать такое место не так уж трудно. Первый указатель — это направление утреннего лёта дичи, причем преимущественно тех стай, которые летят сравнительно невысоко, потому что чем ниже идут птицы, тем обычно ближе место, где они собираются сесть на воду. Высмотрев, над какими участками плесов и куртинами водной растительности наиболее часто проходят табунки, охотник отправляется туда и ищет какой-нибудь отдельно стоящий на чистой воде куст, где он может надежно укрыться от зорких глаз уток. Это не всегда бывает просто, но обычно все же удается, особенно если не нужно прятать лодку, а можно охотиться со скамеечки-сидушки, втыкающейся в дно. Не беда, что, направляясь к выбранному укрытию, охотник разгонит всех сидящих вокруг уток — через некоторое время они обязательно начнут возвращаться на облюбованное место.

Но вот подходящий куст найден. Охотник устраивается в нем так, чтобы, с одной стороны, быть хорошо замаскированным, с другой — самому иметь широкий обзор, обламывает мешающие смотреть камышины и, только полностью подготовив место засидки, приступает к высадке чучел.

В принципе чем больше чучел, тем лучше, но и 10—12 штук уже обеспечивают нормальную охоту. Какими же должны быть утиные чучела и как ими следует пользоваться? Широкое распространение охоты с чучелами долгое время тормозилось отсутствием в продаже хороших чучел, их дороговизной и трудоемкостью изготовления. Охотникам, живущим в значительном удалении от угодий, мешали также громоздкость и большой вес чучел, изготовленных из дерева. Десяток чучел весили 5—6 кг и с трудом помещались в большой рюкзак. Попытки уменьшить массу чучел путем выдалбливания их внутри хотя и делали их легче, но не меняли их объема, а, кроме того, снижали прочность чучел.

В начале 50-х годов текущего столетия в г. Омске впервые было освоено производство пустотелых утиных чучел из резины. Их преимущества перед поделками из дерева были неоспоримы. Главное, они были в 3—4 раза легче (**табл. 4**).

Таблица 4.

Масса утиных чучел, изготовленных из разного материала

Вид утки	Масса одного чучела, г		
	резинового	деревянного пустотелого	деревянного сплошного
Чирок	110	230	420
Чернеть хохлатая	170	370	460
Кряква	200	370	620
Серая утка	200	370	620
Шилохвость	220	430	640

Кроме того, резиновые чучела оказались очень портативными и значительно более дешевыми. Два-три чучела легко помещаются в кармане куртки, а в небольшой рюкзачок их можно сложить до десятка. По форме, размерам и раскраске первые партии чучел были настолько удачны, что высаженные на воду создавали полную иллюзию живых уток.

Резиновые чучела сразу же стали пользоваться громадной популярностью, и на них появился очень большой спрос. Понятно, что один завод в г. Омске не в состоянии был удовлетворить потребности всей массы охотников нашей страны, поэтому в других городах, в том числе и в Москве, ряд предприятий приступил к выпуску дефицитной продукции. Однако вместо того, чтобы просто скопировать великолепные омские образцы, указанные предприятия предпочли создать собственные, но справились с этой задачей, мягко говоря, неудачно. Изготовленные в первые годы и изготовляемые до настоящего времени чучела лишь весьма отдаленно напоминают тех птиц, которых должны изображать. Они не выдержаны по размерам, форме и очертаниям, очень плохо раскрашены. За неимением лучшего их все-таки покупают, но охотники все больше и больше в них разочаровываются: эффективность использования этих чучел на охоте очень низка — гораздо ниже, чем чучел производства г. Омска (**табл. 5**).

Таблица 5.

Сравнительная эффективность использования утиных чучел разного качества

Чучело	Эффективность использования			
	Количество уток, пролетевших над плесом, где были высажены чучела	из них		Виды уток, садившихся к чучелам
		повернули к чучелам, %	сели к чучелам, %	
Производство г. Москвы	87	24	11	Шилохвость, хохлатая чернеть, чирки
Производство г. Омска	72	51	32	Кряква, серая утка, шилохвость, красноголовик, хохлатая чернеть, чирки

Материалы, приведенные в **табл. 5**, были получены в один и тот же день, на двух смежных плесах одного и того же водоема. Количество высаженных чучел в обоих случаях было одинаковым, но к плохим чучелам подворачивало вдвое, садилось втрое меньше уток, чем к хорошим. Таким образом, для недовольства охотников имеются все основания.

Складывается нелепейшая ситуация; делая очень удобные для охоты резиновые чучела уток плохими, выпускающие их предприятия толкают охотников на возврат к прошлому — на изготовление тяжелых, громоздких, но хороших по внешнему виду деревянных чучел. Вопрос о том, как самому сделать хорошее утиное чучело, задается сейчас постоянно, и, поскольку представители предприятий, изготовляющих резиновый брак, глухи к голосу критики, на этот вопрос необходимо ответить. Теперь делать чучела уток можно не только из дерева — появился материал более легкий и удобный, а именно пенопласт. Однако достать нужный его сорт не всегда легко, и поэтому мы все же начнем с дерева.

Для изготовления чучел более всего подходит липа — она легка, хорошо поддается обработке и мало колется. Чурбачки для чучел нужно заготовлять заблаговременно. Не снимая коры, дать им хорошенько высохнуть и только потом приступать к обработке. В зависимости от того, какого вида чучело вы собираетесь сделать, заготовки должны иметь длину от 20 до 35 см и диаметр 18—20 см. Их нужно очистить от коры и каждую

расколоть вдоль на две равные по толщине половинки — из каждой выйдет тушка чучела (головки делаются из отдельных кусков дерева). Вырезав из плотной бумаги или картона два шаблона (**рис. 7**), изображающих форму будущего чучела сбоку и снизу, их очертания переносят на заготовку и с помощью топора, стамески или ножа все дерево, выходящее за границы рисунка, снимают. Затем также вчерне вырезают головку и в нижний ее срез (сделав в нем предварительно отверстие) вставляют на клею выступающую наружу на 2—2,5 см палочку; В срезе шеи на туловище чучела высверливают для этой палочки отверстие так, чтобы головку можно было соединить с туловищем. Сделав это, приступают к окончательной отделке чучела рашпилем и наждачной бумагой. Все щели и неровности шпаклюют, и чучело промазывают горячей олифой и просушивают. В его дно в 4—5 см от переднего края вбивают металлическую петельку для привязки. Когда чучело делают из пенопласта (пригодны только твердые мелкопористые его сорта), последовательность всех этих операций не меняется. Отпадает только необходимость в топоре и стамеске — ножа оказывается совершенно достаточно.

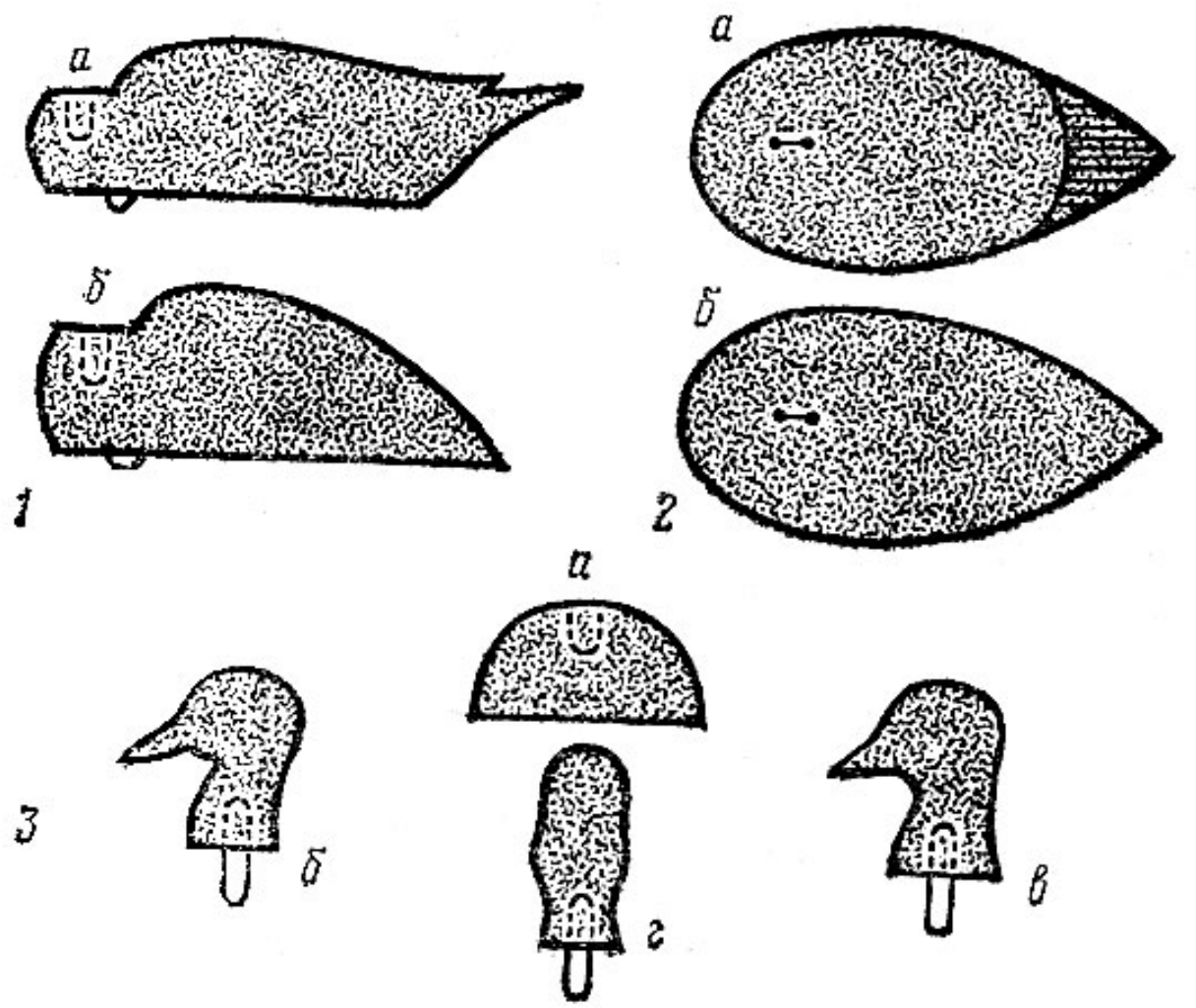

Рис. 7. *Шаблоны чучел:*
1 *— вид сбоку (**а** — речная, **б** — нырковая утки),* ***2*** *— вид снизу (**а** — речная, **б** — нырковая утки),*
3 *— вид тушки и головы чучела (**а** — тушка спереди, **б** — голова речной и **в** — нырковой уток сбоку, **г** — голова спереди)*

Хорошее чучело должно абсолютно ровно, без какого бы то ни было крена держаться на воде. Для этого еще до окраски нужно его уравновесить, вбивая в дно чучела с той или другой стороны дробинки. После того как чучело высохнет, можно приступать к его

окраске масляными красками. При этом совершенно не обязательно воспроизводить рисунок отдельных перьев, нужно только правильно передать цветом и контуром характерные для данного вида уток особенности окраски. Охоту с чучелами проводят весной или во второй половине осени, т.е. в те периоды, когда все либо какая-то часть селезней водоплавающей дичи одета в свой основной яркий наряд. Поэтому часть чучел нужно раскрашивать под селезней. Чтобы после покраски чучело не блестело (это всегда пугает подлетающих к нему уток), нужно протереть его тряпочкой, смоченной в керосине или ацетоне. Резиновые чучела также необходимо периодически подкрашивать, поскольку краски с них довольно быстро стираются. Делается это масляными красками, разведенными резиновым клеем. Каждое чучело нужно снабдить тонкой, но прочной привязкой, длина которой зависит от глубины водоема, где предполагается проведение охоты. В принципе чучела можно связывать по два и по три таким образом, чтобы первое из них имело привязку с грузом, второе было привязано к первому, а третье — ко второму. Расстояние между связанными вместе чучелами, т.е. длина соединяющих их привязок, должно составлять 60—80 см. Однако при таком способе привязки часто перепутываются во время съемки с воды и перевозки чучел, что всегда доставляет охотнику лишние хлопоты. Кроме того, в безветренную погоду связанные вместе чучела часто сплываются в кучу и выглядят неестественно. Таким образом, отдельная привязка и груз для каждого чучела удобнее.

Видовая принадлежность чучел целиком зависит от видового состава водоплавающей дичи, имеющейся в местах охоты. Там, где держатся или встречаются на пролете преимущественно речные утки (кряквы, шилохвости, широконоски, чирки и т.д.), нужны и чучела этих видов. В местах пребывания различных нырков необходимы чучела хохлатых чернетей, красноголовиков, гоголей. В период пролета на одних и тех же водоемах обычно встречаются самые разнообразные представители утиного племени, но и здесь они придерживаются совершенно определенных участков угодий. На мелководьях, вблизи зарослей водной растительности, всегда преобладают речные утки. На чистых глубоководных плесах, руслах рек и протоков — нырки. В соответствии с этим и в зависимости от выбранного для охоты места лучшие результаты даст использование определенных чучел. Облюбовав какой-то плес, охотник именно по этому же принципу должен размещать на нем имеющиеся у него чучела — на чистых, относительно глубоких местах высаживать чучела нырков, на меляках — местах, заросших водорослями, — речных уток. Следовательно, набор чучел выгодно иметь более разнообразный. Успех охоты зависит не только от качества чучел, их количества, видового состава и правильности места высадки, но и от размещения их по отношению друг к другу и к укрытию охотника. Прежде всего никогда, как уже говорилось, не нужно смешивать в одну «стайку» чучела речных и нырковых уток. Те и другие должны высаживаться порознь, образуя отдельные группы. В каждой из групп чучело от чучела должно находиться на расстоянии 1—1,5 м и обязательно с таким расчетом, чтобы, перемещаясь под воздействием ветра или течения, они не могли сплыться и перепутаться привязками. Если чучела высаживать на ветер (т.е. так, чтобы ветер дул от них к охотнику), их следует размещать подальше (30 м), при обратной ситуации — поближе (10—15 м). При ветре справа чучела должны находиться правее охотника, и наоборот, примерно в 20 м от него. Утки чаще всего подворачивают, снижаются или садятся к чучелам против ветра и при описанной выше схеме высадки чучел будут оказываться перед охотником в самом удобном для выстрела месте (**рис. 8**).

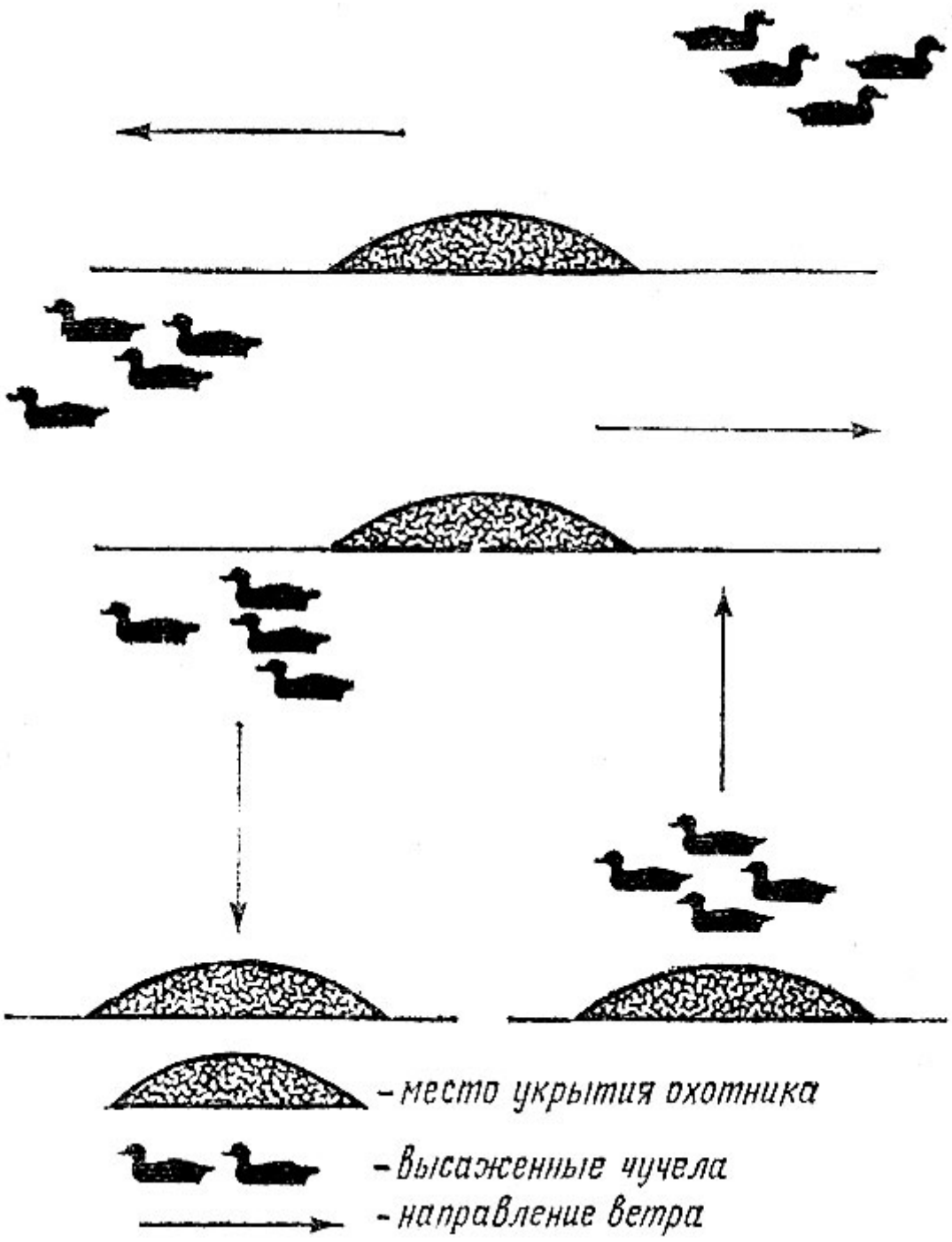

Рис. 8. *Место высадки чучел в зависимости от направления ветра*

На обширных водоемах и в ветреную погоду очень важно высадить чучела там, где их не будут непрерывно качать и бить набегающие волны. К прыгающим на волне и блестящим от водяных брызг чучелам утки подлетают неохотно. Следовательно, нужно выбрать какое-нибудь укрытие (подветренный берег, куртину тростника, сплавину) и высаживать чучела под его защитой или использовать те участки водоема, где сплошная пелена водорослей и растений с плавающими листьями не дает волнам разгуляться.

В промежутках между охотами чучела необходимо просушивать и тщательно проверять надежность привязок и их прикрепления к чучелам и грузикам. Без этой предосторожности часть чучел может быть легко потеряна, так как ветер и течение нередко срывают их с места и уносят. При охоте с резиновыми чучелами в дополнение к

вышесказанному следует внимательно следить, чтобы чучело не погружалось в воду. Порвавшееся, пробитое случайной дробинкой или просто лопнувшее от старости чучело может легко затонуть, и найти его бывает трудно. Добавим, что хотя процесс изготовления чучел очень увлекателен и доставляет много удовольствия, хотя то, что сделано своими руками, всегда дороже любого покупного совершенства, все же резиновые чучела удобнее. И если уж они изобретены и производство их освоено, то для общего блага необходимо делать их качественными.

Но вернемся к самой охоте. Чучела высажены. Охотник затаился в засидке и ждет, до боли в глазах вглядываясь в окружающие его дали, где время от времени появляются темные точки пролетающих уток. Внезапно его точно обжигает близкий свист рассекающих воздух крыльев, и пара налетевших сзади шилохвостей разворачивается против ветра и резко снижается к чучелам. Сядут или не сядут? — думает охотник, сжавшись, скорчившись в комок на своей сидушке. Птицы уже над чучелами, они совсем близко и, тормозя в воздухе выставленными вперед растопыренными лапками, вот-вот опустятся на воду, но вдруг свернули и низом пошли влево. Охотник вскакивает на ноги, пробует поймать на мушку улетающую добычу и не успевает — увязшие в иле сапоги мешают повернуться, да и камыш закрывает ружейную планку. Утки улетают. Запоздалые сожаления охотника вполне обоснованы — стремление дождаться посадки налетающих уток или напустить их как можно ближе чаще всего приносит только огорчения, так как зачастую заставляет его упустить наиболее удобный для выстрела момент.

Самая рациональная манера стрельбы на охоте с чучелами — это напустить птицу шагов на 20—30 и встать ей навстречу. Напуганная неожиданным появлением человека, она в громадном большинстве случаев начинает резко набирать высоту — колом идет вверх. Ничего лучшего для верного выстрела нельзя и придумать. Так же целесообразно поступать и в случаях, когда утки успели до выстрела сесть к чучелам — встать и стрелять их на подъеме. Там, где птицу часто тревожат рыбаки или вообще проходящие по водоему лодки, а также в ветреные дни, когда разгулявшаяся волна мешает спокойному отдыху дичи, охота с чучелами может продолжаться почти весь день. Только часов с трех дня активность уток снижается, а к вечеру, хотя и возрастает снова, птицы уже не реагируют на чучела: они направляются к местам ночевки. Ничего не может быть для охоты с чучелами хуже теплых, тихих дней при полном безлюдье в угодьях. Рассевшиеся на чистой воде, никем и ничем не тревожимые утиные стаи неподвижно темнеют на зеркальной поверхности чистин, в воздухе пусто, лёта дичи нет совершенно, и в самом богатом месте можно час за часом сидеть без выстрела. В этой ситуации самое разумное прекратить охоту до начала вечерней зори. Солнце начинает клониться к западу. Редко-редко промелькнет отдельный чирок, и снова все стихнет. Через некоторое время от отдыхающих вдалеке скоплений дичи начинают одна за другой подниматься отдельные группы уток. Они сразу набирают высоту и уходят в сторону прибрежных крепей. Значит, настало время отправляться туда, где можно постоять на вечернем перелёте.

Вместе с чучелами, а иногда и вместо них некоторые охотники используют подсадных уток, но на описании этих пернатых помощниц и порядке их использования мы подробно остановимся в разделе, посвященном весенней охоте. Использование различных приманок (подсадных птиц, чучел или профилей) практикуется при охоте на гусей и казарок. Подсадных или манных гусей из-за их крупных размеров содержать довольно сложно. Это возможно либо в деревенских условиях, либо в организованных охотничьих хозяйствах. Так что охота с манным гусем (всегда гусаком, так как он активнее подзывает к себе замеченных диких собратьев) — удел немногих счастливцев. Деревянные гусиные чучела очень тяжелы и громоздки, а поэтому пользуются ими редко. Резиновые чучела гусей (очень хорошие), хотя и выпускают в г. Омске, но достать их чрезвычайно трудно.

Самыми доступными являются гусиные профили. Делать их можно из фанеры, жести и кровельного железа, и если они хорошо сделаны, правильно раскрашены и поставлены так как нужно — гуси и казарки идут к ним хорошо. С профилями охотятся либо на полях и пашнях, либо на мелководьях, куда гуси прилетают кормиться. Размещать их на глубокой воде, где колышек профиля нельзя воткнуть в грунт, очень хлопотно, да и малоэффективно. Волны и ветер все время будут раскачивать, а то и переворачивать профили, что подлету к ним дичи никак не способствует.

Поскольку профили хорошо смотрятся только сбоку (спереди и сзади их почти не видно), ставить их нужно под прямым углом друг к другу: например, одну часть головами к северу, другую — к востоку. Тогда с какой бы стороны ни появились гуси — профили будут ими замечены.

Чем больше у охотника профилей, тем лучше и тем сильнее привлекательность высаженной «стаи» для заметивших ее птиц. Однако нужно отметить, что за редким исключением гуси и казарки подлетают к профилям, начинают кружиться над ними, но садятся лишь в тех местах, где они сами собирались обосноваться для кормежки или дневного отдыха. Вне таких участков угодий к профилям и даже подсадным гусям они идут плохо. Причина, видимо, кроется в том консерватизме, который типичен для этих представителей водоплавающих по отношению к местам их пребывания. Там, где гуси или казарки привыкли отдыхать либо кормиться, они, наоборот, проявляют определенную беспечность по отношению к профилям. Даже опустившись среди своих фанерных подобий, эти осторожнейшие, зоркие птицы не сразу замечают обман и какое-то время ведут себя довольно спокойно.

При расстановке профилей следует придерживаться тех же правил, что и при высадке утиных чучел, т.е. размещать их в зависимости от направления и скорости ветра то поближе, то подальше от охотника, справа и слева от него, так, чтобы подлетающие к ним птицы оказывались в самой удобной для выстрела зоне. Те, кому удалось приобрести резиновые чучела гусей, для повышения эффективности их воздействия нередко прибегают к различным ухищрениям. Основное из них — сделать чучела подвижными. Плывущее чучело легче заметить пролетающим в стороне птицам. Оно скорее их обманет. Практикуется и описывается в специальной литературе такой способ посадки гусиных, да и утиных чучел. Основной груз, который удерживает каждое чучело на определенном месте, делается более тяжелым, чем обычно. Привязка удлиняется (в зависимости от глубины водоема) до 4—5 м, и в средней ее части закрепляется небольшой дополнительный грузик. К чучелу прикрепляется еще одна длинная бечевка, идущая в скрадок охотника. Высадив чучело на воду, охотник подтягивает его к себе таким образом, чтобы привязка натянулась и дополнительный грузик поднялся над дном. Заметив дичь, охотник начинает понемногу отпускать бечевку, грузик опускается вниз и чучело начинает двигаться. В теории все это казалось бы просто и сулит несомненный успех. На практике получается далеко не так гладко, как хотелось бы. Все эти дополнительные грузики в перевозке постоянно путаются, цепляются за водоросли и ветки, из которых построен скрадок. Если чучел несколько, охотник намучается, пока приведет всю систему в порядок, обеспечивающий безотказное действие. В общем, как говорится, игра не стоит свеч, тем более что и к неподвижным чучелам, если они хороши по качеству и правильно высажены, птицы идут достаточно охотно.

При охоте с чучелами мы имеем дело с птицами двух категорий: с теми, которые просто налетают на охотника, пролетая мимо, и с теми, которые садятся или явно хотят сесть к чучелам.

Среди первых одинаково часто встречаются и молодые, и взрослые особи.

Среди вторых явно преобладают, а значит, и наиболее часто попадают под выстрел утки вывода текущего года и самки (**табл. 6** и **7**).

Таблица 6.

Доля молодняка в популяциях уток и среди особей, взятых при охоте с чучелами

Вид утки	Молодые птицы в популяции			Молодые птицы в добыче		
	всего	из них молодых		всего	из них молодых	
		особей	%		особей	%
Кряква	1940	1359	70	98	90	92
Чирок-свистунок	957	666	72	183	165	90
Шилохвость				129	116	90
Чирок-трескунок	559	342	68	58	47	81
Хохлатая чернеть				125	100	80
Красноголовый нырок				101	83	82

Таблица 7.

Доля самок среди уток, добытых при охоте с чучелами

Вид утки	Всего добыто птиц	Из них самок	
		особей	%
Кряква	98	62	63
Чирок-свистунок	183	113	62
Шилохвость	129	83	64
Чирок-трескунок	58	35	60
Хохлатая чернеть	125	80	64
Красноголовый нырок	101	60	60

Из материалов таблиц видно, что доля молодых птиц, добытых при охоте с чучелами на 10—12% больше их доли в популяциях, а самки, составляющие в природе около 50%, в добыче составляют от 60 до 64%. Таким образом, здесь избирательная добыча молодняка и самок выражена еще более явно, чем при уже рассмотренной охоте с подхода.

Склонность уток к обществу себе подобных (на которую и рассчитано использование чучел) осенью приблизительно в одинаковой степени свойственно самцам и самкам, молодым и взрослым особям. Тем не менее к чучелам чаще подлетают и присаживаются именно самки и молодые птицы. Их не смущают мелкие несообразности в очертаниях или окраске высаженных чучел, не пугает вид скрадка или шнурок, на котором привязана подсадная утка. Взрослые птицы, и особенно селезни, гораздо внимательнее, и плохо сделанные чучела, очень выделяющееся на местности укрытие охотника, незамаскированная лодка их отпугивают. Как показывают наблюдения, из 132 селезней кряквы, шилохвости, широконоски и гоголя, замеченных над чучелами, опустилось на воду в зоне выстрела только 15—20%. Из 112 самок этих же видов — 48—54%.

Выше упоминалось о тесной связи между качеством чучел и их количеством, а также видовым составом подсаживающихся к ним уток. Не менее четкая зависимость существует между степенью осторожности отдельных представителей водоплавающих и их реакцией на замеченные чучела. Осторожнее всего кряквы, только 9% их, заметив мнимых собратьев, опускаются к ним. Остальные только подворачивают к чучелам, слегка снижаются над ними и, снова набрав высоту, продолжают свой путь. Если же и садятся, то быстро замечают обман и улетают. Совершенно по-иному ведут себя чирки и утки (шилохвость, хохлатая чернеть и др.), появляющиеся в центральных и южных областях нашей страны, главным образом в период пролета. Они очень охотно подсаживаются к чучелам и зачастую долго плавают между ними, не проявляя никаких

признаков беспокойства. Из пролетевших поблизости уток этих видов к чучелам садятся от 30 до 43% птиц.

При рассматриваемом способе охоты особенно хорошо заметно, как к концу осени возрастает осторожность местной дичи. В сентябре к чучелам идет значительно больший процент уток, чем в октябре или ноябре. Нередко к концу сезона местные, уже не раз стрелянные птицы не только не подсаживаются, но явно боятся чучел, облетая их стороной или набирая над ними высоту. Картина меняется, как только на водоемы, где производится охота, подойдут новые стаи пролетной дичи.

И все же повышенная осторожность селезней не всегда спасает их от посягательств охотников. У многих представителей водоплавающих уже с середины осени ярко окрашенные селезни в налетевшей стае привлекают к себе особое внимание, и большинство из охотников именно по ним стараются сделать выстрел. Чем ярче окрашен селезень, чем легче его отличить от утки, тем чаще он является мишенью для охотника. Поэтому у тех видов водоплавающей дичи, для которых типичен половой диморфизм окраса, при дневной охоте самцов добывают чаще, чем самок. Проявляется этот избирательный отстрел селезней только после того, как птицы сбросят свое защитное летнее перо и оденутся в свой основной яркий наряд. Когда охотник стоит на вечернем или утреннем перелете и налетающих уток видит лишь в виде темных силуэтов на фоне более светлого неба, никаких особенностей их окраса он заметить не может. При дневном же освещении все меняется. У шилохвостей начиная с сентября доля добытых селезней выше, чем самок, и неуклонно возрастает с 50% в сентябре до 71% в ноябре. При стрельбе по серым уткам или чиркам-свистункам ничего подобного не происходит, так как на расстоянии отличить их самцов от самок довольно трудно.

В целом все летне-осенние охоты на водоплавающую дичь сопровождаются наиболее частым отстрелом самок. К чему это ведет в плане изменения структуры и темпов размножения популяций уток, мы рассмотрим в главе, посвященной нормированию охоты. Сейчас же перейдем к весенним охотам.

Весенняя охота

Как известно, весной разрешается стрелять только самцов водоплавающих (исключение делается лишь для гусей и казарок, потому что визуально отличить гусака от гусыни на расстоянии практически невозможно). В соответствии с этим охоту можно проводить только определенным способом, а именно: из укрытия с подсадной уткой, манком и чучелами. Всякая ходовая охота, как и стрельба на перелётах и вообще по налетающим птицам, запрещается, так как очень легко случайно убить самку, а следовательно, погубить с нею и будущий выводок.

Говоря о весенней охоте, нужно начать с описания подсадной утки. Что же она собой представляет и откуда появилась?

Выводя породу подсадных, кряковых или, как их еще называют круговых уток, человек не стремился ни к увеличению размеров и живой массы своих питомцев, ни к повышению их яйценоскости — все эти хозяйственно ценные свойства были ему безразличны. Человек был охотником и трудился над получением утки, которая активно подзывала бы к себе своих диких собратьев. Десятилетие за десятилетием из одомашненных в далеком

прошлом диких крякв отбирались те экземпляры, которые на охоте чаще подавали голос и к которым охотнее подсаживалась пролетающая дичь. От них отводили потомство и из него вновь оставляли на племя лучшие особи. Так была создана подсадная. В идеале внешне она ничем не отличается от дикой кряквы: по характеру — непуглива и легко привыкает к хозяину; по темпераменту — азартна, любит общество себе подобных и всячески старается подозвать их к себе.

Однако это все вовсе не значит, что, раздобыв кровную подсадную, можно быть уверенным в том, что она будет работать. Слишком часто высадив на воду приобретенную или взятую у егеря птицу, охотник обнаруживает, что она не проявляет ни малейшей склонности к выполнению своих обязанностей. Дело в том, что свои положительные свойства подсадная проявляет лишь при определенных условиях, а именно: когда она здорова, сыта, привыкла к воде, знакома с привязью и вообще с обстановкой, в которой проводится охота. Если данные условия не соблюдены, подсадная в лучшем случае выполняет роль живого чучела, в худшем — становится обузой. Многие охотники об этом не думают и потом горько сетуют на то, что с уткой им не повезло. Приехав в охотничье хозяйство и заручившись обещанием егеря, что подсадными утками он всех обеспечит, они даже не пытаются полюбопытствовать, в каком состоянии эти утки находятся. Им в голову не приходит заранее взять выделенную им подсадную и до начала охоты, а потом и в ходе ее проявить об утке некоторую заботу. Лишь перед выходом на зорю берут у егеря садок с пернатой помощницей, которая возможно долгие дни, а то и недели провела в полутемном сарае или тесной вольере, где каждый червяк, каждая травинка нарасхват, где возможность искупаться и привести в порядок оперение ограничена заполненным грязной водой корытом, а многочисленные и зачастую агрессивные товарки то и дело наделяют ее щипками. Она отвыкла от привязи, удерживающей ее на определенном месте, от простора весенней воды, от неопасных для нее ворон, чаек, чибисов и других представителей пернатого царства. Вследствие всего этого высаженные у шалаша подсадные не работают. Одна начинает купаться, сушить и чистить перья; другая, точно год ничего не ела, с жадностью добывает какую-то пищу, третья рвется к берегу или старается спрятаться, змеей вытягиваясь среди торчащих из воды травинок; четвертая сразу же намокает и того гляди утонет, словно она и не утка. Идет заря, летает дичь, а подсадная помалкивает и закричит только тогда, когда незадачливый охотник начнет ее ловить, чтобы водворить в садок. Тут, хлопая крыльями и обдавая его фонтанами брызг, она оглашает разлив истошными, но совершенно бесполезными криками. Проклинает вымоченный охотник и утку, и егеря, и хозяйство, куда приехал и ни минуты не подумает, что он сам творец своих несчастий. Взять бы ему прямо с приезда подсадную, пройти бы с ней к разливу или хоть к какой-нибудь весенней луже, привязать утку возле воды и посидеть около нее часа два-три. Она бы искупалась, смазала и привела в порядок оперение, пожировала, тогда и на воде вела бы себя совсем по-другому. Да и охотник бы выяснил, можно ли высаживать утку прямо на чистую воду или она так быстро намокает, что нужно присмотреть для нее кочку или приготовить кружок, на который она могла бы вылезть и обсохнуть.

Тем из охотников, которые приезжают на охоту в хорошо организованные хозяйства, обычно не приходится искать, где держится дичь, выбирать место для шалаша и устраивать его. Все это уже сделано егерем, и охотнику остается только высадить утку и ждать своего счастья. Однако при этом всегда теряется многое из того, чем прекрасна весенняя охота с подсадной. Разве лишь в заключительном аккорде — выстреле по подсевшему селезню кроется ее прелесть? Разве не интересно самому отыскать здесь какой-то удобный для охоты плес, выбрать на нем место для шалаша и поставить этот шалаш там, где нравится и так, как удобно? Подготовка к охоте это ведь та же охота, и она доставляет не меньшую радость, чем хорошая работа подсадной, приближающееся шаканье идущего к ней селезня и удачный выстрел.

Не один и не два часа потратишь иной раз на то, чтобы проникнуть туда, где по луговым разводьям, на укрытых затопленными кустами и камышом заливах кормятся, отдыхают, а значит, и будут летать на зорях утки. Не один километр пройдешь, пока отыщешь подходящее место, потому что дичь зачастую держится там, где охотиться неудобно. В одном месте глубоко и без лодки ни шалаша не поставишь, ни подсадную не высадишь. В другом — сильное течение будет утомлять кряковую и немедленно уносить битую дичь, так что за каждой стреляной птицей придется бросаться сломя голову. В третьем — из воды всюду торчат ветки, камышины или пучки осоки, в которых подсадная будет путаться привязкой, а подсевшего селезня не разглядишь. В четвертом — сколько не ищи, не найдешь, где можно устроить засидку.

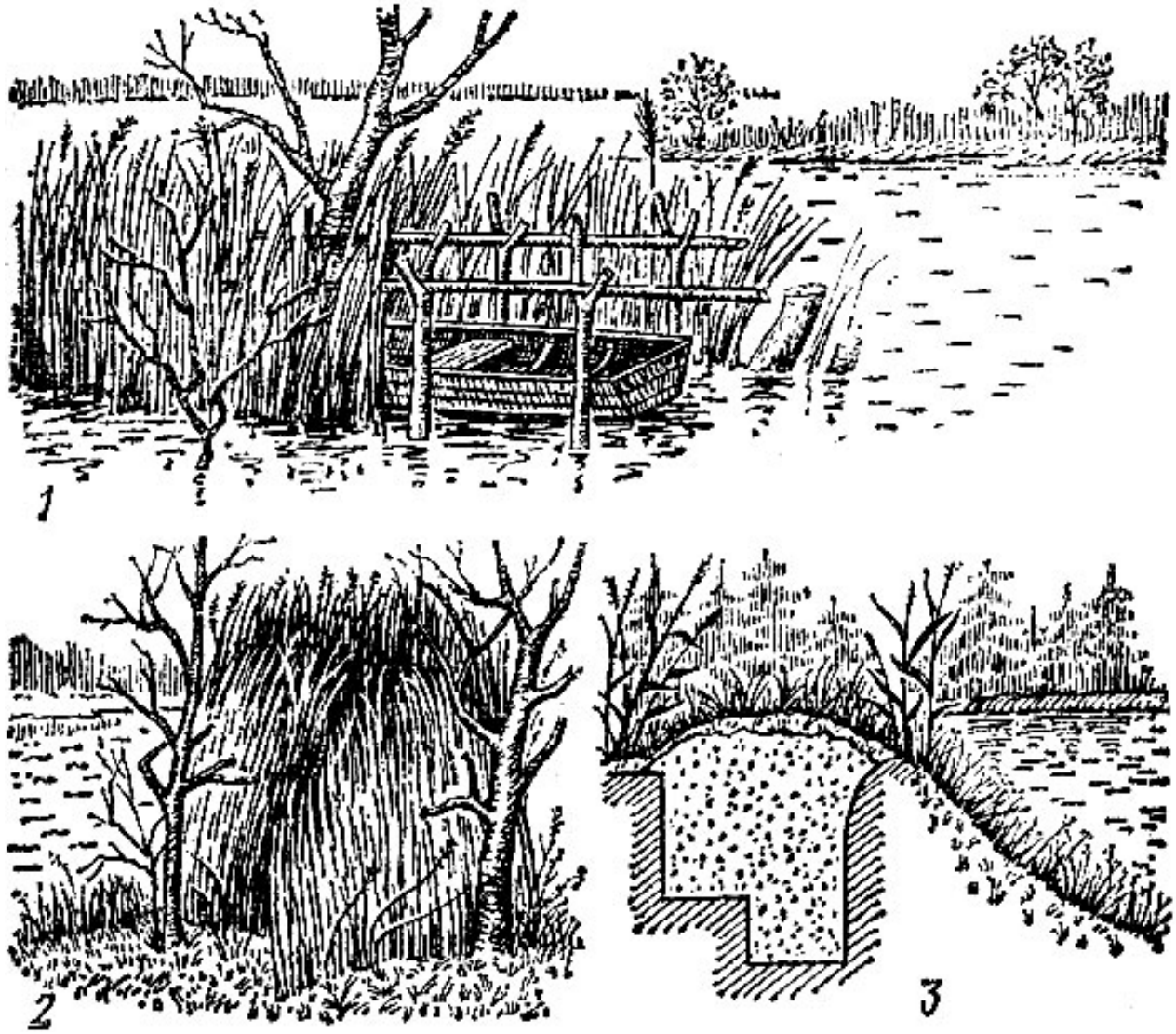

Рис. 9. *Типы скрадков:*
1 *— лодочный,* ***2*** *— береговой,* ***3*** *— яма*

Ведь правильно поставленный шалаш должен отвечать целому ряду требований (**рис. 9**). Нужно, чтобы он не выделялся на местности, стоял лицом не только к выбранному для охоты плесу, но и на зорю (для охоты вечером — на запад, для охоты утром — на восток), надежно укрывал бы охотника от глаз подлетающей дичи и позволял бы ему удобно сидеть и легко поворачиваться в любую сторону. Неискушенные охотники часто пренебрегают этими правилами, а потом горько каются в своей неосмотрительности. Не

замаскируют они как следует шалаш, устроят его в виде копны на чистом месте — и даже привлеченные призывными криками подсадной селезни будут долго летать вокруг, не решаясь подсесть к этому подозрительному сооружению. Поставят они шалаш так, что придется сидеть в нем спиной к заре — и подсевшую в сумерках птицу рассмотреть будет почти невозможно. Не позаботятся сделать шалаш достаточно просторным — и будут всю зорю корчиться, не зная, как поудобнее разместить затекающие ноги, не говоря уже о том, что любая попытка повернуться того и гляди может развалить тесное укрытие и отпугнуть осторожного селезня. Как часто пустячная невнимательность, мелкий недосмотр или небрежность лишают охотника возможности выстрелить, а то и вообще поохотиться. Когда, наконец, перед шалашом шлепнется зеленоголовый матерой, охотник начинает целиться, а мушку как на зло закрывает какая-то травинка. Пока ее уберешь, селезень заметит неладное и улетит. А ведь можно было заранее как следует прочистить окошечки для стрельбы. Иногда, припоздав на зорю, поспешишь с высадкой утки, не проверишь, надежно ли закреплена у нее на лапке ногавка (кожаный или матерчатый браслет, к которому крепится шнур, удерживающий подсадную на месте) — и поплывет подсадка по разливу, так как сидя в садке успела растеребить привязку.

Когда же место для охоты удачно выбрано, шалаш правильно поставлен, подсадная ухожена и работает — в самой стрельбе селезней нет особых сложностей. Посиживаешь в пахнущей прелью старого сена засидке и слушаешь голос своей пернатой помощницы. Ее неторопливое размеренное кряканье (квачка) говорит о том, что утка начеку: слушает, смотрит, подает о себе весть, но еще не слышит и не видит селезня. Стоит ему появиться и квачка перейдет в осадку — серию следующих друг за другом, почти сливающихся кряканий. Это азартный призыв, адресованный селезню, а для охотника — сигнал готовиться к выстрелу. Осадка следует за осадкой, пока кряковой не опустится на воду, а делает это он зачастую не сразу. Некоторые хитрецы долго летают вокруг, высматривая, нет ли какой опасности. Они садятся где-то вдалеке, шакают, пытаясь подозвать к себе утку, вновь взлетают и снова не решаются опуститься к зовущей их подсадной. Но рано или поздно их покидает осторожность, и вот тут часто случается увидеть то, что наводит на мысли о коварстве подсадной утки. Едва селезень опустится рядом с ней, как она тут же торопливо отплывает прочь, насколько позволяет ей привязь. Она точно знает, что сейчас по матерому хлестнет заряд дроби и хочет быть от него подальше. При этом чем опытнее подсадная, тем чаще она это делает.

Казалось бы, что попасть в сидящего селезня проще простого, а несмотря на это промахи достаточно часты. Дело в том, что в рассветных или вечерних сумерках привычная нам манера выцеливания (мушка на линии, соединяющей птицу с водой) себя не оправдывает — заряд обычно ударяет ниже цели. Стрелять нужно в основание шеи, и тогда селезень будет бит чисто.

На весенней охоте с подсадкой есть два правила, две заповеди, которые ни при каких обстоятельствах, никогда нельзя нарушать. Первая из них — стрелять только по подсевшей птице и лишь при полной уверенности, что эта птица — селезень. Большинство кряковых кричат не только под матерого. К ним достаточно часто садятся и шилохвости, и серухи, и многие другие виды водоплавающей дичи, причем как самцы, так и самки. Их не всегда легко отличить друг от друга, а что может быть весной позорнее добычи самки. Именно в целях предотвращения такой возможности охотничье законодательство запрещает тут всякую стрельбу влет. К сожалению, указанный закон постоянно нарушается. Даже в организованных охотничьих хозяйствах то и дело

приходится наблюдать, как браконьер с ружьем наперевес шагает вдоль разлива в чаянии поохотиться с подхода или, высадив подсадную, стоит рядом в куртине тростника и стреляет по налетающей дичи. Это чистейшее браконьерство и обидно, что смотрят на него обычно сквозь пальцы.

Вторая заповедь — никогда не стрелять по селезню, если он сидит рядом или на одной линии (дальше или ближе) либо с подсадной, либо с подлетевшей вместе с ним дикой уткой. Дробь от воды дает самые фантастические рикошеты, и тот кто нарушает данное правило, рано или поздно окажется вынужденным стыдливо прятать в кустах или рюкзаке случайно убитую крякуху, а то и собственную подсадную.

Бывает, что старательно кричащая кряковая вдруг замолкает и либо замирает на месте, высоко подняв голову, либо распластывается на воде, пытаясь спрятаться возле своей кочки. Зевать в таком случае нельзя — нужно немедленно выйти из шалаша и выяснить, что встревожило или напугало утку. Это может быть и безобидный лось, и севшая рядом цапля, но может оказаться, что подсадную скрадывает лиса или заметил тетеревятник. Иногда утка замолкает просто потому, что запуталась привязкой в водяном хламе или замотала шнур вокруг лапы. Стоит устранить причину молчания, и подсадная снова начнет работать.

Весной не редкость холодные зори, когда утренние заморозки затягивают плесы сплошной коркой льда. В такие дни на охоту с подсадной лучше не ходить. Дичь в холод почти не летает, да и кряковая неуютно чувствует себя на подмерзающей воде среди разбитых сапогами хозяина льдинок. Если же все-таки охотничий азарт не позволяет усидеть дома, то идти в шалаш нужно попозже, когда хоть слегка потеплеет — селезни в морозные дни начинают летать после того, как поднявшееся солнце начинает пригревать.

И, наконец, несколько слов о мелких деталях снаряжения, используемых при охоте с подсадной, таких, как садок, ногавка, шнур и приспособление для его закрепления. Хотя, охотясь с подсадной, принадлежащей хозяйству, охотник все это снаряжение получает у егеря, но умение правильно привязать утку все равно необходимо, да и казенное оснащение не всегда бывает качественным. К садку (будь это плетеная корзина, фанерный ящик или обтянутый тканью проволочный каркас) предъявляются два основных требования: утке в нем должно быть не тесно, а охотнику должно быть удобно доставать и сажать в него подсадную. Транспортировка подсадной в тесном вместилище, где она мнет и ломает перья, никак не способствует ее рабочему настроению. Вытаскивание утки из садка сквозь узкую дверцу за шею или лапы заставляют ее бояться хозяина. Ногавка должна надежно держаться на лапке утки, но ни в коем случае ее не стягивать и не причинять подсадной боли. Привязка (шнур) нужна тонкая, легкая и прочная. Лучше, если она не крученая, а плетеная в три нити (косой), тогда она не закручивается в воде. Длина шнура, если подсадная привязывается к колышку, — 1,5—2 м, если к грузу, опущенному на дно, — в 2—2,5 раза больше глубины водоема в данном месте. Чтобы утка, плавая в воде не заматывала шнур вокруг колышка, воткнутого в дно, обычно надевают на этот колышек согнутое из ивового прута кольцо, и уже к нему привязывают шнур так, как это показано на **рис. 10**. Совершенно необходимо ежедневно перед каждой охотой проверять, в порядке ли все эти приспособления, так как среди подсадных попадаются мастерицы, умеющие стаскивать с лапы ногавку, перетирать клювом шнур и тем самым освобождаться от привязи.

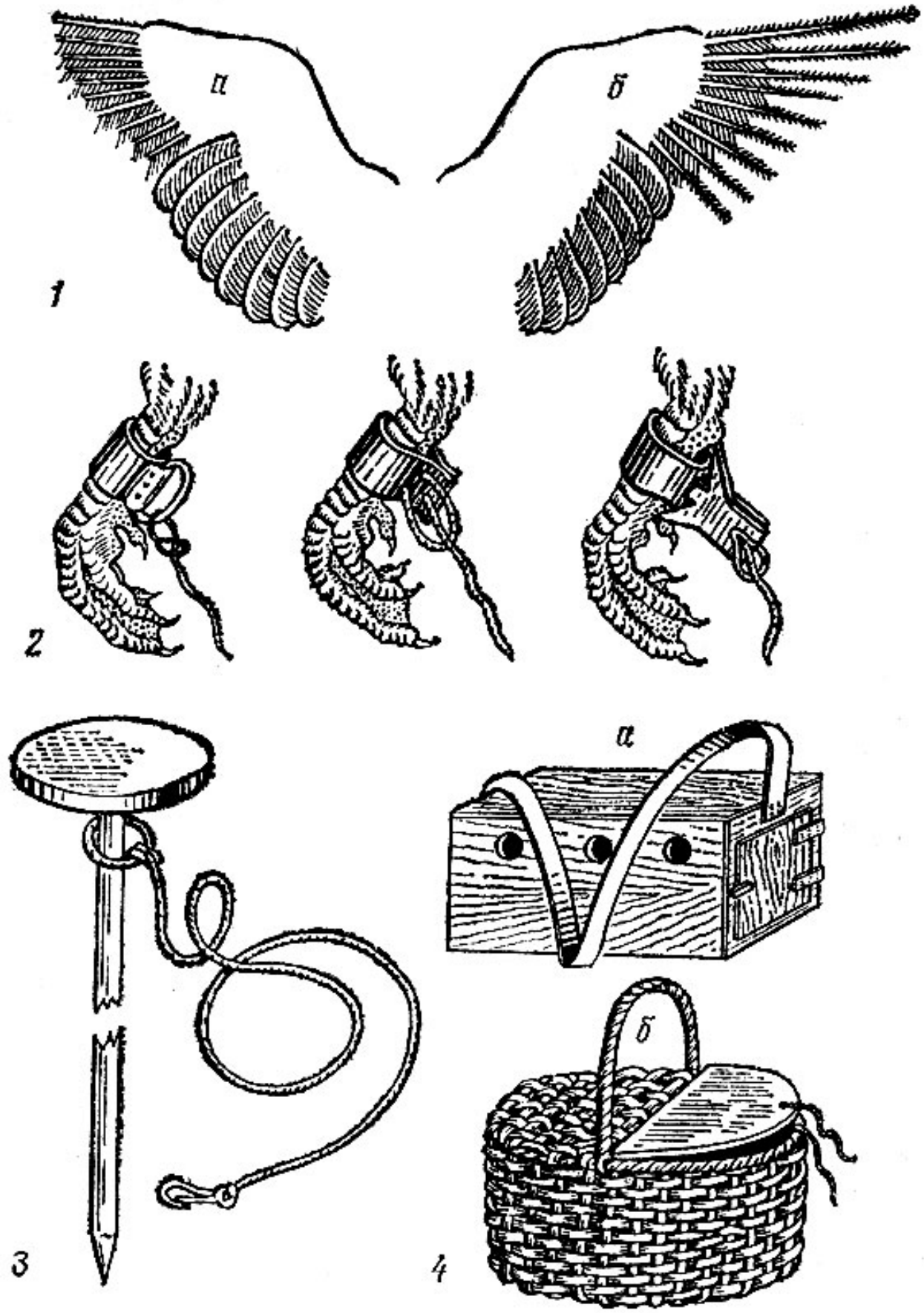

Рис. 10. *Подготовка подсадной к охоте:*
1 *— обрезка крыльев подсадной утки (**а** — неправильная, **б** — правильная), **2** — типы ногавок, **3** — кружок, кольцо и шнур для высадки подсадной утки, **4** — садки для подсадной утки (**а** — ящичный, **б** — плетеный)*

Уже было упомянуто о том, насколько возрастает удовольствие от охоты, подготовленной и организованной собственными трудами. В этом плане охота с подсадной, которую вы сами вырастили, воспитали и вызарили (подготовили к охоте), неизмеримо приятнее, чем с криковой уткой, взятой на время. Поэтому целесообразно, хотя бы кратко остановиться на выборе, содержании и подготовке к охоте этой главной помощницы при стрельбе селезней.

Несколько десятилетий назад в различных районах нашей страны сформировали четко выраженные типы подсадных уток, отличившихся друг от друга экстерьером и манерой работы. Это тульские, воронежские, семеновские и некоторые другие породы подсадных. Однако впоследствии все они были перемешаны друг с другом и в чистом виде сохранились в ограниченном количестве у отдельных любителей, так что нет надобности заниматься их описанием.

Для подсадной утки самое главное голос. С его помощью она извещает пернатых собратьев о своем присутствии и зовет их к себе. Именно по голосу, по его тембру и манере отдачи нужно выбирать подсадную. Звучание, высота тона, тембр голоса криковых уток весьма различны и неравноценны. Мнение о том, что лучший голос подсадной тот, который ближе всего к кряканью дикой матерки, совершенно неверно. Дело в том, что голоса диких крякв совсем неодинаковы. Тем, кому доводилось охотиться осенью на больших водоемах, где перед отлетом собираются огромные стаи уток, кто слышал их перекличку, известно, что голоса отдельных матерых звучат совсем по-разному. Они бывают звонкими или хриплыми, высокими или низкими с короткими или длинными осадками. Такое же разнообразие голосовых данных наблюдается и у подсадных уток, у которых оно, правда, менее выражено, так как в процессе многолетнего отбора экземпляры с плохими голосами систематически выбраковывались охотниками.

В ходе охот установлено, что лучше всего дикие селезни идут к уткам, обладающим громким средним по высоте голосом с легкой чуть заметной хрипловатостью. Значительно меньше ценятся селезнями голоса высокие и чистые, а утки с тонкими визгливыми, срывающимися на сипение или, наоборот, с очень низкими и хриплыми голосами привлекают селезней меньше всего.

В местах, изобилующих дичью и особенно если в них охота с подсадными не развита, селезни подлетают и к самой безголосой утке. Однако там, где есть возможность выбора, они всегда будут отдавать предпочтение подсадной с хорошим голосом. Не только сам звук голоса, но и манера его отдачи уткой на охоте имеют очень большое значение. Как уже говорилось, у подсадных существует два характерных крика — квачка (вызов) и осадка. Манера осадки особенно важна. Чем она короче и энергичнее, тем лучше, тем более неотразимое впечатление производит она на селезня. У лучших уток осадка слагается всего из 3—4 квачков. Некоторые подсадные, обладая и короткой, и длинной осадкой, часто «двоят» и «троят», т.е. без перерыва начинают вторую, а иногда и третью осадку. При короткой осадке это хорошо, при длинной — плохо.

Необходимо упомянуть еще о двух криках подсадной, о которых охотнику следует знать. Первый из них — крик опасности.

Он напоминает квачку, хотя квачки обычно громче, чаще и протяжнее. Так тревожно утка кричит, заметив приближающегося врага — лисицу, собаку или другое животное, вызывающее у нее опасения. Однако, заприметив пернатого хищника, утка обычно голоса

не подает, а, вытянувшись на воде, старается затаиться возле какой-либо кочки или кустика, поднимающегося из воды. Услышав тревожное кряканье своей помощницы или заметив, что она старается спрятаться, охотник должен немедленно выйти из шалаша и выяснить, в чем дело.

Второй крик — это негромкое, частое покрякивание, которое утка издает при виде подплывающего к ней селезня. Иногда можно прозевать момент посадки матерого и только по голосу подсадной понять, что он где-то рядом.

Приобрести хорошую уже испытанную на охоте подсадную очень трудно. По-настоящему хорошо работающие утки редки, и охотники с ними, как правило, не расстаются. Поэтому в основном приходится покупать молодых уток в возрасте 4—5 (осенью) или 9—10 (весной) месяцев. Лучше приобретать подсадную от известной, хорошо работающей утки, так как и голос, и манера его отдачи, и склонность к активному подзыванию селезней часто передаются по наследству.

При внешнем осмотре следует браковать птиц с какими-либо физическими дефектами (поврежденная лапа или клюв, вывернутое, неплотно прилегающее к телу крыло и т.д.) или заметно отличающихся размером или цветом оперения от дикой кряквы. Утка должна иметь здоровый вид и чистое или, по крайней мере, неощипанное оперение.

Охотники, много занимавшиеся разведением подсадных и охотой с ними, знают, что утки с агрессивным характером обычно много кричат на охоте. Если утка, когда к ней подходишь, начинает топорщить перья, разевать клюв и угрожающе шипеть, если она смело лезет в драку с другими утками, то на охоте она молчать не будет. После внешнего осмотра подсадной нужно обязательно послушать ее голос с точки зрения его тона и для определения характера квачки и осадки. Для этого утку следует отделить от ее товарок, и она тут же начнет кричать.

К условиям содержания подсадные утки нетребовательны. Они не боятся морозов, охотно поедают самые разнообразные корма и мало подвержены заболеваниям. Необходимо только, чтобы в теплое время года они постоянно, а зимой хотя бы время от времени имели доступ к воде, а значит, и возможность выкупаться. Без этого у них очень быстро сперва загрязняется, а затем портится оперение, перестает функционировать копчиковая железа, и к весне птицы приходят в такое состояние, что, будучи высажены на воду, тут же намокают и, конечно, работают плохо. И все же практика показывает, что содержание подсадных уток и выращивание утят возможны только там, где, по крайней мере, летом птицы будут пользоваться относительной свободой (гулять во дворе или в достаточно просторном вольере, иметь возможность собирать вольный корм и т.д.). Без этого держать своих подсадных вообще нет смысла, так как даже хорошие утки очень быстро могут превращаться в совершенно негодных для охоты.

Самым ответственным периодом работы с подсадной, когда идет ее основная подготовка к охоте (вызаривание), является ранняя весна. Как только появятся первые снеговые лужи и забереги на водоемах, необходимо, как можно чаще, лучше всего в утренние или вечерние часы, надев на утку ногавку с привязанным к ней шнуром, высаживать ее на воду. Для этого в дно весеннего разводья вбивают колышек с укрепленным на нем деревянным кружком так, чтобы он оказался на 1—2 см ниже уровня воды. К этому колышку или кружку привязывают шнур, удерживающий подсадную. Чтобы утка скорее привыкла находить кружок, в первые дни на него кладут пучок сена

или тонкую пластину дерна. На воде подсадную нужно оставлять каждый раз на 1—1,5 часа. В результате таких купаний подсадная отмывается, перестает намокать, привыкает к ногавке и кружку и перестает бояться неопасных для нее птиц (чаек, ворон и т.д.).

В первые дни вызаривания нельзя высаживать подсадную на водоемы с быстрым течением, которые обычно первыми освобождаются от льда (полыньи, речные перекаты). Отвыкшая от вольной воды и плохо знающая кружок утка на течении быстро намокает и устает; бывает, что течением ее заносит под лед. Поэтому, если из-за отсутствия подходящего места утку все же приходится высаживать на воду с быстрым течением, надо предусмотреть возможность выхода ее на берег. Только через несколько дней, когда подсадная перестает мокнуть и биться на привязи, можно обойтись без этой предосторожности. В процессе вызаривания обычно устраняется и дичливость подсадной. Она перестает бояться хозяина, легко позволяет брать себя в руки.

Тщательная весенняя подготовка подсадной — это половина успеха будущей охоты. Говоря о весенней охоте на селезней, нельзя обойти молчанием подманивание их с помощью манков.

Прежде всего заслуживает внимания манок на чирков. Чирков во время весенней охоты на водоплавающих приходится стрелять не так уж редко. Они доверчивы и зачастую ради компании подлетают к подсадной утке или высаженным перед скрадком чучелом. Однако не случайная, а запланированная их добыча — счастье только тех, кто умеет подражать голосу чирковой уточки. Преобладающему большинству охотников это искусство незнакомо, и лишь в отдельных районах нашей страны, например в бассейне Дона, им владеют многие. Здесь же и родина чиркового манка.

Что же представляет этот манок, или, как его называют, чирковая дудочка? Сразу же нужно сказать, что она имеет очень мало общего с теми приспособлениями, которые под такими же наименованиями встречаются в продаже и, как правило, для охоты совершенно непригодны.

Чирковая дудочка состоит из шести частей, которые, как и ее общий вид, показаны на **рис. 11**. Изготавливают ее следующим образом. В конец отрезка латунной гильзы 12—16-го калибра (или специально сделанного рупора) намертво закрепляют (впаивают) металлическое либо пластмассовое кольцо толщиной 5—8 мм и диаметром, равным внутреннему диаметру гильзы или узкого конца рупора. Диаметр центрального отверстия этого кольца должен быть равен 7—8 мм. Оболочечную (покрытую оболочкой) пулю того же калибра (7—8 мм), имеющую закругленный конец, стачивают сбоку на половину ее толщины, вытапливают из нее остатки свинца и получившийся желобок слегка расширяют или, наоборот, сужают с тем, чтобы он без зазора вдвигался в кольцо рупора. Из тонкой латуни (0,1—0,2 мм) вырезают язычок, по форме и размеру полностью соответствующий спиленной поверхности желобка. Желобок с наложенным на него язычком открытым концом вставляют в кольцо рупора и закрепляют там металлическим или пластмассовым клинышком, который должен полностью закрывать остающееся над язычком отверстие. Затем на узкий конец рупора или трубку от гильзы со стороны вставленного в них устройства надевают мундштук. Когда дуют в него, воздух, проходя через желобок пищика, колеблет пластинку языка, что и обеспечивает звучание манка. Для придания ему нужного тона следует отрегулировать длину свободной части пищика, вдвигая его в кольцо рупора то более, то менее глубоко и слегка отгибая вверх кончик язычка.

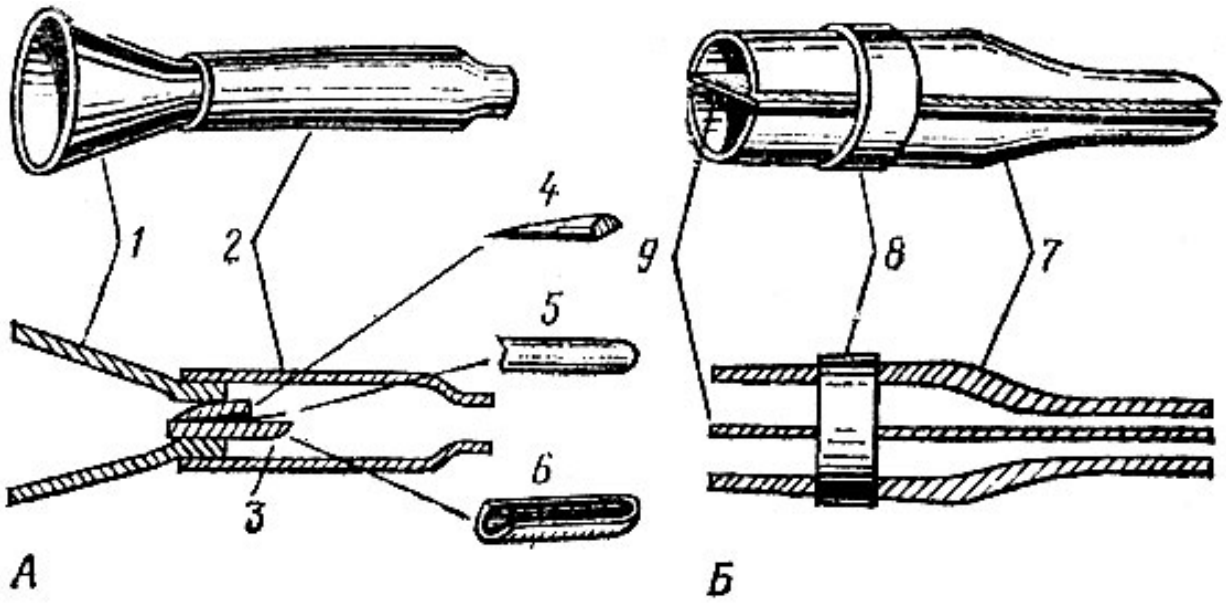

Рис. 11. *Утиные манки:*
А *— чирковый:* ***1*** *— рупор;* ***2*** *— мундштук;* ***3*** *— пищик, части пищика;* ***4*** *— клинышек;* ***5*** *— язычок;* ***6*** *— желобок;* ***Б*** *— кряковый:* ***7*** *— корпус;* ***8*** *— кольцо;* ***9*** *— язычок*

Настройка манка — самая кропотливая часть работы. Заниматься ею лучше всего прямо в угодьях, подстраивая дудочку под кряканье чирковой уточки и осваивая имитирование ее крика. Неоценимую помощь здесь может оказать охотник, владеющий искусством подманивания и выступающий в роли учителя. Мастерство, конечно, приходит не сразу, но человеку, наделенному хоть мало-мальски музыкальным слухом, освоить настройку манка не так уж сложно. Когда же это удается — чирковая дудочка превращается в поистине чудодейственный инструмент, обеспечивающий возможность охоты там, где без нее добыть что-либо можно лишь случайно.

Дело в том, что чирки, как уже говорилось, несомненно, наиболее (после кряквы) обычные представители водоплавающей дичи. Мелкие торфяные карьеры и системы осушительных канав, временно затопленные талой водой участки полей и леса, самые незначительные речушки, ручьи и болотца уже определяют их наличие. Посадить к шалашу чиркового селезня несравненно легче, чем, например, селезня кряквы или других представителей водоплавающей дичи. Охота с манком на чирка распространена мало, и чирки сравнительно редко сталкиваются с ней. Поэтому, заслышав то, что они принимают за голос самочки, холостые селезни немедленно летят на ее поиски и без всяких предосторожностей подсаживаются туда, где думают ее обнаружить. Только явная фальшь в подманивании может их отпугнуть.

Весной прямо с прилета и до конца периода размножения селезни как трескунки, так и свистунки (конечно, на зорях и в подходящую погоду) необыкновенно азартно идут на манок. При умении с помощью дудочки можно скликать огромное количество селезней, имеющихся в радиусе слышимости звуков манка. Можно снова посадить взлетевшего после неудачного выстрела селезня. Можно, наконец, при желании заманить чирка прямо к себе в скрадок. Сам процесс подманивания необычайно увлекателен, так как позволяет проявить собственное искусство и насмотреться на одетого в яркое брачное перо селезня в минуты, когда он всячески красуется, принимая порой самые уморительные токовые позы. В этом плане чирковая дудочка — вещь незаменимая для фотоохотников. Кроме того, она в значительной мере предохраняет охотника от случайного отстрела Чирковых самок. Желая проверить, селезень или утка чирка подсели к нашему шалашу (что не всегда легко в предрассветных или вечерних сумерках), достаточно только поманить.

Селезень в ответ или откликнется, или начнет подергивать головой, закидывая ее на спину. Самочка никак реагировать не будет, а если и крякнет, то только подтвердит этим свою неприкосновенность.

Известно, что весной активность самцов многих видов пернатой дичи зависит от условий погоды. Чирки также не являются исключением из этого правила. Они очень чутко реагируют на приближение похолодания или ненастья. Достаточно часто случается, что они без каких-либо видимых причин вдруг совершенно перестают идти на манок. Сидя в шалаше, можно слышать их голоса, то и дело видеть пролетающих мимо птиц, а подозвать ни одного селезня невозможно. В голову невольно приходят мысли о том, что птицы уже поняли манок или он расстроился и не дает верного звука. Охотник перебирается на новое необстрелянное место, начинает заново настраивать дудочку, но все напрасно — охота не выходит. Это почти всегда признак того, что завтра задует холодный ветер и вообще придет непогода.

Искусство подманивать чирков не ограничивается умением извлекать из манка похожие на голос самки звуки. Надо знать, когда и как часто подавать голос. Тот, кто, забравшись в шалаш, будет непрерывно дудеть в манок, вряд ли увидит возле своего скрадка хоть одного селезня. Правильная манера подманивания сводится к тому, чтобы, поманив три-четыре раза, слушать, не раздастся ли где-нибудь характерное стрекотание трескунка или триканье свистунка. Подождав минут десять, можно повторить манку. Если же чирок отозвался, ему нужно только отвечать. Он потрещал, вы ему откликнулись и смолкли. Тем, кто еще не до конца освоил манеру крика уточки и подражание ему, пользоваться манком нужно, лишь пока селезень далеко. Опасения, что он не найдет места, откуда вы его звали, не должно вас смущать — чирок, как и селезни других видов уток, с большого расстояния прекрасно определяет место услышанного им звука. Отпугнуть его неумелым подманиванием легко. Охота на чирков проводится аналогично с охотой, в которой используют подсадную утку и чаще всего совмещается с нею. Нужны утренняя или вечерняя зоря, тихая, предельно теплая погода, удобный для обстрела плес и надежно укрывающий охотника от глаз дичи скрадок. Не помешает и парочка Чирковых чучел, высаженных там, где удобнее стрелять подсевшего селезня.

Манки (чаще всего имитирующие голос самки кряквы) используют и для подманивания селезней других видов водоплавающих. Однако подманить крякового, шилохвостого или широконосого гораздо труднее, чем чирка. Крякового потому, что он несоизмеримо осторожнее селезня шилохвости, широконоски или других видов уток (так как хриплое карканье их самок трудно воспроизводится с помощью манков). При наличии подсадной пользоваться любыми манками, кроме чиркового, вообще не стоит. Голос и сам вид плавающей на воде кряковой утки не только для матерого, но и для селезней других видов гораздо более привлекательны, чем подозрительные звуки, имитирующие голоса самок этих представителей водоплавающих. Особенно восприимчивы в силу свой осторожности к любой фальши в подманивании селезни кряквы. Издали в ветреную погоду под шум проходящего где-то поезда крякового с помощью манка еще можно обмануть, но если он находится сравнительно недалеко и никакие посторонние звуки не мешают ему слышать ваши призывы — он вряд ли пойдет на подманивание, а, скорее, даже отплывет подальше. Но, если уж вы вынуждены пользоваться манком, так как подсадной у вас нет, следует помнить одно обязательное правило, а именно никогда не пытаться воспроизвести осадку (это почти никому не удается), а просто ограничиться редкими одиночными кряканьями, да и то лишь когда селезень еще далеко.

Нужно сказать, что среди охотников встречаются умельцы, освоившие подманивание многих видов селезней без манка, а просто с помощью губ и либо прижатых к ним

пальцев, либо сложенной рупором ладони. Однако это высокое искусство дается далеко не всем, да и изложить на бумаге технику его исполнения трудно.

На весенней охоте, как и на осенней, можно использовать утиные чучела. Это повышает добычливость охоты и увеличивает ассортимент добываемой дичи. Однако нужное количество и способы высадки чучел весной несколько иные, чем осенью, особенно если при охоте используется кряковая утка. Прежде всего большого количества чучел весенняя охота не требует. Иметь одно-два изображения чирков и столько же чучел основных, встречающихся в районе охоты видов совершенно достаточно. В весенний сезон водоплавающие чаще держатся не стаями, а парами и тройками, что и следует помнить при высадке чучел. Их следует размещать сравнительно далеко от места, где высажена подсадная, на хорошо просматриваемом из шалаша плесе и группировать обязательно по видовому признаку и не одной стайкой, а отдельными парочками или тройками. Близость чучел многим подсадным не нравится, и они хуже работают. Близость подсадной мешает охотнику стрелять по селезням, подсевшим к чучелам. Лучше всего, если чучела высажены так, что подсадная их вообще не видит (за кустом, куртиной тростника или мысом берега). Последнее правило относится не только к использованию чучел, но и к случаям, когда в вашем распоряжении имеются сразу две подсадные. Свыкшиеся в ходе совместного содержания кряковые особенно активно работают, но лишь тогда, когда друг друга не видят. Если это условие не соблюдено — они будут стремиться объединяться, будут рваться на привязках и вообще вести себя неспокойно.

Весенняя охота на гусей и казарок, там, где она разрешена, ничем не отличается от стрельбы этих птиц осенью. Кроме манных гусей, можно использовать чучела и профили птиц. Некоторые охотники искусно манят гусей, издавая при помощи тонкой бересты, зажатой между ладонями, звуки, схожие с гусиным гоготанием.

В разумном сочетании способов охоты на водоплавающих и основных правил ее проведения имеются возможности регулирования численности и качественного состава популяций дичи.

Глава III.
Регулирование охоты на водоплавающую дичь

Регулирование охоты вообще ставит перед собой задачу — организовать и нормировать добычу животных таким образом, чтобы ее проведение не вело к сокращению запасов дичи, т.е. не вызывало прогрессирующего снижения численности воспроизводственной части поголовья зверей или птиц. Иными словами, при рациональном ведении охотничьего хозяйства количество животных, ежегодно приступающих к размножению (величина его определяется емкостью угодий и уровнем биотехнии), должно быть стабильным, несмотря на проведение охоты. Чтобы обеспечить соблюдение этого непременного условия, в процессе охоты нужно брать лишь часть того количества дичи, которое появляется в результате размножения. Именно часть, так как с момента прекращения охоты и до следующего периода воспроизводства популяции животных теряют значительное количество особей (естественная смертность, гибель от превратностей погоды, хищников и т.д.). Следовательно, некоторое количество молодняка необходимо для восполнения этих потерь.

Таким образом, для правильного регулирования охоты необходимо знать численность воспроизводственного поголовья; размеры прироста этой численности и величину естественной гибели животных с момента прекращения охоты и до начала нового сезона размножения. Поясним все это цифровым примером. Предположим, что в угодьях какого-то охотничьего хозяйства весной к размножению приступили 1000 уток, и к началу летне-осенней охоты за счет появления молодняка их численность увеличилась до 3000 особей (или на 2000 голов). Предположим также, что размер зимней гибели этих птиц нам известен и составляет 50% от числа зазимовавших особей. Тогда, чтобы весной в угодьях хозяйства опять имелось 1000 голов данного вида дичи, мы на зимовку должны оставить вдвое больше поголовья, т.е. 2000, а значит, из 3000 особей, имевшихся перед началом охоты, взять можно не более 1000 птиц. Приведенный расчет весьма примитивен, но сущность принципа определения допустимых норм отстрела он отражает.

Указанные общие положения справедливы и при регулировании охоты на водоплавающую дичь. Задача осложняется тем, что большинство представителей водоплавающих являются перелетными птицами, появляющимися в нашей стране весной и улетающими осенью. В процессе охоты мы стреляем не только тех гусей и уток, которые будут гнездиться в данных угодьях, но и тех из них, которые отлетят дальше на север. Осенью объектами охоты будут не только местные, но и пролетные птицы. В период зимовки за пределами нашей страны мы не в силах организовать охрану водоплавающих и не можем предвидеть, какие потери понесут их популяции. Потери же эти весьма значительны, так как в большинстве районов Юго-Восточной Азии на зимующих уток, гусей и казарок проводится очень интенсивная охота. Кроме того, охота на водоплавающих приурочена к двум сезонам, и добыча птиц в каждом из них должна регламентироваться особо.

Но с какими бы трудностями ни было сопряжено регулирование охоты на водоплавающую дичь, а обойтись без него невозможно. Базироваться оно должно на учете численности, определении размеров ежегодного прироста численности и выяснении величины естественного отхода дичи.

Определение численности водоплавающих

Представление, а тем более конкретные данные о численности отдельных видов уток, гусей или казарок могут быть получены только в натуре путем проведения специальных учетов. Способы учета довольно разнообразны, но мы остановимся лишь на тех из них, которые позволяют определить численность местной дичи до начала летне-осенней охоты.

Первый весьма трудоемкий, но довольно надежный метод сводится к определению количества пар уток или гусей, собирающихся загнездиться в угодьях хозяйства. После весеннего прилета большинство представителей водоплавающих довольно быстро разбиваются на пары (некоторые к местам гнездовий уже прилетают парами). Через какое-то время после прилета в зависимости от условий погоды самки выбирают место для устройства гнезда. С этого момента оба члена пары или, по крайней мере, утка более или менее постоянно держатся вблизи этого места и сравнительно легко обнаруживают себя, взлетая при малейшей опасности, так как осторожность птиц в это время достаточно высока. В процессе обследования угодий обнаруживается большинство таких особей, что и дает материалы для определения исходного поголовья отдельных видов или групп видов водоплавающих в хозяйстве. Следует только помнить, что учетные маршруты нужно привязывать к угодьям, пригодным для гнездования (плесы и заливы среди прибрежной растительности или зарослей тростников, камышей и рогозов, кромки сплавни и т.д.). Нет ни малейшего смысла проводить подсчет уток и особенно их групп, держащихся по весенним разливам или вообще на чистой воде вдали от берегов, как и пытаться провести учет пролетающих стай — ни тех, ни других к численности местной дичи привязать невозможно.

Кроме того, разового подъема пары уток в какой-либо заводи недостаточно, чтобы с уверенностью предположить тут появление в будущем выводка. Однако, если и два, и три раза подобная встреча повторяется, гарантия того, что мы имеем дело с местом, избранным данными птицами для гнездования, возрастает. Указанные учеты из-за своей трудоемкости обычно не проводят при охотустройстве, но силами егерей, хорошо знающих свои угодья и привлеченных им в помощь охотников-общественников, их вполне можно выполнить. Правда, срок их проведения довольно ограничен — 10—15 дней с момента образования пар и выбора ими гнездового участка и до окончания кладки яиц, после чего самка приступает к насиживанию, и тревожить ее недопустимо, а селезень зачастую покидает гнездовой участок и удаляется для линьки. У лебедей, гусей, казарок, огарей и пеганок учет загнездившихся пар можно производить и позже, подсчитывая охраняющих гнезда самцов.

Вторым очень надежным методом учета численности местной водоплавающей дичи является подсчет выводков и взрослых линяющих птиц, выплывающих из зарослей на чистую воду перед закатом и возвращающихся обратно перед восходом солнца. Все светлое время суток самки с молодняком и линяющие селезни многих видов, главным образом речных уток, проводят в осоках, камышах и тростниковых крепях. Но рано утром и вечером птицы почти обязательно выплывают из этих укрытий на открытые плесы и русла протоков для утреннего и вечернего моционов. Укрывшись в кромке прибрежной растительности, в месте, обеспечивающем хороший обзор, легко на каком-то участке береговой линии или границы тростникового массива не только увидеть, но поголовно подсчитать всех появившихся на чистине птиц. Несколько учетчиков, рассредоточившись

и взяв под наблюдение всю кромку прибрежных зарослей какого-либо озера или залива, либо один учетчик, изо дня в день меняя места наблюдений, могут с большой точностью определить количество имеющихся на водоеме уток. Полученные таким образом данные имеют исключительную ценность, так как характеризуют не только общую численность дичи, но позволяют выяснить, сколько молодых птиц приходится в данном году в среднем на одну взрослую особь. Иными словами, они дают представления о приросте численности дичи. Этот показатель весьма важен для решения вопроса, можно или нельзя в данном году вообще открывать летне-осеннюю охоту на местных уток.

К расчету допустимых норм отстрела мы еще вернемся, сейчас же рассмотрим третий способ учета водоплавающих птиц, наиболее широко практикующийся в большинстве охотничьих хозяйств и при проведении охотоустройства. Речь идет о маршрутном учете птиц, при котором учетчик проходит или на лодке проплывает по угодьям, типичным для гнездования, а вернее, для пребывания выводков (работы проводятся в июне — июле) водоплавающей дичи. При этом он отмечает во-первых, всех встреченных птиц по видам и, во-вторых, расстояние, на котором они были подняты. Отдельные утки и их выводки могут взлетать то совсем рядом с учетчиком, то довольно далеко от него, в зависимости от своего пола, возраста и общей осторожности, а также от характера угодий, через которые проходит маршрут. На относительно чистых плесах утки взлетают дальше, в зарослях, где есть возможность потаиться — ближе. Одна из основных задач данного способа учета — выяснить среднюю ширину обнаружения, т.е. дальность подъема. Делается это следующим образом. Допустим, что на маршруте было поднято 100 крякв, следовательно, учетчик зафиксировал и 100 показателей расстояния, на котором птицы были им замечены. Эти показатели (выраженные в метрах) необходимо просуммировать и разделить на 100. Полученная величина и будет средним расстоянием обнаружения. Поскольку птицы взлетают и справа, и слева от линии движения участника, для получения общей ширины учета среднее расстояние обнаружения нужно удвоить.

Зная (по карте или времени и скорости движения) длину пройденного маршрута, можно определить и общую площадь, охваченную учетом. Например, если всего пройдено 10 км, а ширина ленты учета равнялась 30 м, то площадь учета будет составлять 10000 м × 30 м = 300000 м^2, или 30 га. Если на этой площади было поднято 100 крякв, значит, плотность их населения составляет 30—40 птиц на 100 га. Показатель плотности населения, т.е. количества животных на единицу площади угодий, во-первых, важен сам по себе, так как отражает степень обилия дичи и, во-вторых, необходим для экстраполяции данных учета на всю площадь хозяйства.

Действительно, далеко не всегда удается обследовать или пройти маршрутами все места, пригодные для гнездования и обитания выводков уток, гусей и казарок. Часто эту работу удается провести лишь на части водных угодий. Тогда и возникает необходимость в экстраполяции, т.е. переносе данных, полученных при учете, на угодья, учетом не охваченные.

Предположим, что в каком-то хозяйстве имеется 100 тыс. га угодий пригодных для обитания водоплавающей дичи. Учетом из них охвачено только 5000 га, на которых учтено 100 крякв или по 20 птиц на каждые 100 га. В этом случае общая численность кряквы в хозяйстве может быть примерно определена в 20000 особей (20×100000/100).

Различные типы водоемов и образующих их водных угодий (чистые глубоководные плесы, мелководья, тростниковые крепи, прибрежные заросли осок и хвощей) заселены

утками в неодинаковой степени. В одних птицы очень много, в других ее почти нет. Это значит, что для того, чтобы экстраполяция позволила получить более или менее достоверные данные, необходимо охватить учетом все встречающиеся в хозяйстве типы угодий именно в том соотношении, в котором они в хозяйстве имеются. Иными словами, если из всех водных угодий 50% составляют чистые плесы, 10% мелководья и 40% заросли прибрежной растительности, то и учетные маршруты должны быть заложены с таким расчетом, чтобы 50% их пересекали чистые плесы, 10% — мелководья, 40% — заросли. Чем больше общая длина маршрутов и количество обнаруженных на них птиц, тем данные учета точнее. Чем строже при закладке маршрутов соблюдена пропорциональность их прохождения по угодьям, тем ближе к действительности будут данные, полученные при экстраполяции.

И все же, несмотря на соблюдения вышеуказанных правил, маршрутный учет дает лишь приблизительное представление о плотности населения и общей численности птиц. Дело в том, что возможна ошибка в исходных его данных. Во-первых, далеко не все утки или гуси, имеющиеся на площади учета, оказываются зафиксированными. Часть из них затаивается, часть, заметив приближение опасности, уплывает. Ни те, ни другие не поднимаются на крыло, мы их не замечаем и не учитываем. Возможность такого недоучета всегда имеется. Во-вторых, взлетевшие одиночные птицы или целые их стайки могут, улетев, сесть где-то впереди по ходу учетчика, и будут им учтены повторно, что, наоборот, поведет к завышению численности дичи. Кроме того, как бы ни старались мы провести экстраполяцию данных учета в строгом соответствии с качеством отдельных типов угодий, ошибки тут могут быть весьма серьезными. Те участки типов угодий, которые нам представляются вполне равноценными, с точки зрения утки могут сильно разниться друг от друга, так как точность наших восприятий и оценок в данной области пока еще явно недостаточна. И, наконец, маршрутный учет не дает представления о возрастном составе учитываемой дичи, поскольку на взлете отличить взрослых птиц от молодых не удается. Следовательно, нет возможности определить и индекс прироста популяции, а значит, и решить вопрос о возможных нормах отстрела.

В последние десятилетия в связи с появлением незамерзающих участков водоемов возле электростанций и некоторых промышленных предприятий немало уток остается и у нас на зимовку, особенно если указанные водоемы могут обеспечить их кормом или на них осуществляется зимняя подкормка птиц. Мы не знаем, образуются эти группировки уток за счет местных или пролетных птиц, но они существуют и представляют очень большую ценность как возможные зачатки будущих, зимующих у нас популяций дичи. Определение их количественного состава — дело важное и необходимое, кстати сказать, технически не связанное с большими трудностями, так как птиц легко наблюдать.

Учеты численности водоплавающих в местах их массовых зимовок на юге страны также нужны. Они, правда, не дают оснований для планирования добычи дичи в отдельных охотничьих хозяйствах, но позволяют для крупных регионов следить за общей динамикой изменения количества птиц по годам и в соответствии с этим вносить коррективы в эксплуатацию запасов водоплавающих по стране в целом или отдельным ее регионам. Рассматриваемый метод учета чаще всего осуществляется с самолетов или вертолетов, путем фотографирования основных скоплений зимующих уток и последующего пересчета фотоданных в показатели общей численности.

Динамика численности водоплавающей дичи и определение допустимых норм охоты

Под динамикой численности понимают те количественные изменения населения животных, которые происходят в популяциях дичи от сезона к сезону или на протяжении ряда лет. Указанные изменения численности птиц (как и зверей) определяются характером того баланса, который возникает в результате увеличения количества животных в ходе их размножения и уменьшения (отход) количества животных вследствие естественной их смертности или гибели от тех либо других причин. Если темпы размножения выше темпов отхода, численность популяции возрастает, и наоборот. Как же обстоит дело у представителей водоплавающей дичи?

У большинства речных уток кладки состоят из 7—11 яиц. У нырковых уток — 6—12 яиц. У гусей и казарок — 3—5 яиц. Следовательно, если бы из всех яиц выводились птенцы и все они выживали до начала летне-осенней охоты, то на пару взрослых птиц в первом и во втором случае приходилось бы 9, а в третьем — 4 птенца. Это соответствовало бы приросту численности соответственно на 450 и 200%. Однако такого благополучия в природе никогда не наблюдалось. Прежде всего не все взрослые птицы могут дать потомство. У гусей и казарок половая зрелость наступает лишь на 3-м году жизни, значит, в популяциях имеется какое-то количество взрослых (старше года), но еще неспособных к размножению особей. У многих видов уток, как увидим дальше, в популяциях отмечается численное преобладание самцов примерно с соотношением 1,5:1,0; значит, около 20% птиц (не нашедшие пары селезни) потомства не дадут.

Далее значительный процент гнезд с кладками уничтожают хищники, разрушают пасущиеся домашние животные и вообще гибнет по различным причинам,

Наконец, отход птенцов с момента их вылупления из яиц и до взматерения местами очень велик. В целом реальный прирост численности составляет ориентировочно не более 60—70% от биологически возможного, т.е. у уток не превышает 250—300%, у гусей и казарок — 120—150% от имевшегося весной поголовья. Однако, как уже упоминалось, это вовсе не значит, что именно таковы могут быть допустимые нормы их добычи. Решение задачи о норме допустимого отстрела значительно сложнее и требует учета целого ряда факторов. Так, охотоведы Канады и США, решая ее для популяций кряковых уток, исходят из следующих средних показателей: потомство дают 95% от прилетевших весной на гнездованья уток, так как 5% их гибнет в течение весны и лета; прирост численности к началу охоты составляет 100%; отстрел с учетом потерянных подранков — 40% осенней численности; естественная смертность до весны следующего года составляет 13% сохранившихся после охоты крякв. В результате аналогичных расчетов экспериментально установлено, что при неизменных условиях охраны, охотхозяйственного использования и т.д. у водоплавающей дичи численность воспроизводственного поголовья остается постоянной при индексе 1,1:1, т.е. когда к началу охоты на 1 взрослую птицу приходится 1,1 молодняка.

Если индекс снижается, например, до 0,5:1,0, а интенсивность охоты остается неизменной, то численность популяции уменьшается, если индекс выше — популяция увеличивается. Указывается, что, поскольку индекс прироста популяции в природе может меняться от 0,5:1 до 1,6:1 (что соответствует размеру прироста численности в 50—160%), сохранение поголовья уток на каком-то постоянном уровне требует изменения норм отстрела. Решение вопросов регулирования добычи водоплавающей дичи в Канаде и США облегчается тем, что эти вопросы указанными странами регулируются совместно, а

популяции гусей и уток не выходят из-под контроля, поскольку большинство птиц не покидают пределов Северо-Американского континента. У нас дело обстоит сложнее, так как значительная часть гнездящихся в нашей стране водоплавающих на зимовки отлетает за границу СССР. Советские ученые занимаются выяснением таких вопросов, как размеры и различные причины смертности представителей водоплавающей дичи, места добычи гнездующих у нас гусей и уток, процент возврата птиц после зимовки к местам прежних гнездовий и т.д. Обобщая результаты этих исследований, можно предположить, что ежегодная гибель большинства видов уток (включающая и последствия охоты) составляет около 50% из числа имевшегося перед началом охотничьего сезона и что до 95% отстрелянных уток (появившихся в наших угодьях) добываются в пределах СССР.

Все эти данные были получены путем кольцевания птиц и анализа колец, присланных охотниками. Поэтому можно с большой уверенностью предположить, что в общей гибели водоплавающих доля, отнесенная к последствиям охоты, завышена (поскольку вероятность возврата кольца с застреленной утки гораздо больше, чем с утки, растерзанной хищниками или просто погибшей), доля уток, появившихся в наших угодьях и добытых за рубежом, наоборот, занижена (так как, вероятно, далеко не все зарубежные охотники возвращают нам кольца, обнаруженные на взятых ими птицах).

В целом, наверное, можно считать, что не связанная с охотой гибель водоплавающих минимум, чем вдвое, выше, чем такая же в условиях Северо-Американского континента и составляет никак не меньше 20% сохранившихся после охоты птиц. Следовательно, при неизменной интенсивности охоты стабильность численности популяций дичи будет обеспечиваться индексом прироста не ниже 1,5:1, т.е. когда к началу охоты на одну взрослую особь будет приходиться 1,5 молодой (или, что то же самое, на пару взрослых птиц — 3 молодых).

Если мы хотим сохранить численность воспроизводственного поголовья популяций водоплавающей дичи на постоянном уровне, то в зависимости от величины индекса прироста в каждом конкретном году нам необходимо изменять нормы охотхозяйственного использования этих популяций.

Приняв, что с момента окончания охоты и до весны следующего года гибнет 20% уток, допустимую норму отстрела можно определять по формуле

$$O_m = \frac{И_п - 0{,}2}{1 + И_п},$$

где O_m — допустимая в данном году норма отстрела водоплавающих в % от их осенней численности;

$И_п$ — индекс прироста численности в данном году.

Соответствующие расчеты показывают, что при величине индекса 1,5 отстрел может составлять около 50%, при индексе 1,0 — около 40% и при индексе 0,5 — не более 20% осенней численности дичи.

Если бы по каким-то причинам (например, неблагоприятные условия зимовки) зимний отход дичи составил не 20, а 40% от числа оставшихся после осенней охоты птиц, то в формуле показатель 0,2 следовало бы заменить на показатель 0,4 и т.д., что соответственно дает снижение нормы допустимого отстрела.

Поскольку приведенная схема расчета предусматривает определение норм добычи дичи, обеспечивающих стабильность численности воспроизводственного поголовья, понятно, что при желании увеличивать численность последних указанные нормы следует снижать. Итак, регулирование норм отстрела водоплавающих в каждом отдельном охотничьем хозяйстве можно проводить следующим образом.

Прежде всего в ходе весенних учетов численности определяют количество местных, оставшихся на гнездовье в угодьях хозяйства птиц. Это дает представления о величине воспроизводственного поголовья.

Далее с помощью летних учетов выясняется количество молодых, приходящееся на 1 взрослую особь, т.е. устанавливается индекс прироста популяции. При определении его для видов, у которых самцы не держатся при выводках, количество взрослых особей берется как удвоенное число взрослых самок. Например, если в процессе учета обнаружено 100 взрослых самок (как при выводках, так и без них) и 300 молодых, индекс прироста будет равен 1,5 (300:200).

Существует и другой, но более трудоемкий способ определения величины индекса прироста. При нем проверяют все места, зафиксированные весной как участки гнездования какой-то пары уток, и выясняют, во-первых, имеется ли там в наличии выводок и, во-вторых, какова в последнем численность утят. В результате в распоряжении хозяйства оказываются материалы, позволяющие установить, какой процент учтенных весной пар уток дали потомство и какова численность молодых в обнаруженных выводках.

Допустим, что из 40 участков, где весной было зафиксировано гнездование пары крякв, выводки найдены только в 30 местах и численность молодых в них составила 150. Это значит, что индекс прироста будет равен 1,8 (150:80).

Получив тем или иным способом величину индекса прироста, по вышеприведенной формуле рассчитывают допустимый процент отстрела от общего числа уток какого-либо вида (или группы видов), имеющегося в хозяйстве перед началом охоты. Эта промысловая численность получается либо за счет летних учетов, либо путем умножения весенней численности дичи на установленный индекс прироста. Таков путь определения грубых, приближенных количественных норм допустимого отстрела водоплавающей дичи.

Охота на уток и гусей проводится не только осенью, но и весной. Весенняя охота на гусей и казарок, пожалуй, оправдывается лишь тем, что большинство этих птиц гнездятся и проводят лето в северных малонаселенных районах нашей страны, а на путях пролета стрельба их кратковременна и, как правило, малодобычлива. В силу этих причин весенний отстрел не наносит популяциям птиц заметного ущерба и достоверных фактов, свидетельствующих о том, что он вызывает нарушение темпов воспроизводства дичи, мы не имеем. Весенний же отстрел селезней разных видов речных и нырковых уток (с подсадными, манком и чучелами) практикуется в нашей стране очень широко и вполне оправдан следующими обстоятельствами. На подманивание (крик подсадной утки, звуки манка, высаженные чучела) реагируют (подлетают) главным образом самцы этих видов водоплавающей дичи, причем чаще всего самцы-одиночки, не нашедшие себе пары или покинутые самкой, приступившей к насиживанию кладки. Их добыча никак не может нарушить темпы воспроизводства дичи, поскольку в выводе и воспитании потомства они никакого участия не принимают. Специально поставленными экспериментами неоднократно было доказано, что проведение правильной весенней охоты (т.е. исключающей случайный отстрел самок и нарушение режима покоя в местах гнездовий)

не ведет ни к сокращению количества утиных выводков, ни к уменьшению их численного состава. Мало того, весенняя добыча селезней компенсирует ту повышенную элиминацию (изъятие) самок, которая типична при большинстве способов осенней охоты. Существует четкая зависимость между интенсивностью весенней охоты и соотношением самцов и самок в популяциях большинства видов уток. До тех пор, пока охота разрешалась с момента прилета дичи и проводилась в течение почти месяца, это соотношение было близко к 1:1, т.е. количество самцов и самок в популяциях примерно равно. Никто из орнитологов не отмечал здесь каких-либо нарушений. Однако стоило пойти по пути ограничения сроков, а в отдельные годы и полного запрета весенней охоты, как орнитологи начали фиксировать заметное увеличение доли селезней.

Наиболее ярко последствия запрета весенней охоты иллюстрируются примером США и Канады, где эта охота полностью закрыта с 1924 г.

Через 45 лет (к 1969 г.) в США было установлено, что в популяциях наиболее популярных среди охотников видов уток (например, американский нырок) селезней стало почти втрое больше, чем самок (2,9:1). Поскольку при этом кладки дает всего четвертая часть птиц (процент самок в популяциях 25%), общий прирост поголовья дичи оказывается настолько мал, что не восполняет даже естественной смертности.

Начиная с середины 60-х годов численное преобладание селезней стало заметно и в популяциях ряда видов уток, обитающих в пределах Советского Союза. У кряквы и чирка-свистунка в отдельные годы оно доходило до 1,6:1, у шилохвости — до 1,4:1.

Пятнадцатилетнее наблюдение за изменением соотношения селезней и уток среди крякв, заселяющих водоемы г. Москвы и ее пригородной зоны, показало следующее (**табл. 8**).

Таблица 8.

Соотношение селезней и уток кряквы на водоемах г. Москвы

Год наблюдений	Весна				Осень			
	Всего	Селезней	Уток	Соотношение	Всего	Селезней	Уток	Соотношение
1969	111	69	42	1,6:1	183	93	90	1:1
1970	79	47	32	1,5:1	161	80	81	1:1
1971	96	59	37	1,6:1	202	103	99	1:1
1972	127	81	46	1,8:1	174	92	82	1,1:1
1973	131	80	51	1,6:1	231	118	113	1:1
1974	142	84	58	1,4:1	168	89	79	1,1:1
1975	86	53	33	1,6:1	152	79	73	1,1:1
1976	150	90	60	1,5:1	212	119	93	1,3:1
1977	142	82	60	1,4:1	173	93	80	1,2:1
1978	126	87	39	2,2:1	191	99	92	1,1:1
1979	119	71	48	1,5:1	188	105	83	1,3:1
1980	122	77	45	1,7:1	230	116	114	1:1
1981	114	73	41	1,8:1	61	32	29	1,1:1
1982	101	59	42	1,4:1	182	96	86	1,1:1
1983	74	46	28	1,6:1	129	68	61	1,1:1
Итого	1720	1058	662	1,6:1	2637	1382	1255	1,1:1

Из табл. 8 видно, что начиная с 1969 г. ежегодно отмечалось явное преобладание селезней, которых имелось в 1,4—2,2 раза больше, чем уток. Осенью за счет появления молодняка различия в удельном весе самцов и самок сглаживались, однако в целом самцов бывало все же несколько больше, чем самок. Иными словами, кряквы, отлетавшие на зимовку и имевшие в своем составе более или менее равное количество селезней и

уток, возвращались обратно, потеряв значительно больше самок, чем самцов. Эту повышенную гибель самок легко увязать с их избирательной элиминацией в ходе осенних охот и ограничениями весеннего отстрела селезней. Вряд ли нужно доказывать, что уменьшение в популяциях водоплавающих доли самок неизбежно должно повести к снижению темпов воспроизводства этих популяций. Таким образом, весенняя охота на уток не только допустима, но и нужна как мероприятие, обеспечивающее регулирование состава популяций этих птиц.

Регулирование охоты

Помимо определения количественных норм допустимого отстрела, охота должна регулироваться по территориальному принципу и по способам ее проведения.

В инструктивных руководствах по охотоустройству указывается, что при любом способе охоты нагрузка охотников на единицу площади угодий не может быть беспредельной и не должна превышать совершенно определенных нормативов (**табл. 9**).

Таблица 9.

Максимально допустимые нормы нагрузки охотников на единицу площади угодий при различных видах охоты на водоплавающую дичь

Вид охоты	Характер пригодных для охоты угодий	Допустимое количество охотников на 1000 га пригодных для охоты угодий
Весенняя охота с подсадной, манком, чучелами	Вся площадь водных угодий (при весеннем уровне воды)	10
Летне-осенняя охота с подхода или подъезда	Вся площадь водных угодий, кроме больших открытых плесов	15
Осенняя охота с чучелами	Вся площадь чистых плесов	15

При охоте по водоплавающей дичи на перелетах определить аналогичный показатель трудно, так как хороший лёт дичи бывает далеко не над всеми участками водных угодий. Здесь следует придерживаться правила, по которому отдельные охотники не должны стоять друг от друга ближе чем на 150—200 м. Нарушение этого правила, как и завышение допустимых норм нагрузки охотников на единицу площади угодий, чревато самыми неприятными последствиями. Прежде всего возрастает опасность несчастных случаев, так как при скученности стрелков на определенном участке угодий возможность задеть зарядом не замеченного за кустами или в камышах соседа резко увеличивается. Помимо этого, массовые нашествия охотников на какой-либо водоем очень быстро изгоняют с него всех имевшихся там уток. Экспериментально установлено, что там, где концентрация охотников достигает 10—12 человек на 100 га угодий (в охотничьих хозяйствах центральных областей европейской части Советского Союза такие случаи достаточно часты), уже на третий день после открытия сезона численность водоплавающей дичи сокращается в 10—11 раз. Происходит это не потому, что уток выбивают, так как никто из охотников не нарушает установленных норм отстрела, птицы просто покидают места, где в каждой заводи, на каждом плесе их встречают выстрелы.

Там, где на 100 га угодий приходится от 1 до 2 охотников, даже через 10 дней после открытия сезона количество уток сокращается всего на 10—15%. Представители водоплавающей дичи в большинстве своем достаточно подвижны и легко перелетают за несколько километров на малодоступные или закрытые для охоты водоемы, где их никто не тревожит. Стоит охотничьему хозяйству создать на своей территории заказник, воспроизводственный участок или зону покоя, как утки и гуси очень быстро начинают их

использовать, укрываясь там от посягательств охотников. Этим же объясняется резкое увеличение представителей водоплавающей дичи на водоемах, расположенных в черте городов или зеленых зон крупных населенных пунктов, в первые же дни после начала сезона летне-осенней охоты. Отсюда вытекает вторая рекомендация по территориальному регулированию охоты, постоянно встречающаяся в охотоустроительных проектах, но крайне редко осуществляемая на практике. Сводится она к тому, что одновременно не следует проводить охоту на всей площади пригодных для нее угодий. Это неизбежно ведет к тем же последствиям, что и завышение норм нагрузки охотников на единицу площади, т.е. к тому, что дичь очень быстро покидает столь интенсивно осваиваемую территорию. Чтобы избежать этого, рекомендуется оставлять свободными от охоты 25—30% угодий, где птицы, поднятые и обстрелянные на остальных участках, могли бы найти убежище.

Допустим, что охотничье хозяйство имеет 6 егерских обходов, где возможна охота на уток или гусей. Наиболее рационально проводить охоту ежедневно лишь в 4 обходах попеременно таким образом, чтобы один день из трех каждый обход был для охоты закрыт. К сожалению, из-за организационных сложностей в охотничьих хозяйствах перемещения охотников из одних угодий в другие на практике соблюдаются очень редко. Гораздо чаще лимитируются дни охоты, т.е. охота разрешается лишь в отдельные дни недели. С точки зрения администратора такая практика, конечно, наиболее удобна. Однако с позиций пользы дела она является порочной. Разрешением охотиться только по субботам и воскресеньям далеко не всегда удается обеспечить постоянство численности дичи в угодьях, особенно если при этом допускаются нарушения нормы нагрузки охотников на единицу площади. Нарушения же эти постоянно имеют место, так как прием охотников планируется и осуществляется в соответствии с вместимостью имеющихся в хозяйствах баз и остановочных пунктов, но без учета площади пригодных для охоты угодий. В изменение этого порочного планирования кроется одна из основных возможностей упорядочения регулирования охоты на водоплавающих.

На многие виды дичи регулирование охоты по территориальному принципу может быть средством, устраняющим неблагоприятные последствия избирательного отстрела самцов или самок, молодых или взрослых особей. Дело в том, что при очень интенсивной охоте, каким бы способом она ни проводилась, в конце концов берутся почти все имеющиеся на промышленной территории звери или птицы. Таким образом, избирательность охоты теряет свое значение. Из общего поголовья дичи просто берется, причем берется полностью, какая-то часть, включающая животных любого пола и возраста. Половая и возрастная структура всей популяции остается неизменной. Следовательно, желая избежать каких-то нежелательных последствий избирательной добычи, имеющих место при том или ином способе охоты, можно организовать ее таким образом, чтобы на определенной части территории запасы животных осваивались очень интенсивно, на остальных частях этой территории оставались в полной неприкосновенности. Однако такая организация пользования возможна только при ведении хозяйства на более или менее оседлые виды дичи (фазан, куропатки, рябчик и т.д.). Представители водоплавающей дичи такой возможности не обеспечивают. Полностью взять какую-либо группу уток, обитающую на том или ином водоеме, никогда не удается. Задолго до того, как опромышление можно будет считать достаточно полным, оставшиеся птицы просто покинут место, где их постоянно преследуют, и найдут себе более спокойные пристанища.

Поэтому при ведении охотничьего хозяйства на водоплавающую дичь регулирование качественного состава ее популяций должно осуществляться за счет сочетания весенней и летне-осенней охот, где в первом случае добываются исключительно самцы, во втором — преимущественно самки.

Весной в период разлива в большинстве охотничьих хозяйств площадь угодий, пригодных для охоты на водоплавающих, заметно увеличивается. Тысячи заполненных талой водой низин и болот, затопленные пойменные луга и пашни во много раз расширяют зону возможного проведения охот и освоение этих угодий. Добыча птиц, заселяющих эти угодья, особенно желательна по целому ряду причин. Именно эти временные (так как они очень быстро высыхают и теряют для уток свое значение) угодья чаще всего являются наиболее удобными для охоты с подсадной. Они относительно мелководны, лишены густых зарослей надводной растительности и течение на них редко бывает сильным. Следовательно, имеются все условия и удобства для того, чтобы высадить криковую утку и чучела, хорошо видеть из шалаша и их, и подлетающих к ним селезней. Далее охота в таких местах полностью устраняет то возражение, которое вечно выдвигается против весенней охоты ее противниками, а именно опасность нарушить режим покоя загнездившихся или собирающихся строить гнезда птиц. Дело в том, что там, где весенняя вода заведомо быстро уйдет или высохнет, утки никогда не гнездятся. Они используют временные водоемы для отдыха и жировки, много летают над ними, но и только. Таким образом, своим присутствием здесь и даже громом выстрелов охотник не может нанести вреда уткам. По правде говоря, возможность такого вреда иллюзорна — места гнездования уток по своему характеру настолько отличаются от мест, удобных для весенней стрельбы селезней, что совпадают крайне редко. Путь охотника от дома к шалашу и обратно приурочен к наиболее проходимым местам (дороги, тропы, удобные для проезда, чистые участки водоемов), а значит, возможность потревожить насиживающую самку минимальна. Что же касается пресловутого грома выстрелов, то кто же не знает, что сам по себе он птиц абсолютно не пугает. Лучшее тому доказательство: максимальная концентрация боровой, полевой и прочей дичи зачастую приурочена к площадям стрелковых, авиационных и артиллерийских полигонов. Грохота на них более чем достаточно, но заграждения и устрашающие аншлаги надежно охраняют птиц от прямых посягательств человека.

Третья особенность временных водоемов, определяющая полезность их охотхозяйственного освоения, заключается в том, что они служат пристанищем главным образом пролетной, а не местной дичи. Именно на них чаще всего видны не отдельные парочки, а крупные стаи свиязи или шилохвости (и это в районах, где данные виды не гнездятся). В видовом отношении, т.е. по разнообразию дичи, охота на временных водоемах обычно богаче, чем в исконных местообитаниях водоплавающих. Как и при осенней охоте, весной следует строго соблюдать допустимые нормы нагрузки охотников на единицу площади пригодных для охоты угодий. Правда, опасность полностью разогнать дичь с какого-либо водоема тут не столь велика. Во-первых, имеется очень большой резерв угодий, неудобных для охоты, где птиц не трогают; во-вторых, идет пролет, и каждый день появляются новые стайки уток. Необходимость территориального нормирования весной определяется интересами самой охоты. Там, где охотников устраивают (или они сами строят скрадки) на 200—300 м друг от друга, они мешают друг другу, и никому охота настоящего удовольствия не доставляет. Минимальное расстояние между скрадками отдельных охотников — примерно 1 км.

Итак, основой регулирования охоты на водоплавающих должно быть:

а) строжайшее соблюдение допустимых норм нагрузки охотников на единицу площади угодий;
б) рациональное территориальное размещение охоты, исключающее ежедневное ее проведение во всех угодьях хозяйства;
в) нормирование добычи в соответствии с индексом прироста численности дичи в каждом отдельном году;
г) сочетание весенней и летне-осенней охоты для поддержания в популяциях дичи примерно равного по удельному весу количества самцов и самок.

Глава IV.
Охотхозяйственная бонитировка местообитаний водоплавающей дичи

Под охотхозяйственной бонитировкой понимается определение степени пригодности данной территории для круглогодичного обитания определенного вида животных.

В отношении основных представителей лесной и полевой дичи принципы бонитировки разработаны и используются в практике ведения охотничьего хозяйства. С водоплавающими дело обстоит сложнее*.

Прежде всего преобладающее большинство уток, гусей и казарок на зиму покидают пределы нашей страны и, следовательно, говорить о пригодности угодий для их круглогодичного обитания не приходится. Речь может идти лишь о периоде с начала прилета птиц на гнездовье и до их отлета на зимовку.

В отличие от лесных и полевых угодий места обитания водоплавающей дичи не всегда представлены значительными по площади водоемами, где участки, различные по характеру зарастания, глубине и другим признакам, могут рассматриваться как самостоятельные типы угодий. Нередко мы встречаемся с ситуацией, в которой мелкие по площади озера, пруды, карьеры старых торфоразработок, узкие поймы ручьев и речек с их старицами и заводями образуют целую систему разнотипных водоемов, каждый из которых целиком может рассматриваться в качестве самостоятельного таксона. Говорить здесь о типологической принадлежности рогозово-тростниковых зарослей или чистых плесов вряд ли целесообразно. Следовательно, в зависимости от площади водоемов мы вынуждены либо (на больших озерах, в дельтовых угодьях) увязывать типологию с характером и составом растительных ассоциаций, либо (там, где водно-болотные угодья представлены малыми по площади водоемами) рассматривать как типы угодий водоемы различного характера.

Далее для представителей водоплавающей дичи очень характерна приверженность к совершенно определенному типу стаций, приверженность, закономерно меняющаяся не только по периодам летне-осеннего сезона, но и по часам суток.

Места, где птицы концентрируются в начале лета, могут быть очень бедны дичью осенью, и там, куда на ночную жировку слетаются сотни уток, днем ни одной из них не встретишь. И наконец, бонитировка местообитаний водоплавающей дичи крайне осложняется недостатком фактических материалов, отражающих зависимость между условиями обитания (состав угодий, климатические и трофические факторы, антропогенность) и численностью, а также темпами размножения утиных популяций. Мы не знаем, каково оптимальное для представителей водоплавающей дичи площадное соотношение гнездовых, выводковых и дневочных стаций. Нам неизвестно, как те или иные изменения в характере и составе угодий сказываются на емкости местообитаний. Мы имеем лишь смутное представление о степени влияния (в количественном выражении) отдельных факторов на сохранность гнезд и кладок, выживаемость молодняка и т.д. Поэтому изложенные ниже предложения по типологии водно-болотных угодий и их бонитировке для представителей водоплавающей дичи носят весьма ориентировочный характер.

---

* Данилов Д.Н., Русанов Я.С., Рыковский А.С., Солдаткин В.И., Юргенсон П.Б. — Основы охотоустройства. М.: Лесн. пром-сть, 1966, 330 с.

Типология водно-болотных угодий

Типологией и инвентаризацией водно-болотных угодий занимались многие исследователи. К решению этих вопросов они подходили по-разному, рассматривая как отдельные таксоны то водоемы, характеризующиеся определенным типом зарастания, то отдельные части водоемов и их берегов, занятые теми или другими растительными ассоциациями. Детальность выделения растительных ассоциаций также была весьма различна. Например, для дельты Волги В.В. Виноградов выделял десять, а В.Г. Кривенко — 21 тип угодий. Однако, как бы ни были велики различия в методических подходах к типологии водно-болотных угодий и в детальности выделения их типов, применявшихся отдельными исследователями, во всех случаях прослеживается нечто общее. В преобладающем большинстве случаев выделяются типы угодий, имеющие совершенно определенное экологическое значение для водоплавающих:

а) непосредственно примыкающие к водоемам участки лесной, кустарниковой или травянистой растительности (от тростниковых зарослей до осоково-лугового разнотравья), рассматриваемые как гнездовые стации;
б) надводные (прибрежные и куртинные) заросли тростников, камыша и рогозов, также являющиеся гнездовыми и защитными стациями;
в) надводные заросли осок, ежеголовки, хвощей, водокраса, а также относительно мелководные, богатые водной растительностью с плавающими и погруженными листьями (рдесты, ряски, водоросли) плесы, служащие основными выводковыми стациями;
г) чистые относительно глубоководные и достаточно обширные плесы, являющиеся во второй половине лета и осенью основными стациями дневки.

Преобладание на каком-либо водоеме того или иного из перечисленных типов угодий зачастую служило основанием для отнесения этого водоема целиком к гнездовьям, кормовым или временным (дневочным) угодьям*.

Понятно, что гнездовья, выводковые и дневочные стации могут быть весьма разнотипны и по составу образующей их растительности могут быть весьма разнотипны и по целому ряду других признаков, как то: степень обводненности, наличие или отсутствие течения и т.д. Но на сегодняшний день мы просто не имеем данных для того, чтобы охарактеризовать различия в экологической ценности между мелководьями рдестовыми и ежеголовниковыми, между зарослями тростников и рогозов и т.п. Следовательно, нет пока и смысла в выделении этих дробных таксонов и целесообразно говорить о трех крупных группах таксонов, образующих защитно-гнездовые, выводково-кормовые и дневочные стации водоплавающей дичи.

Для благополучного обитания уток или гусей на водоемах все перечисленные типы местообитаний необходимы, причем наилучшие условия складываются там, где эти типы, если и непосредственно не примыкают друг к другу, то разделены расстояниями и условиями местности, не препятствующими птицам перемещаться из одних угодий в другие. Это особенно важно в отношении гнездовых и выводковых стаций, поскольку первые будут осваиваться утками лишь там, где у появившихся выводков будет возможность беспрепятственно перебраться на кормовые мелководные плесы. Там, где эта возможность затруднена, птицы гнездятся неохотно. Так, в дельтовых угодьях

* Янушевич А.И., Золотарева О.С. Водоплавающая дичь Барабы. Новосибирск: 1947. 78 с.

наибольшая плотность гнезд наблюдается в тростниковых крепях вдоль протоков, впадающих в мелководные култуки и заливы. В аналогичных тростниковых зарослях, удаленных от чистой воды, гнезд нет. Мало того, если надводные чащи тростников или рогозов отделяют от открытых мелководий места, удобные для гнездования (кочкарники, луга, лес), то они для устройства гнезд почти не используются. Однако стоит создать в зарослях искусственные проходы к берегу, и картина меняется — плотность гнезд в береговых угодьях резко возрастает.

Взаиморасположение выводковых и дневочных стаций имеет меньшее значение. Они могут располагаться друг от друга на довольно значительном расстоянии, и все же утки и тут будут их осваивать регулярно, перелетая с мест жировки к местам дневки и обратно. Если эти перемещения происходят в пределах границ одного хозяйства, никаких сложностей не возникает. Если же жировочные и дневочные стации территориально разобщены настолько, что оказываются в разных хозяйствах, контроль за нормированием добычи водоплавающих осложняется и требует координации действий обоих охотпользователей.

С чисто охотхозяйственной точки зрения наибольшую ценность представляют, по-видимому, все же выводковые, кормовые стации водоплавающей дичи. Именно их наличием в большинстве случаев определяется высокая и стабильная численность уток. В них птицы держатся постоянно на протяжении всего лета, и сюда они регулярно прилетают на вечерних зорях, вплоть до отлета на зимовку. Там, где кормовые условия бедны, дичь гнездится неохотно и в малом количестве, какими бы благоприятными ни были условия для гнездования. Там, где кормов много, дичь так или иначе находит места для устройства гнезд, да и биотехнические мероприятия, позволяющие заметно повысить гнездопригодность какого-либо водоема, легко осуществимы и не столь сложны. Поэтому за один из важнейших критериев в оценке местообитаний водоплавающих можно принять кормность угодий. С этой позиции группа типов кормовых мелководий или выводковых стаций должна быть отнесена к хорошим, чистые плесы — к средним, а береговые и надводные заросли — к плохим по кормности угодьям. Приняв эту в значительной мере приблизительную оценку, мы получаем возможность подойти к определению весьма существенного показателя — средневзвешенного показателя качества угодий.

Бонитировка местообитаний водоплавающей дичи

Как уже говорилось, принципы бонитировки местообитаний лесной и полевой дичи разработаны. При этом установлено, что по своей потенциальной продуктивности хорошие угодья в 2—3 раза лучше средних и в 6—7 раз лучше угодий плохих.

В соответствии с этим, чтобы получить обобщенную средневзвешенную оценку какого-то массива угодий (обхода, хозяйства, урочища), принято площадь хороших угодий умножать на 250, площадь средних угодий — на 100, а плохих — на 15. Полученные произведения складывают и делят на общую площадь свойственных виду угодий. Чтобы по средневзвешенному показателю определить класс бонитета, к которому относится таксируемая территория, его сопоставляют со следующими цифрами.

Класс бонитета	I	II	III	IV	V
Средневзвешенный показатель (СП)	200	200—130	130—70	70—30	30

Если на каком-то обширном водоеме 40% угодий представлено кормовыми мелководьями, 50% — чистыми плесами и 10% — береговыми и надводными зарослями, то, используя принятые нами ранее оценки, получим средневзвешенный показатель

$$\frac{40 \times 250 + 50 \times 100 + 10 \times 15}{100} = 151.$$

Аналогичный расчет мог бы быть произведен не для отдельного крупного водоема, а для какой-либо территории, где поймы, мелкие озера и старицы кормового, дневочного и гнездового типа имелись бы в таком же процентном соотношении.

Однако в нашем примере величина средневзвешенного показателя (151) не может быть сразу соотнесена к какому-либо классу бонитета, так как она отражает обобщенную оценку не всех свойств угодий, а лишь их кормности. Для перехода от нее к классу бонитета нужно еще многое, и прежде всего нужно выяснить, имеется ли на бонитируемой территории весь набор необходимых для водоплавающей дичи стаций. В приведенном примере это условие соблюдено, но могут быть варианты, дающие ту же величину средневзвешенного показателя при полном отсутствии гнездовых или дневочных стаций, что, конечно, снижает условия для обитания дичи. Самым лучшим, несомненно, является случай, когда в хозяйстве имеются и гнездовые, и кормовые, и дневочные стации. Здесь дичь будет и выводить, и выращивать свое потомство, и держаться до самого отлета. В соответствии с этим угодья могут бонитироваться на один класс выше, чем предопределяется величиной средневзвешенного показателя качества угодий. При полученной нами величине средневзвешенного показателя (151) местообитания следовало бы отнести не ко II (как это следует из бонитировочной таблицы), а к I классу бонитета.

Условия местообитания, конечно, ухудшатся, если в комплексе угодий отсутствуют гнездовые, дневочные или особенно кормовые угодья. Это будет вызывать непостоянство численности дичи в хозяйстве, ее пребывание там лишь в отдельные периоды сезона или часы суток (прилёт на жировку либо дневку) и затруднения с охраной и нормированием отстрела. При отсутствии гнездовых или дневочных стаций бонитет соответствующий величине средневзвешенного показателя следует понижать на один, а при отсутствии выводковых стаций — на два класса.

Наконец, если в хозяйстве имеются только угодья гнездового (сплошные надводные заросли тростников, камышей или рогозов), дневочного или выводкового типа — бонитет, соответствующий средневзвешенному показателю, нужно снижать на два класса (с I на III, со II на IV, с III на V). В природе мы редко встречаемся с ситуациями, где в составе водно-болотных угодий полностью отсутствовали бы кормовые мелководья, чистые плесы или типы угодий, пригодные для гнездования уток. На каких-то участках, пусть очень ограниченных по площади, они обычно все же встречаются. Поэтому возникает вопрос, какой минимальной долей участия того или иного типа можно пренебречь, приравнивая ее к полному отсутствию угодий данного характера. Одновременно очень важно выяснить, какое соотношение гнездовых, выводковых и дневочных стаций для представителей водоплавающей дичи является оптимальным. Отсутствие данных, прямо отвечающих на эти вопросы, вынуждает нас здесь исходить из некоторых теоретических предпосылок.

Анализ имеющихся в литературе и полученных нами в ходе исследований материалов о возможной плотности утиных гнезд, выводков или самих птиц на единицу площади показывает следующее. Максимально установленная плотность гнезд составляет в лучших гнездовых стациях 600 гнезд на 100 га. Так же фактически выявленная наибольшая плотность утиных выводков в лучших кормовых угодьях — 30 выводков на 100 га. Иными словами, в лучших гнездовых условиях одно гнездо приходится на 0,15—0,20 га, а в лучших выводковых стациях одному выводку необходимо от 3 до 3,5 га площади. Таким образом, максимальная нагрузка гнезд примерно в 20 раз больше максимальной плотности выводков.

На этом основании со значительной долей вероятности можно предположить, что для обеспечения жизни водоплавающих птиц площадь кормовых стаций должна в 20 раз превосходить площадь стаций, где их выводки появлялись из кладок. Поскольку известно, что не каждая кладка обеспечивает появление птенцов, так как до 50% гнезд гибнет, можно говорить о необходимости не 20, а о 10-кратном преобладании площади выводковых стаций над площадью стаций гнездования.

Летом и в начале осени наибольшая фактически установленная плотность птиц в кормовых и дневочных стациях примерно одинакова, следовательно, в лучшем для уток варианте и площади этих стаций могут быть примерно равными, с некоторым преобладанием площади кормовых мелководий. Из этого следует, что идеальными для обитания большинства представителей водоплавающих будут условия, где площади гнездовых, выводковых и дневочных стаций находятся соответственно в следующем соотношении: 10, 50 и 40%. Если принять, что 5-кратное по сравнению с данной нормой уменьшение площади любого из этих типов свидетельствует о его недостаточности в общем комплексе угодий, то за норму, которую можно приравнять к отсутствию угодий этого характера, можно взять 2% гнездовых, 10% выводковых и 8% дневочных стаций.

Итак, если на бонитируемой для водоплавающей дичи территории гнездовых стаций имеется меньше 2%, выводковых меньше 10% и дневочных меньше 8%, можно считать, что эти стации отсутствуют и нужно вносить соответствующие изменения в определение класса бонитета. После определения средневзвешенного показателя угодий по их кормности и установления класса бонитета оцениваемой территории по степени наличия на ней всего комплекса необходимого для водоплавающей дичи набора стаций остается внести в бонитировку поправку на степень антропогенного использования угодий.

Влияние деятельности человека на условия обитания водоплавающих птиц очень существенно и многогранно. Здесь и изменения уровня воды в искусственных водохранилищах, и интенсивное хозяйственное использование водоемов и их берегов (лов рыбы ставными сетями, заготовки тростника, выкашивание береговой растительности, выпас скота), и рекреационное освоение водоемов. Там, где эти факторы сильно выражены, природные условия для обитания водоплавающих птиц резко ухудшаются, что требует отражения в бонитировке — снижение бонитета на один класс.

Несмотря на то, что все вышеизложенное носит характер весьма приблизительных придержек, предложенная схема бонитировки обеспечивает достаточно объективную оценку местообитаний водоплавающей дичи. Во всяком случае подтверждение в летней плотности населения уток она находит (**табл. 10**).

Таблица 10.

Оценка качества местообитаний водоплавающей дичи в ряде охотничьих хозяйств и летняя плотность населения уток

Охотничье хозяйство	Состав угодий, %			Величина средневзвешенного показателя	Соответствующий класс бонитета	Уточненный класс бонитета	Летняя плотность уток (голов на 100 га)
	гнездовых	выводковых	дневочных				
Безбородовское (Московская обл).	11	13	76	110	III	IV *	34
Наурзумское (Казахская ССР)	60	1	39	51	IV	V **	24
Юрьевецкое (Горьковская обл.)	4	56	40	181	II	I ***	94
Весьегонское (Вологодская обл.)	9	6	85	101	III	V **	29
Нарвское (Ленинградская обл.)	10	20	70	122	III	II ***	97

* Класс бонитета снижен из-за интенсивного хозяйственного освоении угодий.
** Класс бонитета снижен из-за отсутствия кормовых стаций.
*** Класс бонитета повышен из-за наличия всего комплекса угодий.

В табл. 10 включены 5 охотничьих хозяйств, где в ходе охотоустройства была проведена полная инвентаризация водно-болотных угодий и определена летняя плотность населения водоплавающей дичи. Если использовать данные В.Г. Кривенко о площади различных типов угодий дельты р. Волги и летней численности имеющихся в них уток, то увидим следующее. Площадь типов, образующих гнездовые стации, составляет около 87 тыс. га (18% всех угодий дельты). Площадь типов, используемых как выводковые стации и стации линьки, — 252 тыс. га (52%). Площадь дневочных стаций — 136 тыс. га (30%). По принятой нами схеме расчета средневзвешенный показатель кормности можно найти по формуле

$$\text{СП} = \frac{52 \times 250 + 30 \times 100 + 18 \times 15}{100} = 163,$$

что соответствует II классу бонитета. Так как все необходимые для жизни водоплавающих типы стаций представлены в должном соотношении, бонитет можно было бы повысить до I класса. Однако этому мешает то, что дельтовые мелководья являются местами постоянного лова рыбы ставными сетями, в которых гибнет значительная часть уток. Как указывалось выше, этот факт должен служить основанием для снижения класса бонитета. Таким образом, местообитания уток в дельте р. Волги в конечном итоге сохраняют первоначальную оценку и должны быть отнесены ко II классу бонитета. Летняя плотность населения уток в среднем составляет 80—90 голов на 100 га, что очень близко к показателям, полученным в охотничьих хозяйствах с высоким классом бонитета местообитаний водоплавающих (см. **табл. 10**).

Проведенная нами бонитировка для водоплавающей дичи территории Заплавского лесничества государственного охотничьего хозяйства «Селигер» Калининской обл. дала также весьма характерные результаты. Площадь водно-болотных угодий указанного района составляет около 2 тыс. га и представлена почти исключительно глубоководными чистыми плесами оз. Селигер и нескольких мелких лесных озер. Условия для гнездования уток вполне благоприятны, так как по берегам водоемов расположены лесные угодья, заросли тростников или осоково-лугового разнотравья, в ряде случаев настолько малопроходимые, что даже при обилии туристов многие участки береговой линии почти

не посещаются. Однако кормные мелководные плесы практически полностью отсутствуют и встречаются ничтожно малыми участками, общая суммарная площадь которых не превышает 100 га, т.е. составляет не более 5% угодий. Средневзвешенный показатель кормности угодий равен 107, т.е. соответствует III классу бонитета, но отсутствие даже минимальной нормы выводковых стаций, предопределяет необходимость снижения его до V класса бонитета. Плотность населения уток перед открытием сезона охоты составляла здесь всего 7—10 птиц на 100 га.

Таким образом, бонитировка местообитаний водоплавающей дичи, проведенная по предлагаемой схеме, находит свое подтверждение в летней плотности населения птиц.

Глава V.
Биотехнические мероприятия при ведении охотничьего хозяйства на водоплавающую дичь

Жизнь животных протекает под воздействием бесконечного разнообразия условий окружающей среды. Климат, рельеф и растительность, особенности гидрологического режима, состав и численность других представителей фауны, характер и интенсивность хозяйственной деятельности человека — все это в той или иной мере влияет на степень пригодности данного места для обитания любого вида дичи. Степень влияния отдельных факторов на условия жизни различных зверей и птиц неодинакова. Обычно решающую роль здесь играют несколько основных условий, которые принято называть факторами, лимитирующими возможности существования того или иного представителя охотничьей фауны. Например, для всех видов диких копытных таким лимитирующим фактором является глубина снегового покрова, резко снижающая доступность зимних кормов, затрудняющая передвижение животных и повышающая доступность последних для хищников. Для многих видов полевой и боровой дичи главным бедствием оказывается фактор постоянного беспокойства, проявляющийся в том, что животных непрерывно тревожат люди, пасущийся скот и т.д.

Для представителей водоплавающей дичи все проявления хозяйственной деятельности человека также создают малоблагоприятные условия. Однако рекреационные использования ее местообитаний по своим последствиям для уток неоднозначны.

С одной стороны, в угодьях, где производится охота и птицы воспринимают появление человека как совершенно реальную опасность, вызванный многолюдством (отдыхающими туристами) фактор беспокойства, условий жизни птиц никак не улучшает. Постоянно тревожимые людьми утки лишаются условий и для нормального отыскивания пищи, и для спокойного отдыха. Птенцы, то и дело оставляемые матерью, пытающейся отвести от них врага, чаще теряются и становятся жертвами хищников. С другой стороны, там, где на уток не охотятся, они очень быстро перестают бояться человека и даже начинают извлекать для себя пользу из его близости. Всем известно, что на водоемах, расположенных в черте городов и зеленых зон, кряквы становятся самыми настоящими побирушками. Они концентрируются в местах скопления отдыхающих и питаются главным образом брошенными им кусками хлеба.

Однако весной, в период высиживания кладок, многолюдство для водоплавающих всегда вредно. И дело совсем не в том, что какое-то количество гнезд обнаруживается и разоряется людьми (потенциальных разорителей среди нас, к счастью, немного). Гораздо опаснее, когда случайным своим приближением к птицам, сидящим на гнездах, мы открываем тайну местонахождения гнезда таким вездесущим хищникам, как серые вороны.

Любая утка, покидая гнездо, чтобы размяться и покормиться, делает это весьма осмотрительно. Сперва она закрывает яйца пухом и травяной ветошью, потом осторожно под прикрытием растительности отползает в сторону и только там поднимается на крылья. Заприметившей ее взлет вороне гнезда там, где взлетела утка, не найти. Когда же человек случайно вспугивает наседку с гнезда, она лишена возможности принять какие-либо предосторожности. Кладка остается ничем не прикрытой, и ворона, а то и сорока, проверив место, откуда взлетела утка, легко находит и уничтожает кладку. Поэтому-то на городских водоемах лишь ничтожная доля загнездившихся крякв дает потомство.

Большая часть уток, сделав и потеряв и первую, и вторую кладку, так и не дают потомства.

Чем бы ни было обусловлено малое количество дичи или низкие темпы прироста ее численности, для охотничьего хозяйства они крайне нежелательны, так как ограничивают возможности для проведения охоты. Именно поэтому при ведении охотничьего хозяйства большое внимание уделяется устранению или смягчению воздействия тех факторов, которые явно ухудшают условия существования животных. Изучением таких возможностей занимается наука *биотехния*. Мероприятия, направленные на улучшение условий обитания дичи, называются биотехническими. Конечная цель их проведения — увеличение продуктивности охотничьих угодий за счет увеличения в них общего количества зверей и птиц или повышения темпов их воспроизводства. И то и другое определяет в итоге возможность проведения более интенсивной охоты. На протяжении последних десятилетий биотехнические мероприятия прочно вошли в практику спортивных охотничьих хозяйств. При этом наиболее положительный эффект они дают там, где их планирование увязано с конкретными условиями каждого отдельного хозяйства. Это понятно, так как в местах, богатых естественными кормами, проведение подкормки животных никаких успехов не сулит; там, где имеются хорошие условия для гнездования дичи, бесполезно устройство искусственных гнезд, и, наоборот, та же подкормка в условиях бескормицы или искусственные гнезда в угодьях с низкой гнездопригодностью будут очень полезны. Иными словами, биотехнические мероприятия целесообразны и дают положительные результаты только там, где они действительно восполняют имеющуюся недостаточность условий для обитания дичи. План этих мероприятий не может быть единым для всех охотничьих хозяйств. Он должен быть специфичен в каждом отдельном случае и составляется только после тщательного изучения условий обитания того или иного вида зверей и птиц и выявления причин малой численности или низких темпов воспроизводства последних. В биотехнии четко выделяются три направления, по которым осуществляется повышение продуктивности угодий:

а) улучшение условий обитания животных в природе;
б) регулирование качественного состава воспроизводственной части популяций дичи;
в) увеличение численности объектов охоты за счет завоза и выпуска ранее обитавших или совершенно новых видов животных, либо отловленных на воле, либо полученных при искусственном дичеразведении.

Как же и какими путями осуществляются эти мероприятия при ведении охотничьего хозяйства на водоплавающую дичь?

Улучшение условий обитания для водоплавающей дичи

Самым эффективным средством для увеличения численности водоплавающих является коренная реконструкция угодий, в ходе которой создаются водоемы там, где их раньше не было. Любой пруд, любое озеро, появившееся в результате устройства запруды на самых, казалось бы, ничтожных речках и ручьях, немедленно привлекает к себе представителей водоплавающей дичи. Будут ли утки на них гнездиться и постоянно держаться в течение теплого времени года или начнут посещать их только для дневного отдыха, жировки или в период пролета, будет целиком зависеть от характера водоема и условий, определяющих возможности спокойного пребывания на нем дичи. Но так или иначе, а заново созданные

водные угодья освоены утками будут. Чем большими окажутся количество и площади этих угодий, чем лучше будут их кормовые, защитные и гнездопригодные свойства, чем, наконец, рациональнее будет их охотхозяйственное освоение, тем больше гарантия интенсивного заселения их представителями водоплавающей дичи. При современном развитии техники создание таких прудов и озер не представляет сложности. Препятствия, как правило, возникают из-за того, что данные мероприятия зачастую вступают в противоречия с планами осушительной мелиорации или интересами основных землепользователей (колхозов, совхозов, лесхозов), возражающих против затопления того или иного болота, участка поймы и т.п. И тем не менее при желании и настойчивости найти места, пригодные для создания новых водоемов, и добиться разрешения на их устройство можно почти всегда и в любом хозяйстве. Там, где имеются обширные площади естественных водных угодий, ратовать за создание новых участков, конечно, нецелесообразно, но ведь немало имеется охотничьих хозяйств, где естественные водоемы практически отсутствуют. Именно в них претворение в жизнь рассматриваемой реконструкции угодий может дать весьма положительные результаты.

Следующей возможностью для улучшения условий обитания водоплавающей дичи является повышение кормности, защитности и гнездопригодности водных угодий. Введение в состав водной и прибрежной растительности растений, обеспечивающих уток и гусей пищей и создающих условия для укрытия птиц, проведение мероприятий по сохранению и улучшению мест для гнездований в той или иной мере возможны на любом водоеме и дают весьма ощутимый положительный результат. Перед затоплением какого-либо участка угодий необходимо сразу же принимать меры к быстрейшему появлению здесь водной растительности (тростника, камыша, рогоза, кубышки, кувшинки, рдестов и т.п.). Для этого следует хотя бы частично нарушить дерновый покров, вспахав болотным плугом, провести корчевку отдельных деревьев, пней, кустарников, так как именно в местах вспашки и корчевки наиболее быстро укореняется водная растительность. Резко увеличивают кормность и защитность водных угодий посевы водяного (канадского) риса. Этот однолетний злак в определенных условиях (постоянство водного режима, отсутствие волнобоя) хорошо растет на мелководьях, образуя заросли высотой до 2 м. Его семена, стебли, листья и корни охотно поедаются многими животными, в том числе и представителями водоплавающей дичи.

Специальными исследованиями было установлено, что большинство уток не только неохотно устраивают гнезда в сплошных зарослях (тростниково-рогозовые крепи, сплошная некось, кустарники), но и плохо осваивают те удобные для гнездования места, которые отделены от воды сплошной стеной высоких растений. Отдельные же кусты, куртины тростников или участки прошлогодней некошеной травы, как места для устройства гнезд, водоплавающих привлекают. С учетом этих требований можно во много раз повысить гнездопригодную емкость угодий, особенно там, где режим их хозяйственного освоения (рекреация, сенокошение, выпас скота) не ведут к гибели кладок. Расчистка прибрежных лугов от кустарников и тростников, устройство в прибрежных зарослях прокосов от чистой воды к берегу, сохранение отдельных участков некошеной травы, вырубка крупных деревьев (на которых так любят сидеть, высматривая добычу, пернатые хищники) могут в десятки раз увеличить в угодьях количество гнездящихся уток, но, конечно, лишь там, где насиживающих птиц не тревожат.

Там же, где угодья интенсивно осваиваются отдыхающими, используются под выпас скота или сплошь выкашиваются, рассчитывать на положительный эффект вышеописанных мероприятий не приходится. Здесь единственным путем является устройство искусственных гнезд, широко практикуемое во многих охотничьих хозяйствах.

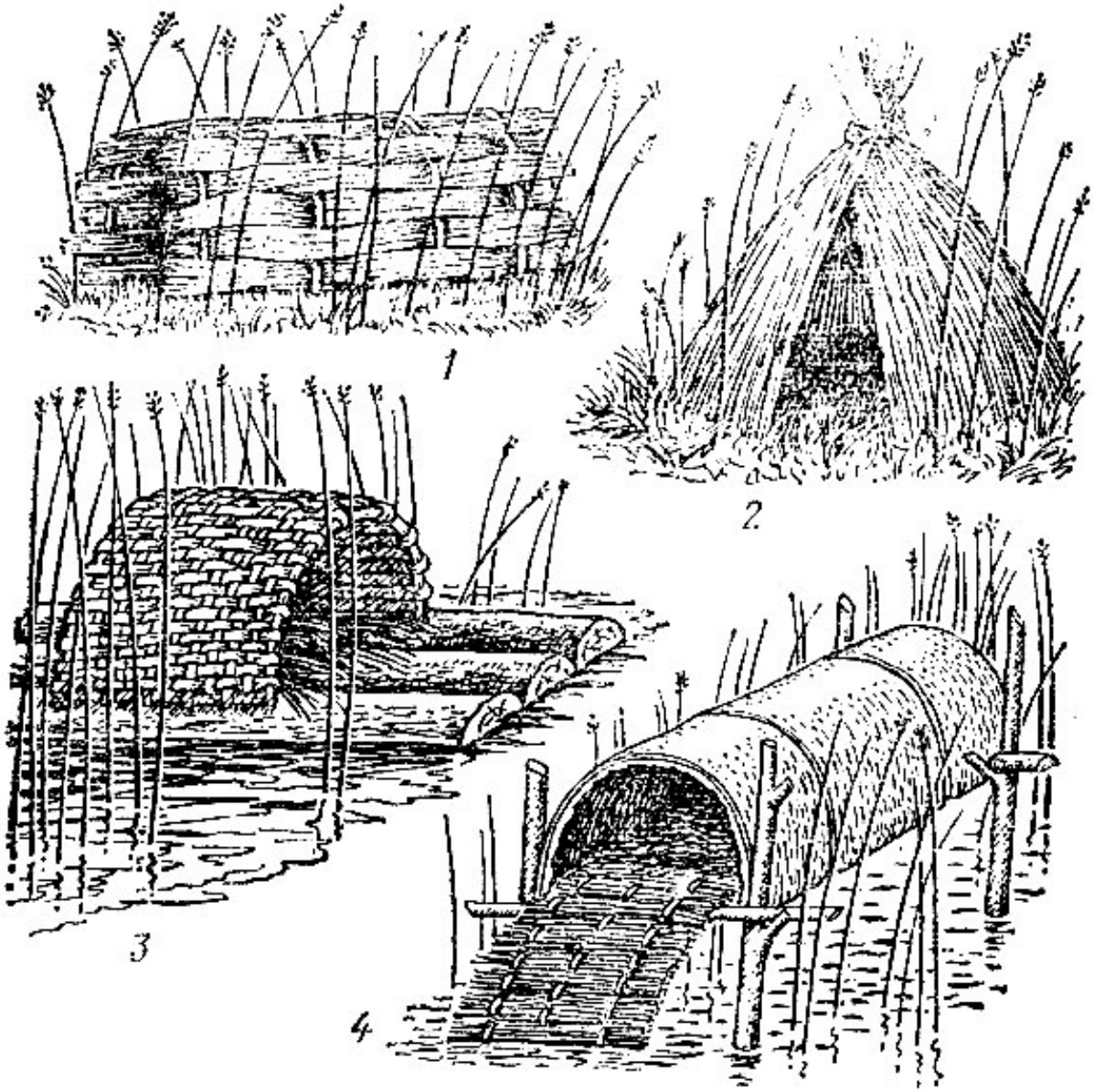

Рис. 12. *Типы искусственных гнездовий для уток:*
1 *— тоннель,* ***2*** *— шалашик,* ***3*** *— корзина на плотике,* ***4*** *— тоннель, крытый материей и установленный над водой*

Типов искусственных гнездовий имеется очень много — от примитивного шалашика из тростника до плетеных корзин, деревянных ящиков и дуплянок. Устанавливаются они и на земле, и над ней, в ветках деревьев и кустарников, и прямо над водой, на специально вбитых в дно кольях (**рис. 12** и **13**). На многих созданных в настоящее время водоемах уровень воды крайне непостоянен. Воду то поднимают, то сбрасывают и поднимают вновь, в результате чего прибрежная и иногда очень широкая полоса то затопляется, то обсыхает. Эти перепады уровня воды, затопляющие уже устроенные гнезда уток или делающие их, наоборот, доступными любому хищнику или непреднамеренному разорителю (пасущимся коровам), во многих хозяйствах являются сейчас основным фактором, снижающим прирост численности популяций водоплавающих. Единственное, что может тут помочь — это либо устройство искусственных гнезд, поднятых выше уровня возможного подтопления, или установка их на плавающих на воде плотиках из вязанок тростника, бревнышек и других плавучих материалов. Такие плотики закрепляются на месте с помощью веревки, привязанной к вбитому в дно колу, либо грузу и уже на них устраивается гнездовье.

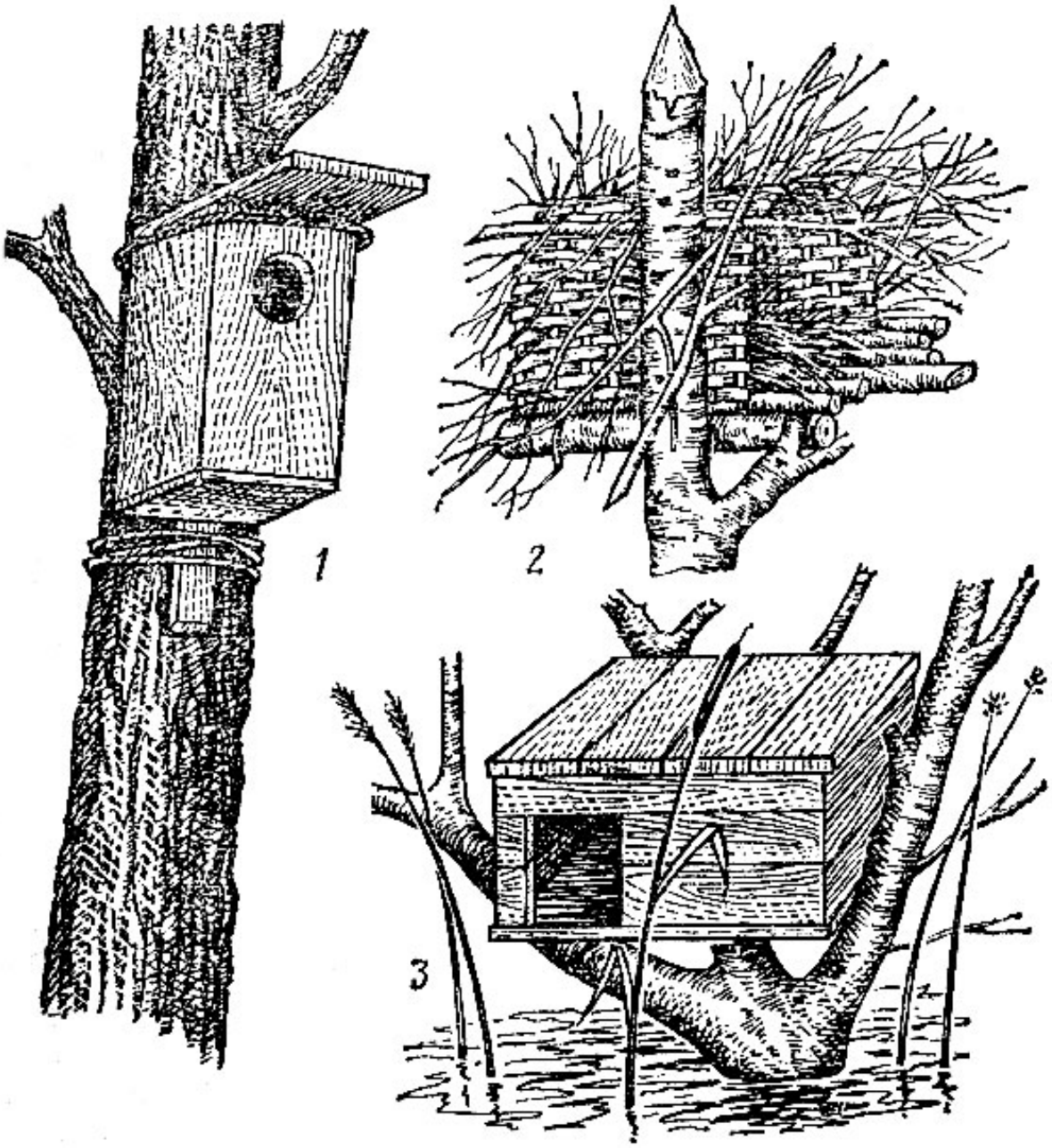

Рис. 13. *Типы искусственных гнездовий для уток:*
1 *— дуплянка,* ***2*** *— «сорочье гнездо»,* ***3*** *— ящик*

Любое искусственное гнездовье должно быть не только привлекательным для утки, но и надежно охранять кладку от посягательств хищников, главным образом от серых ворон, которые всегда зорко высматривают места утиных гнезд и, обнаружив их, пользуются случаем полакомиться яйцами. Поэтому всемерное сокращение в угодьях численности серых ворон является также одним из важных биотехнических мероприятий, направленных на сохранение запасов водоплавающей дичи. Наряду с воронами уткам и гусям, особенно в гнездовой и выводковый период, могут наносить заметный ущерб такие хищники, как лисица, енотовидная собака, ястреб-тетеревятник и болотный лунь. Если не истребление, то весьма строгое регулирование их численности совершенно необходимо и особенно там, где на водоемы выпускают искусственно выведенных утят. Лишенные присмотра старки, прожившие первые недели в вольерах, гораздо доступнее для хищников, чем их вольные собратья.

Там, где на не замерзающих зимой участках водохранилищ остаются группы зазимовавших уток, совершенно необходимым биотехническим мероприятием является организация подкормки птиц. Необходимость этого объясняется тем, что свободными от льда оказываются обычно глубоководные малокормные участки водоемов, где самостоятельно птицы чаще всего прокормиться не могут. Чтобы обеспечить их благополучную зимовку, прямо на льду в непосредственной близости от воды следует устанавливать снопики зерновых культур либо рассыпать различные зерноотходы, пополняя запасы корма по мере их поедания.

Регулирование качественного состава популяций водоплавающей дичи

Любые изменения в возрастном и половом составе популяций дичи неизбежно отражаются на темпах воспроизводства этих популяций. Возрастной и половой состав дичи — важнейшие элементы их экологической структуры и наряду с сочетанием животных разных сезонных генераций и животных, находящихся в разных стадиях генеративного цикла; характером распределения их по территории; характером внутри- и межпопуляционных контактов; стадно-семейной организацией и системой господства-подчинения — определяют продуктивность любой популяции. Элиминация в процессе охоты большого количества старых животных может оказаться вредной вследствие нарушения потока информации, передаваемого от одного поколения животных к другому.

Регулирование качественного состава популяций водоплавающей дичи должно быть направлено, во-первых, на поддержание в популяциях хотя бы равной доли самцов и самок (что может быть достигнуто за счет сочетания и разумного нормирования добычи водоплавающих весной и осенью) и, во-вторых, на оздоровление популяций путем изъятия из них биологически неполноценных особей. Поскольку первый из этих аспектов проблемы был рассмотрен в главе, посвященной регулированию охоты, остановимся подробно лишь на оздоровлении популяций.

В составе популяций всегда имеется какое-то количество престарелых, а значит, и малопродуктивных особей, ослабленных птиц из поздних выводков, больных или травмированных. Большинство из них так или иначе обречено на быструю гибель (погибают при малейшем ухудшении условий обитания, при перелетах, становятся жертвами хищников), многие могут, помимо этого, стать источниками распространения болезней. Поэтому изъятие из популяции этих биологически неполноценных экземпляров — мероприятие весьма полезное. При ведении охотничьего хозяйства на крупных животных оно легко осуществляется путем проведения так называемого селекционного отстрела. Имея дело с крупным зверем, мы без труда, визуально, можем определить степень его биологической полноценности, отличить старое, больное или раненое животное от его здоровых собратьев и отстрелять его.

С мелкими представителями охотничьей фауны, в том числе и с водоплавающими, осуществление селекционной добычи такого типа невозможно. Нам редко удается наблюдать животных на близком расстоянии, и мы обычно не можем подметить какие-либо особенности, характеризующие биологическую неполноценность отдельной особи. Поэтому единственный путь селекции — это использование способов охоты, обеспечивающих преимущественную добычу птиц, страдающих теми или иными недостатками.

Анализ физического состояния значительного количества уток, добытых при разных способах охоты, совершенно ясно показывает, что этот путь достаточно реален (**табл. 11**).

Таблица 11.

Доля дефектных уток в добыче при разных способах охоты

Способ охоты	Вид добытой утки	Всего добыто (голов)	Из них дефектных	
			голов	%
Охота с подхода	Кряква	655	65	10
	Чирок-свистунок	453	57	13
	Остальные виды уток	139	35	19
Охота на перелётах	Кряква	781	4	0,5
	Чирок-свистунок	655	3	0,5
	Шилохвость	190	5	2,6
Охота с чучелами	Все виды уток	386	4	1
Весенняя охота с подсадной и манком	Все виды уток	236	—	—

Высокий процент биологически неполноценных экземпляров имеется только среди уток, взятых при ходовой охоте. Это понятно, так как слабые и больные птицы особенно охотно таятся, подпускают охотника близко и попадают под выстрел. Они малоактивны, в перелетах с места на место участия, как правило, не принимают и, следовательно, при способах охоты, рассчитанных на активное поведение дичи, почти не добываются. Весенний отстрел селезней селекционного эффекта также не дает. Интересно, что чем ближе к концу летне-осеннего сезона производятся ходовые охоты, тем выше в добыче удельный вес всевозможных уток-инвалидов. Для кряквы, например, это увеличение идет следующими темпами: в августе среди птиц, убитых с подхода, дефектные особи составляли 5%, в сентябре — уже 11 и в октябре — 16%. По чирку-свистунку аналогичные показатели соответственно составляли: 4, 13 и 48%. По остальным видам уток — 6, 30 и 38%.

Данная закономерность также легко объяснима. Во-первых, в ходе сезона в угодьях накапливаются птицы раненые, но не взятые охотниками, следовательно, дефектных птиц с каждым днем становится все больше. Во-вторых, в ходе времени из угодий, являющихся местами проведения ходовой охоты (всевозможные прибрежные заросли), все большее количество биологически полноценных птиц перебирается на открытые плесы, больные или слабые особи на это не решаются, остаются в местах летнего обитания и попадают под выстрелы. Вышеприведенные материалы совершенно ясно говорят о том, что, желая оздоровить популяции водоплавающих (изъять из них как можно большее количество биологически неполноценных особей), охотники должны всемерно пропагандировать охоту на уток с подхода. К сожалению, в практике ведения спортивных охотничьих хозяйств нередко можно увидеть прямо противоположную картину. Стараясь создать для дичи режим покоя и тревожить птиц как можно меньше, многие охотничьи хозяйства ходовую охоту на уток вообще запрещают, разрешая только кратковременную стрельбу на утренних и вечерних перелетах. Руководители этих хозяйств совершенно забывают, что режим покоя должен обеспечиваться путем разумного территориального регламентирования ходовой охоты (в каждый отдельный день она может разрешаться лишь на части пригодных для нее угодий), а не запрещения этого традиционного, интересного и, как мы теперь видим, нужного способа добычи уток. Они не осознают, что, разрешая только охоту на перелетах, они тем самым осуществляют антиселекционное воздействие на популяции дичи, изымая из них самых активных, здоровых и ценных в биологическом отношении птиц. Тут, как и в случаях с ограничениями весенней охоты, мы сталкиваемся с примером того, как при недостатке знаний, желая принести пользу, мы приносим вред.

Итак, регулирование качественного состава популяций водоплавающей дичи должно осуществляться за счет сочетания весенней добычи селезней с проведением летне-осенних охот и интенсификации проведения охот с подхода.

Искусственное увеличение численности дичи

В отдельных районах нашей страны в результате интенсификации хозяйственной деятельности условия для обитания многих представителей охотничьей фауны катастрофически ухудшились. Надежд на сохранение в них достаточно многочисленных для возможности проведения охоты популяций некоторых видов дичи, видимо, нет. Тем самым создается ситуация, определяющая не только целесообразность, но и необходимость искусственного разведения указанных видов с выпуском выращенных на фермах животных в угодья перед началом охоты. Однако в этой необходимости имеются определенные моменты, заслуживающие оговорок.

Прежде всего следует знать, что многие представители охотничьей фауны могут существовать в условиях высокого антропогенного пресса. Лоси, кабаны, зайцы-беляки и другие виды не только легко мирятся с интенсивным хозяйственным освоением угодий, но и извлекают из него немалую пользу, используя как кормовые стации лесные вырубки, участки лесных культур и сельскохозяйственные угодья. Следовательно, говорить о необходимости их искусственного разведения нет ни малейших оснований.

Во-вторых, искусственное дичеразведение ни в коей мере нельзя рассматривать как средство избавиться от необходимости вести работы по сохранению и улучшению условий обитания вольных, аборигенных популяций охотничьих зверей и птиц. Опасность же такая имеется, так как построить ферму, обзавестись воспроизводственным поголовьем животных, которых мы хотим разводить, обеспечить искусственное выращивание и выпуск «под ружье» их потомства, гораздо легче (хотя и несоизмеримо дороже), чем организовать охрану и разумную эксплуатацию природных запасов дичи, обеспечивающие их сохранение и высокие темпы воспроизводства. Кроме того, в первом случае ощутимые результаты могут быть получены уже на 2—3-й год после начала работ, во втором — эффекта приходится ждать сравнительно долго. О том, что на искусственное дичеразведение сейчас обращается самое пристальное и возможно чрезмерное внимание, свидетельствует хотя бы объем затраченных на него средств. В десятой пятилетке на него было израсходовано 8% всех сумм, выделенных на биотехнию, охрану и учет численности охотничьих животных. Это очень много, если учесть, что проведение подкормки животных, борьба с хищниками, улучшение экологической ценности угодий, охрана и учеты численности нужны повсюду, а искусственное разведение дичи — далеко не везде. К представителям водоплавающих все вышеизложенное имеет самое непосредственное отношение.

Здесь наиболее популярным объектом дичеразведения является кряква, и это понятно, так как в распоряжении охотничьего хозяйства уже давно имелось и имеется сейчас значительное поголовье одомашненных птиц этого вида, а именно подсадных уток. Их разведением, выпуском отдельных самок в угодья с тем, чтобы они дали дикое потомство, начали заниматься давно. В последние десятилетия разработаны и освоены методы искусственного разведения крякв за счет инкубации яиц, брудерного выращивания утят и последующего выпуска их на водоемы. Эти работы приобрели сейчас очень широкий размах. В 1983 г. в нашей стране в угодья было выпущено 150 тыс. крякв. В дальнейшем

планируется значительное увеличение этого количества. Можно считать, что технология искусственного разведения данного вида и методы обогащения им угодий освоены охотничьим хозяйством. Речь идет теперь лишь о том, чтобы с помощью определенных способов воспитания привить птицам особенности поведения и осторожность, характерную для их диких собратьев. Это необходимо, так как вряд ли какому-либо уважающему себя охотнику доставит удовольствие выстрел по полуручной крякухе, чуть ли не подплывающей к человеку в надежде получить от него корм. Тому, как инкубировать яйца подсадных уток, содержать и кормить полученных утят, выпускать их в угодья и прививать им необходимую на воле осторожность, посвящено много специальных работ, и мы останавливаться на этих вопросах не будем.

Заканчивая настоящую главу, коснемся лишь общей целесообразности искусственного разведения аборигенных видов водоплавающих. Прежде всего насколько вообще необходим этот метод и является ли он единственной возможностью для восстановления численности уток в бедных ими угодьях? Думается, что и эта необходимость, и эта незаменимость сомнительны. Дело в том, что малая численность или даже полное отсутствие в каких-либо водных угодьях представителей водоплавающей дичи всегда является следствием чрезмерного или нерационально организованного использования. Стоит устранить воздействие этого фактора, т.е. запретить охоту и принять меры к действенному прекращению браконьерства, как представители утиного племени в очень короткие сроки возвращаются на охраняемые водоемы и заселяют их с очень высокой плотностью. Неуклонный рост численности уток (пока главным образом именно крякв) на водоемах городов, парков и зеленых зон за последние десятилетия отмечается почти повсеместно. В Подмосковье начиная с 1970 и по 1983 г. количество крякв возросло примерно в 4—5 раз, а на отдельных участках водно-болотных угодий (поймы рек Яузы, Учи и Клязьмы в пределах зеленой зоны) и еще больше. Уже не только кряквы, но чирки, хохлатые чернети, красноголовые нырки и шилохвости постепенно привыкают к постоянному многолюдью. Охотничьих хозяйств, где плотность населения кряквы могла бы сравниться с такой же на рассматриваемых нами водоемах, если и найдется, то немного. Для создания обилия дичи в таких охотничьих хозяйствах не строили специальных ферм, оснащенных инкубаторами, брудерами и прочими атрибутами современного зоотехнического оборудования, не содержали в течение всего года маточное поголовье уток, не тратили специально изготовленных гранулированных кормов для уток и весьма значительных средств на содержание персонала. Уток просто перестали преследовать, и они появились здесь сами, покинув угодья, где из-за нарушения основных принципов регулирования охоты (главным образом завышения норм территориального освоения) каждый плес грозил им выстрелами укрывшихся вокруг охотников. В главе, посвященной регулированию охоты на водоплавающую дичь, подчеркивалось, что сохранение ее запасов возможно только при соблюдении определенных норм пользования угодьями, так как чрезмерная концентрация охотников (вне зависимости от количества добываемых ими птиц) обязательно ведет к откочевке уток из угодий, где их постоянно тревожат. И именно этим объясняется оскудение запасов водоплавающих в большинстве наших охотничьих хозяйств. Не вызывает ни малейшего сомнения, что в деле сохранения на конкретных водоемах возможности охоты, разумное регулирование ее (и не столько по нормам добычи, сколько по количеству охотников, выходящих в угодья) гораздо более перспективно, чем создание на этих водоемах ферм по разведению подсадных уток. Нам могут возразить, что само увеличение численности кряквы на городских и пригородных водоемах в какой-то мере является следствием интенсивных работ по искусственному ее разведению. Но ведь процесс урбанизации типичен не только для кряквы. Она только первая из водоплавающих постигла неопасность и даже полезность человека в местах, закрытых для охоты. Сейчас ее примеру начинают следовать чирки, шилохвости, хохлатая чернеть и красноголовые нырки, которых никто на фермах не разводил и в угодья не

выпускал. Правда, в течение последнего двадцатилетия Московский зоопарк проводил работы по созданию свободно перемещающихся групп некоторых из этих видов, но объем таких экспериментов был настолько невелик, что объяснить этим сложившуюся сейчас картину вряд ли возможно.

Другое возражение, которое можно предвидеть, сводится к тому, что выпусками на водоемы выращенных уток удается якобы повысить количество охотников, которому будут предоставлены на этих водоемах возможности охоты. Данная точка зрения является плодом глубочайшего заблуждения. Как бы много на каком-либо озере или системе озер, рек и ручьев не имелось диких или полученных в результате дичеразведения уток, а увеличить пропускную способность этих угодий, т.е. количество охотников, которым предоставляется здесь право проведения охоты, нельзя. Если только на 1000 га будет сконцентрировано более 15—20 стрелков и охота с такой нагрузкой будет проводиться на всей площади угодий, то в очень короткое время вся дичь (и вольная, и искусственно выращенная) будет из этих угодий изгнана, о чем уже упоминалось в разделе, посвященном регулированию охоты. Так что выпуски искусственно выращенных крякв позволят только увеличить норму добычи птиц на одного охотника, но не пропускную способность хозяйств.

Итак, средства, расходуемые сейчас на разведение кряквы, значительно более целесообразно было бы направить на работу с другими объектами дичеразведения, а численность кряквы в природе поддерживать разумным регулированием охотпользования.

Определение эффективности биотехнических мероприятий

Для охотничьего хозяйства критерием эффективности биотехнических мероприятий является повышение продуктивности охотничьих угодий. Если проведение того или иного биотехнического действия способствует увеличению общей численности дичи, росту темпов ее воспроизводства, появлению в составе охотничьей фауны нового объекта охоты, охотхозяйственный эффект безусловен. Если же всего этого нет, если численность животных продолжает оставаться на низком уровне, темпы воспроизводства популяций дичи не возрастают и на нее нельзя охотиться, так как количество появляющегося молодняка едва-едва восполняет естественную смертность, — осуществленное биотехническое действие следует считать совершенно бесполезным.

Эффективность большинства биотехнических мероприятий проявляется далеко не сразу. На это требуется порой немалое время, в течение которого вопрос о том, целесообразны ли наши усилия, можно ли от них ждать реальной пользы, остается открытым. Исключения из этого правила сравнительно редки и относятся главным образом к биотехнии, связанной с коренной реконструкцией угодий. Действительно, когда на вновь созданном водоеме начинают сразу же сперва просто появляться, а потом гнездиться, выводить потомство и постоянно держаться утки, никаких сомнений в полезности трудов не возникает. Когда на бедное водоплавающей дичью озеро после посевов на нем водяного риса начинают слетаться на жировку десятки, а то и сотни крякв, нам остается только поздравить себя с успехом. Когда в результате работ по улучшению гнездо пригодных свойств угодий плотность утиных гнезд в них многократно возрастает, мы тоже можем быть уверены, что работали не даром.

Однако бывают ситуации значительно более сложные. Например, хозяйство каждую весну занимается устройством искусственных гнездовий, и утки их охотно заселяют. Можно ли считать, что сам этот факт уже гарантирует увеличение численности водоплавающей дичи, а следовательно, и возможностей охоты? Такой уверенности нет, так как, во-первых, неизвестно, увеличивает ли расстановка искусственных гнезд число загнездившихся в угодьях птиц (возможно, что то же их количество успешно устроило бы гнезда в естественных укрытиях), а, во-вторых, от кладки до вывода утят и до начала охоты может произойти многое. Высокий процент гибели кладок, повышенная смертность молодняка в первые недели его жизни вполне могут свести на нет обнадеживающий на первый взгляд результат интенсивного использования устроенных гнездовий.

Оптимизация качественного состава популяций водоплавающей дичи за счет поддержания в них необходимого для нормального воспроизводства соотношения самцов и самок или изъятия из них биологически неполноценных особей — дело очень перспективное. Но при работе с большинством представителей охотфауны положительные его последствия могут быть получены только при проведении этих мероприятий в широком региональном плане и проявятся эти положительные последствия лишь по прошествии определенного отрезка времени. Это понятно, так как для того, чтобы изменить, например, существующее сейчас в популяциях кряквы соотношение полов с 1,5:1 до необходимого 1:1, потребуется не один год. Необходимо такое регламентирование способов охоты, которое обеспечило бы повсеместную (в пределах какой-то географической популяции) равномерную добычу самцов и самок. Кроме того, необходимо время, чтобы реально, через возросшие темпы воспроизводства вида уловить эффект проведенной селекции. Все это будет осложняться тем, что общая численность, плотность населения уток и размеры прироста численности их популяций в сильнейшей степени могут изменяться вне зависимости от наших биотехнических начинаний. Под воздействием факторов климатического плана, особенностей антропогенного освоения угодий и режима охоты они могут то возрастать, то снижаться. Указанные подъемы и спады могут наблюдаться не только в границах отдельных хозяйств, но и всей страны.

Никакими биотехническими воздействиями в охотничьих хозяйствах центральных областей мы не можем предотвратить гибель птиц в годы тяжелых зимовок или их хищническую добычу вне наших территорий. Именно поэтому увеличение численности и плотности населения дичи в отдельном году не может служить надежным критерием эффективности биотехнических мероприятий. Еще менее перспективны в указанном плане эмпирические показатели продуктивности охоты. Они определяются десятками причин, с последствиями биотехнии не имеющих ничего общего. Так, результативность охоты возрастает, когда дичь придерживается удобных для освоения типов угодий и, наоборот, снижается при мешающих последней условиях погоды и т.д.

Поскольку, как указывалось выше, нормирование охоты на уток, гусей и казарок должно осуществляться в соответствии с размерами индекса прироста их численности в каждом отдельном году, именно этот индекс прироста и может, по-видимому, служить наиболее явным признаком эффективности тех или иных биотехнических воздействий. Действительно, если там, где осуществляются биотехнические мероприятия, количество молодых птиц, приходящееся в среднем на одну взрослую особь, из года в год больше, чем там, где данное мероприятие не проводится — целесообразность осуществления биотехнии можно считать доказанной. Чем выше прирост численности птиц, тем богаче возможности для охоты, тем большее число охотников может на них охотиться.

В настоящее время вопросам целесообразности и эффективности биотехнических мероприятий уделяется явно недостаточное внимание. Если проанализировать результаты

биотехнии в разных регионах и охотничьих хозяйствах, то результаты получатся весьма противоречивыми. Подкормку животные то полностью поедают, то совершенно не используют. Искусственные гнезда утки то интенсивно заселяют, то оставляют в полном пренебрежении. В одних районах расселение ранее обитавших здесь, но исчезнувших видов животных, ведет к восстановлению их поголовья, в других — заканчивается полной неудачей. Многих руководителей охотничьего хозяйства все это не очень тревожит. Сам факт заготовки кормов, устройства гнезд, солонцов или кормушек, выпуска в угодья завезенных откуда-либо зверей или птиц, рассматривается ими как достижение, как свидетельство биотехнической активности и даже высокого уровня ведения охотничьего хозяйства. Фактически же, растрачивая значительные средства на претворение в жизнь совершенно бесперспективных начинаний, они тем самым расписываются в своей охотоведческой некомпетентности. Стоило бы указанные средства и усилия направить на решение действительно нужных задач, и эффективность биотехнии возросла бы многократно.

И, наконец, последнее — даже там, где попытки увеличения количества охотничьих животных и темпов воспроизводства их поголовья себя оправдали и завершились успехом, мы далеко не всегда пользуемся плодами своих трудов. Численность дичи растет, а нормы ее добычи или остаются на прежнем уровне, или даже снижаются. Охоту можно было бы интенсифицировать, но в угоду общим природоохранительным тенденциям ее всячески ограничивают, вводя неохотничьи дни (или часы), запрещая отдельные ее способы и постоянно расширяя сеть заказников и воспроизводственных участков. Отдельные охотничьи хозяйства, добившиеся путем проведения научно обоснованных биотехнических мероприятий заметных успехов в деле повышения потенциальной продуктивности своих угодий, не получают преимуществ перед хозяйствами, ничего не делавшими. Регламентирование охоты (ее норм, сроков и способов) устанавливается для областей в целом, что уравнивает и рачительных хозяев охотничьих угодий и нерадивых потребителей. Эта порочная система, конечно, расхолаживает охотничьи коллективы, вкладывающие свой труд в дело улучшения условий обитания дичи, и прямо противоречит нашему основополагающему принципу: каждому — по труду.

Итак, научная обоснованность целесообразности биотехнических воздействий, неустанный контроль за степенью их эффективности и разумное использование тех избытков дичи, которые в результате их проведения будут получены, таковы три основных условия для того, чтобы биотехния давала все, что она может дать.

Глава VI.
Снаряжение охотника

О некоторых деталях снаряжения (предметы, необходимые для охоты с подсадной уткой, утиные чучела) уже упоминалось в разделах, посвященных различным способам охоты.

Однако ими не ограничивается все то, что бывает нужно охотнику при стрельбе водоплавающей дичи.

Охотничья лодка

При проведении учетов численности водоплавающей дичи, работ биотехнического плана и преобладающего большинства способов охоты зачастую приходится пользоваться лодкой. Речь идет не о всевозможных катерах и моторках, которые очень удобны для преодоления значительных расстояний преимущественно чистой воды, но малопригодны на мелководьях, среди зарослей и там, где продвижение по угодьям должно быть по возможности малозаметным. Это прежде всего лодки, позволяющие охотнику пробираться по узким и извилистым протокам, проталкиваться сквозь чащи тростников и рогозов, проникать на самые потаенные плесы и туда, где глубина воды не превышает 15—20 см. Только с них, осторожно проплывая вдоль кромки прибрежной растительности, можно подсчитать отдыхающих или жирующих на воде уток. Только на них удается пробраться туда, где предстоит соорудить искусственное гнездовье или высадить семена либо корневища кормовых растений. Только они по-настоящему пригодны для охоты. К охотничьей лодке предъявляются совершенно определенные требования. Она должна быть легкой, устойчивой и прогонистой (т.е. хорошо проходящей через заросли), должна иметь небольшую осадку и невысокие борта. Все эти свойства на охоте очень важны. Трудно даже описать, как утомительна езда на тяжелой, неповоротливой посудине, теряющей ход в любом скоплении водорослей, плавающих на воде листьев или других наносов, намертво застревающей среди самых реденьких камышей или там, где ее днище хоть чуть-чуть задевает дно водоема. Что касается лодки малоустойчивой, или, как говорят, валкой, то на охоте она может быть попросту опасной. Любое резкое движение, быстрый поворот, попытка встать ведут к нарушению равновесия, неожиданному крену, и охотник, его ружье и патроны легко могут оказаться за бортом. В августе или сентябре и там, где не очень глубоко или недалек берег, это, конечно, неприятно, но не так уж страшно. А вот вывалиться из лодки ранней весной или поздней осенью, да еще на глубоководье — дело нешуточное и грозит серьезными последствиями. Глубоко сидящие в воде и высокобортные лодки крайне неудобны тем, что на них невозможно охотиться на мелководьях, их трудно маскировать при устройстве лодочного шалаша, а в сильный ветер они очень парусят, и управлять ими трудно.

Из всего многообразия лодок, созданного рыбаками и охотниками различных регионов нашей страны, для охоты, несомненно, наиболее удобны 4 типа, а именно: долбленые осиновые или тополевые ботники (только при условии, что они хорошо разведены, т.е. по форме дна приближаются к плоскодонке); охотничьи подъездные челны, широко использующиеся охотниками Ленинградской, Вологодской и ряда других областей; легкие плоскодонные дощанники и астраханские куласы (**рис. 14**).

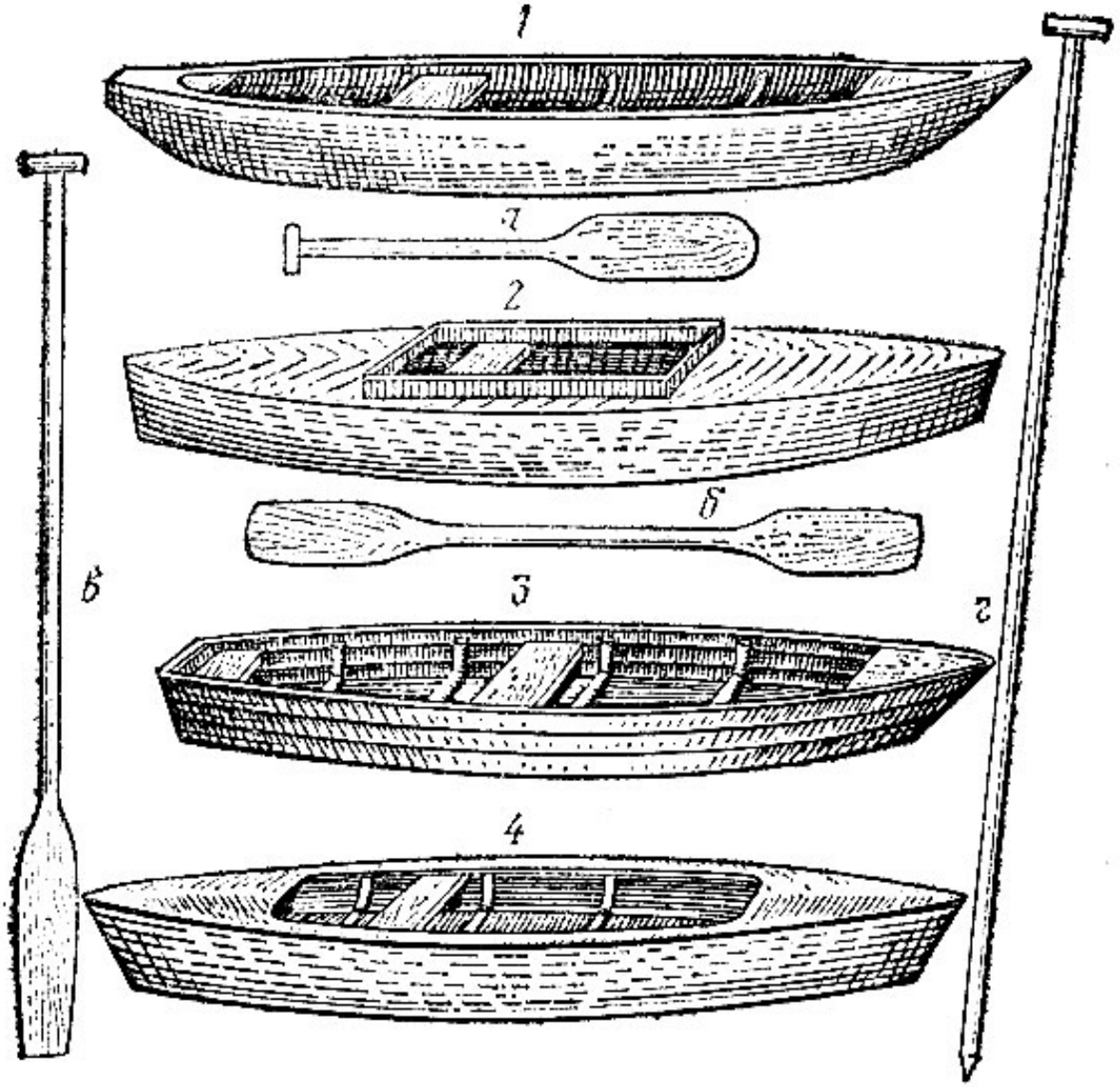

Рис. 14. *Типы охотничьих лодок:*
1 *— ботник,* ***2*** *— подъездной челн,* ***3*** *— дощаник,* ***4*** *— кулас;* ***а*** *— кормовое весло,* ***б*** *— байдарочное весло,* ***в*** *— длинное весло,* ***г*** *— шест*

Все эти лодки имеют ряд общих особенностей — они относительно легки, низкобортны и либо вообще плоскодонны, либо днище их имеет лишь незначительный выгиб от носа к корме и от борта к борту. У подъездного челна верх опалублен, кроме кокпита (места для человека и багажа). Куласы, изготовленные из стекловолокна, опалублены примерно так же. У деревянных куласов, большинство дощанников и ботников в носу и корме обычно имеются лишь скамейки.

На лодках указанных типов сравнительно редко ставят уключины для гребли распашными веслами. Они малоудойны на мелководьях, где сплошные водоросли и стебли надводных растений непрерывно цепляются за лопасти весел. Гнать лодку в зависимости от глубины воды лучше всего с помощью короткого кормового, байдарочного либо длинного весла. Длинное весло или просто шест нужны для езды в упор и гребком. Но, чтобы успешно пользоваться всеми этими приспособлениями, нужны определенные сноровка и умение. Многие охотники, год за годом охотясь на водоплавающих, так и не удосуживаются освоить данное искусство и много из-за этого теряют. Им оказываются недоступны более или менее отдаленные участки угодий (если егерь не подбросит их туда на моторке). При охоте переезд с места на место, высадка и

съемка чучел, особенно там, где есть течение или в дни с сильным ветром, превращаются для них в мучительную процедуру. Они тратят массу усилий, чтобы загнать лодку в выбранное укрытие или выехать из него, им, конечно, не под силу догнать уплывающего подранка

В то же время они легко могли бы избежать всех этих неприятностей, поскольку научиться грести одним веслом и гнать лодку с помощью шеста вовсе не сложно. Техника гребли байдарочным веслом вообще никакого особого искусства не требует. Гребок справа, гребок слева и лодка, слегка виляя из стороны в сторону, пойдет по заданному направлению. Однако двухлопастное весло не везде и не всегда удобно. Грести им можно только сидя, толкаться, упираясь им в дно, нельзя (этому мешают наличие второй лопасти и недостаточная прочность весла), а при проезде среди камышей или тростников стебли последних очень мешают гребле. Поэтому однолопастные весла (короткое для езды сидя, длинное — стоя) на охоте много предпочтительнее. При пользовании ими у начинающего охотника всегда возникает одна сложность. Дело в том, что при проведении гребка с правого борта лодка обязательно начинает уходить влево, и наоборот. Если не предпринять каких-либо мер при гребле с одного борта, лодка будет ходить по кругу. Чтобы избежать этого, обучающиеся чаще всего прибегают к одному и тому же приему, а именно попеременно переносят весло с одного борта на другой. Схематично это выглядит так: гребок справа — лодка продвинулась вперед, но и уклонилась влево, гребок слева — лодка опять двинулась вперед, но и вильнула вправо. Поскольку для переноса весла с борта на борт требуется какое-то время — выписываемые лодкой зигзаги весьма заметны, они задерживают продвижение вперед и мешают управлять лодкой. На узких извилистых руслах протоков или на проходах в тростниковых крепях лодка то и дело будет утыкаться носом в берега или стенки растительности. Кроме того, с перекидываемого над лодкой весла, на ружье и вещи охотника обязательно стекает вода, которой за 2—3 часа такой гребли набирается достаточно много.

Таким образом, рассматриваемую технику пользования однолопастным веслом никак нельзя назвать прогрессивной. Нужно научиться грести с одного борта (с правого или с левого, кому как удобнее), а чтобы лодка не крутилась на месте, следует освоить лишь один прием. Заключается он в том, что каждый гребок должен завершаться подправкой, удерживающей лодку на заданном курсе. Для этого в конце каждого гребка весло слегка поворачивается так, чтобы плоскость его лопасти была уже не перпендикулярна, а параллельна борту лодки и затем отводится в сторону, противоположную борту (**рис. 15**). В результате корма лодки (при гребле с правого борта) уходит влево, а нос — вправо, возвращаясь на первоначальный курс. Поворот влево осуществляется гребком справа, причем он будет тем круче, чем дальше при гребке весло было отведено от борта лодки. Поворот вправо — более сильной подправкой. Все эти приемы за несколько часов гребли можно освоить, и в дальнейшем они становятся настолько привычными, что выполняются автоматически.

При езде упором (т.е. когда лодку гонят, упираясь в дно шестом или длинным веслом) большинство начинающих совершают ту же ошибку. Стараясь удержать лодку на выбранном курсе, они то и дело переносят шест с одного борта на другой, толкаясь то справа, то слева. Кроме того, они находятся во власти ложного убеждения, что в этом деле требуется применение значительных физических усилий. Повернувшись лицом в сторону кормы, они что есть силы упираются шестом в дно, совершают толчок и в большинстве случаев обнаруживают, что лодка пошла совсем не туда, куда им хотелось. На самом деле, езда упором требует не столько силы, сколько умения, и напрягаться при ней приходится, только преодолевая сильное течение, ветер, мелководья или заросли водных растений. Вне этих помех можно гнать лодку с минимальными физическими усилиями. Упертый в

дно шест практически позволяет повернуть лодку куда угодно. Притягивая к нему корму, вы поворачиваете влево, отводя корму от него — вправо (или, если толкаетесь с левого борта, наоборот (см. **рис. 15**). Искусство заключается в том, чтобы одновременно, толкая лодку, сообщать ей и поступательное движение и, регулируя положение кормы, удерживать ее на курсе. Нужно только всегда стоять лицом к носу лодки и неустанно контролировать и подправлять направление ее движения. Дается это не сразу, но после нескольких дней тренировки дело идет на лад. Тем же, кто стремится не столько освоить технику езды, сколько любыми средствами добраться до места охоты, искусством езды упором не овладеть. Высшим классом владения шестом или длинным веслом является уменье управляться с ними одной рукой. Возможно это, конечно, лишь после длительной практики и там, где ни течение, ни ветер не сбивают лодку с избранного направления. Освоив это искусство, можно охотиться в одиночку с подъезда — одной рукой гнать лодку, а другой — держать готовое к выстрелу ружье.

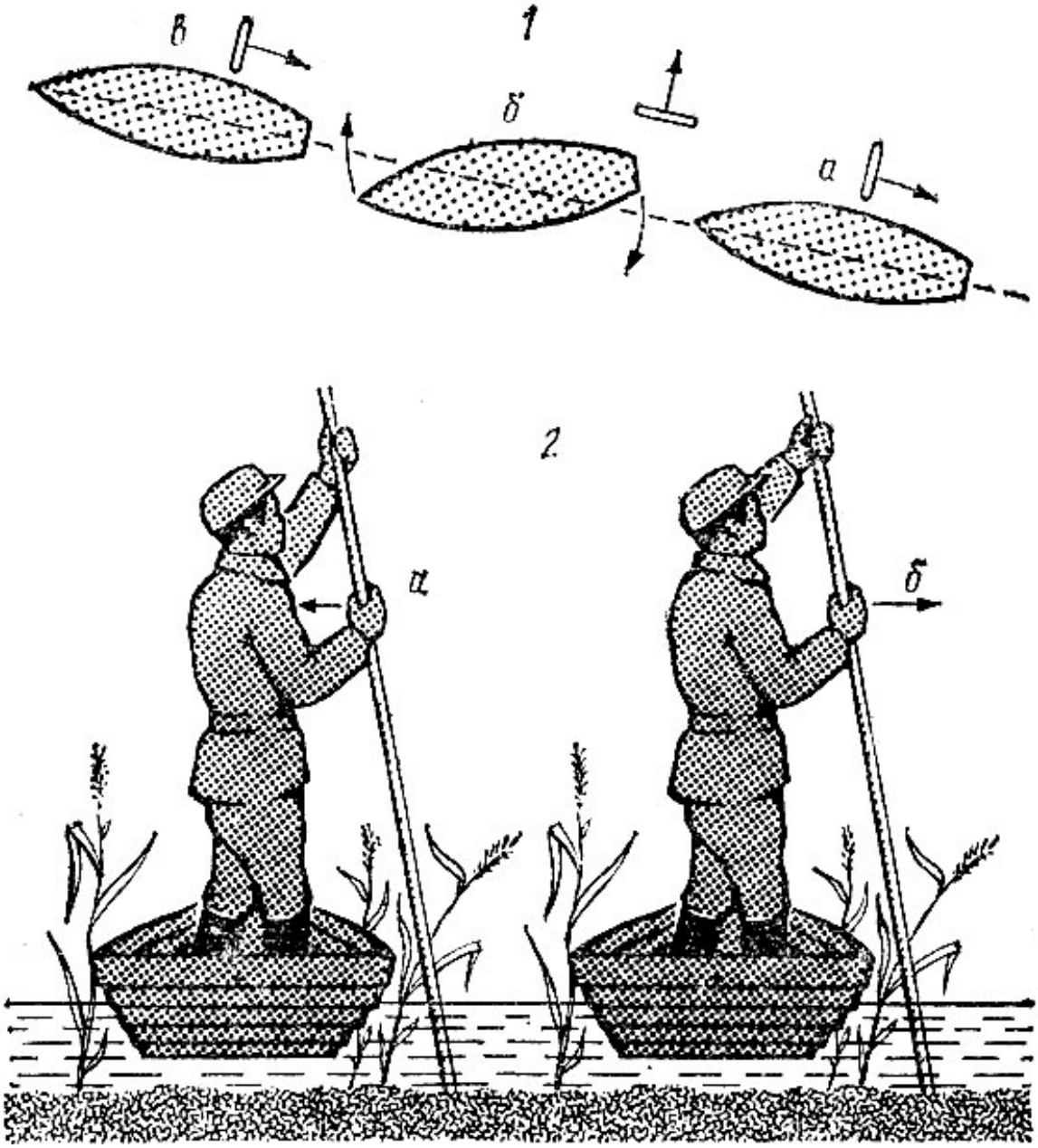

Рис. 15. *Схема управления лодкой с помощью одного весла или шеста:*
1 *— направление движения лодки и положения лопасти весла:* ***а*** *— при начале гребка,* ***б*** *— при подправке,* ***в*** *— при начале нового гребка;* ***2*** *— направление нажима на шест для поворота лодки:* ***а*** *— влево,* ***б*** *— вправо*

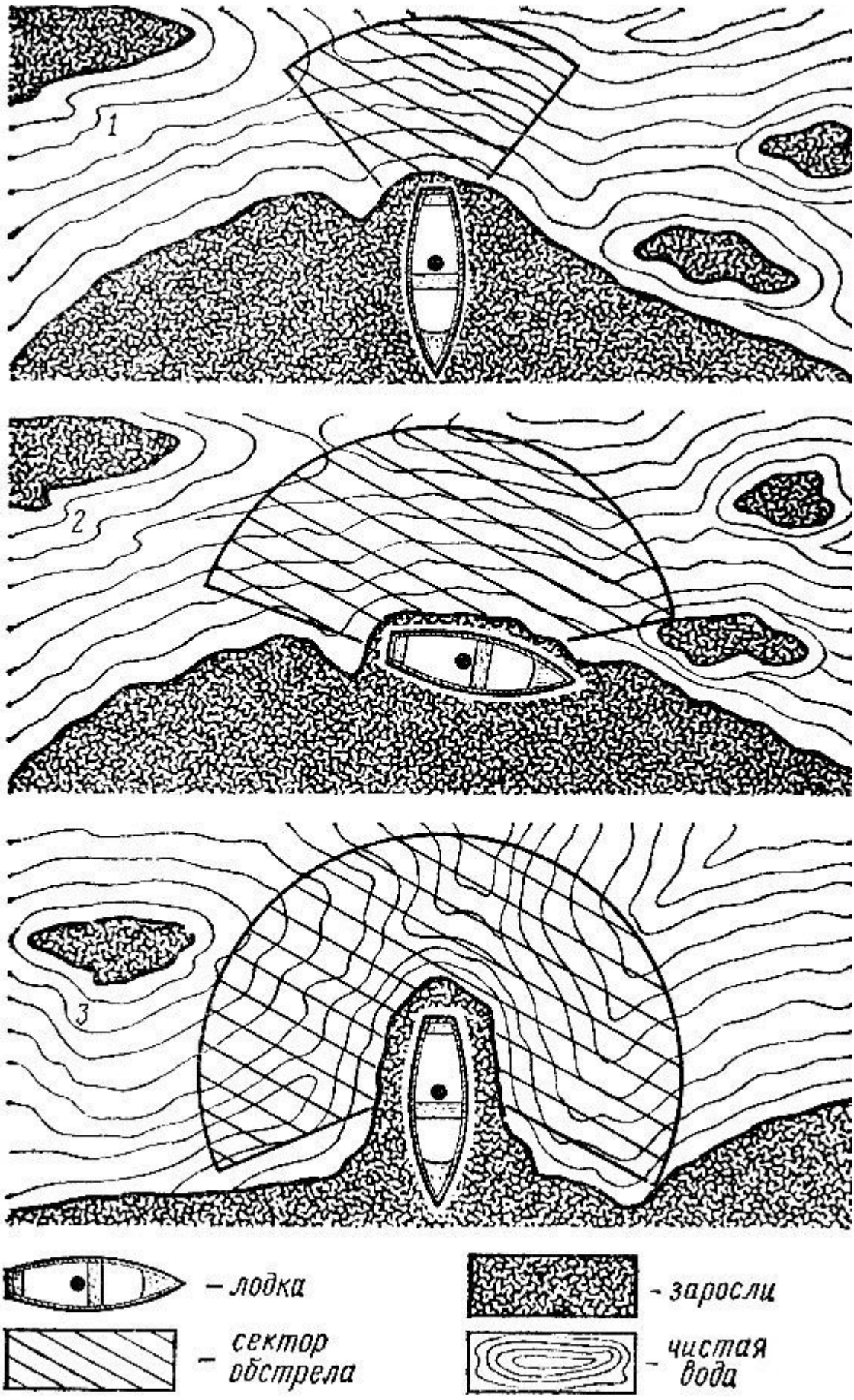

Рис. 16. *Укрытие лодки при охоте:*
1 *— неправильное,* ***2*** *— правильное,* ***3*** *— наиболее выгодное*

Нужно сказать, что во многих охотничьих хозяйствах качество лодочного инвентаря часто бывает ниже всякой критики. Длинных весел (а весло для езды упором должно быть не короче 3 м) вообще нет, а шесты или коротки, или вместо них используются крайне неудобные алюминиевые трубы. Пользоваться ими — истинное мучение, так как они очень тяжелы, а в холодную погоду от них замерзают руки. Хороший шест должен быть длинным — 3, 4, а то и 5 м, легким и иметь в верхней части диаметр не больше 5—6 см. Чем глубже водоем, на котором проводится охота, тем длиннее должен быть шест и тем больше оснований для перехода от него к длинному веслу. Только в этом случае охотник сможет толкаться или грести, не сгибаясь каждый раз в три погибели, что очень утомительно.

Сейчас в магазинах продается великое множество сборных и надувных лодок. Многие из них довольно удобны для ловли рыбы, преодоления водных преград и охоты, там, где она не требует большой езды, а лодка нужна, чтобы добраться до какого-то участка озера, высадить чучела, достать с воды убитую птицу и т.д. Для далеких переездов, для мест, где вся охота проходит на воде, все эти лодки, конечно, менее удобны, чем хороший ботник, челн или кулас. Тем не менее многие охотники, заимев какой-нибудь из имеющихся в продаже образцов, не желают с ним расставаться даже и там, где могли бы пользоваться обычной лодкой. Можно постоянно видеть, как в астраханский поезд садятся товарищи, отягощенные громадными тюками, в которых явно просматриваются детали различных плавсредств. А ведь едут они рыбачить или охотиться туда, где в организованных хозяйствах каждому приезжающему выдается кулас. Несмотря на это, во время охоты в дельте р. Волги или в азовских плавнях вдруг встречаешь охотников в байдарке или резиновой надувной лодке, очень малопригодных в данных условиях. Видимо, здесь действует принцип: если уж я купил и имею эту лодку, то должен ею пользоваться.

Лодка для охотника это не только транспортное средство. Замаскированная соответствующим образом, она превращается в сухой и удобный скрадок. Оснащенная тентом и примусом — может служить настоящим плавучим домом, где можно укрыться от непогоды, вскипятить чайник и выспаться. На обширных водных пространствах, отправляясь на охоту иногда за десятки километров от берега, лодку так и используют.

Необходимо сказать, что умение поставить лодку в укрытие так, чтобы из нее потом было удобно стрелять, требует определенной сноровки. Большинство начинающих охотников, выбрав подходящую куртину тростника, просто загоняют в нее лодку как можно глубже, кормой в сторону того плеса, над которым собираются стрелять. Этим они сразу же ограничивают себе и общий обзор, и сектор обстрела. Гораздо целесообразнее ставить лодку вдоль стены тростника или рогоза так, чтобы от воды один из ее бортов отделялся лишь узкой полосой маскирующей растительности. Лучше всего отыскать для укрытия узкий, выдающийся на чистую воду мысок зарослей и уже в него загонять лодку (**рис. 16**).

Как говорил С.Т. Аксаков, «вода — красота природы», и охота на воде, конечно, прекрасна. Однако именно здесь превратности погоды и всевозможные случайности грозят человеку самыми серьезными опасностями. Часто бывает, что, сидя в замаскированном челне, вы наслаждаетесь тихой прелестью весеннего заката, застывшей гладью широкого разлива, работой подсадной утки, а через какой-то час всей этой идиллии приходит конец. Налетевший шторм гнет и валит стенки шалаша, хлещет в лицо ледяными брызгами, и спокойная поверхность вод вскипает белой пеной стремительно набегающих волн. В этих условиях снять с воды подсадную и чучела и выехать туда, где можно укрыться от непогоды, бывает очень не просто. Лодку захлестывает, шквальный ветер непрерывно сбивает ее с курса и порой самого высокого искусства и напряжения

всех физических сил не хватает, чтобы преодолеть неистовство стихии. На не очень больших закрытых водоемах в этом случае надежнее всего отдаться на волю ветра, дать ему унести вас к подветренному берегу и уже вдоль него, под его защитой, пробираться к дому. Там же, где берега далеко, приходится искать укрытие, место, где можно отсидеться (участок затопленного леса, густую куртину тростника) и переждать непогоду, не выматывая в борьбе с нею силы, да еще с постоянным риском перевернуться.

И все-таки капризы погоды не самое страшное. При умении обращаться с лодкой, соблюдая полное спокойствие, с ними можно справиться. Настоящая беда — это потеря лодки там, где без нее невозможно добраться до суши. При несоблюдении некоторых обязательных правил случиться это может очень просто. Мы часто пользуемся лодкой только для того, чтобы попасть на место охоты, а там, оставив ее, отправляемся в устроенный на каком-либо островке скрадок или туда, где на мелководье, воткнув в дно скамеечку-сидушку, можно укрыться от утиных глаз в самой маленькой куртинке ежеголовника или рогоза. Итак, вы оставили лодку и занялись охотой. Погода чудесная, нет никаких причин для тревоги, а если кое-что и должно бы было вас насторожить, то, охваченные охотничьим азартом, вы этого не замечаете. И вдруг в какую-то минуту вы внезапно осознаете, что вода заметно прибывает. Там, где ее было едва по щиколотку, теперь уже по колено или в вашем ранее сухом шалаше под ногами оказывается совершенно мокро. Подъем воды может быть вызван самыми разными причинами. Интенсивное таяние снега весной, режим работы гидростанции на искусственных водохранилищах, а в дельтовых угодьях — моряна, т.е. сильный ветер с моря, подпирающий и поднимающий речную воду. Причина может быть любая, а результат — один: просто вытащенную на берег или загнанную в чащу водной растительности лодку поднимет прибывающей водой, и ветер или течение унесут ее туда, где вам уже до нее не добраться. А вода все поднимается, заливая последние островки суши, и на самых мелких местах она уже выше сапог, и ни идти, ни плыть некуда. Вот в таких-то ситуациях и возникают случаи, после которых рыбаки, охотники или случайные путники замечают где-нибудь на ветвях торчащего над разливом дерева скорчившуюся фигуру своего собрата.

Очень сильные моряны, поднимающие уровень воды на 2 м и более, бывают в угодьях дельты р. Волги. Их особенность заключается в том, что, создавая, с одной стороны, ситуацию (сильный штормовой ветер, волнение), требующую от охотника осторожности, с другой — сопровождается резким увеличением количества дичи, возбуждающим охотничий азарт и снижающим внимание ко всему остальному. Стоит подуть моряне и начаться подъему воды, как на отмелях Каспийского взморья гусям и уткам становится неуютно. Десятки тысяч птиц поднимаются в воздух, и стая за стаей устремляются под защиту тростников в култуки и закрытые ильмени дельты. По всему горизонту от края до края тянутся вереницы гусей и косяки уток. Зрелище это само по себе настолько волнует (не говоря уже о возможности то и дело стрелять), что невольно забываешь и о времени, и о том, как придется возвращаться на базу, а иной раз и об оставленном где-то куласе.

Вывод из всего вышесказанного только один — оставляя где-либо лодку, ее необходимо привязывать к дереву, достаточно надежному кусту, вбитому в берег или в дно водоема шесту. Таково первое обязательное правило.

Второе правило заключается в том, чтобы место, где поставлена лодка, во все время охоты пусть издали, но было вам видно. К сожалению, есть еще люди, считающие лодку, обнаруженную в угодьях и без хозяина бесхозной.

Опасность потерять лодку очень велика и там, где бескрайние пространства мелководий представлены разбросанными по чистой воде участками надводной растительности. При дневной охоте с чучелами спрятаться вместе с лодкой в этих куртинах ежеголовика, сусака или осок обычно трудно, укрыться же в них, сидя на сидушке, можно прекрасно. И вот, выбрав место для засидки, воткнув в дно сидушку и высадив чучела, охотник отгоняет кулас за 100—200 м и прячет его в одной из куртин, а сам возвращается в укрытие. Идет время, налетают и подсаживаются к чучелам утки, охотник стреляет и не раз, и не два выходит из своей засады, чтобы подобрать убитых птиц, догнать и дострелить подстрела и т.д. Ему кажется, что он совершенно точно помнит и знает, где спрятана у него лодка. Уровень воды не меняется, ветра нет, кулас он привязал, и никаких опасений за его судьбу у охотника нет. Но вот настало время возвращаться домой, охотник идет за лодкой, но там, где, по его мнению, она должна быть, ее не оказывается, нет даже и следов того, что она тут была. Во второй, третьей, четвертой, обследуемой охотником куртинах, — то же. Охотник возвращается к месту засидки, чтобы разобраться в обстановке, проверить свою память — тщетно, повторные поиски ни к чему не приводят. Тем временем солнце скрывается за горизонтом, все больше сгущаются сумерки и искать становится все труднее. Уже не видно высаженных на воду чучел и того гляди, не найдя куласа, потеряешь и место засидки, где на худой конец можно прокоротать ночь, сидя на сухой скамеечке, а утром снова начать поиски. Перспектива, конечно, малоприятная, но что же делать?

Всего этого не было бы, вспомни охотник третью заповедь — ставить возле спрятанной лодки какой-либо «маяк», лучше всего — воткнуть в дно лодочный шест с подвешенной на него тряпкой. В стороне от засидки это сооружение уток совершенно не тревожит, а место, где укрыта лодка, позволяет определить сразу же. На первый взгляд описанная ситуация вызывает недоумение — ну как это в сотне метров не найти место, которое специально старался запомнить? Однако кундраки в дельте Волги настолько однообразны, их вид так меняется от особенностей освещения, что и очень многие известные мне охотники, и я сам не раз, поленившись поставить «маяк», тратил на отыскание спрятанного куласа изрядное время.

В целом же, как ни соблазнительно иногда бывает поохотиться там, куда из-за недостататочной глубины воды попасть на лодке невозможно или где маскировка ее сопряжена с большими трудностями, а все же среди обширных водных просторов с челном или куласом лучше не расставаться. Если же приходится это делать, то оставлять их следует как можно ближе к месту охоты, надежно привязанными и отмеченными какой-нибудь вехой.

Ружье

В принципе для охоты по водоплавающей дичи подходит любое ружье, обладающее достаточно надежным боем. Дело в том, что даже в начале осени, когда молодые утки и гуси некрепки на рану, слабый бой ружья ведет к большому количеству подранков, а находить и достреливать их в залитых водой кочкарниках, камышах и тростниковых крепях — дело отнюдь не простое. К концу осени плотное оперение и пух полностью перелинявших птиц в значительной мере защищают их от удара дроби, и при недостаточной резкости боя подранков бывает еще больше. Конструктивные особенности ружья практически значения не имеют. Правда, обычная двустволка всегда кажется предпочтительнее многозарядных ружей и вот почему. Во-первых, любой автомат или

полуавтомат более требовательны к уходу и качеству патронов, а на охоте по уткам ружье подвергается иногда серьезным испытаниям. Во-вторых, особенно в период осеннего пролета, охотник никогда не знает, по какой птице (крякве, чирку или гусю) придется ему сделать следующий выстрел. Разыскал он, допустим, место чирковой дневки, устроился, высадил чучела и заполнил магазин своего МЦ-21, «Браунинга» или «Ремингтона» патронами с 7-м, а то и 8-м номером дроби. И все будет обстоять прекрасно, пока не налетит на него табунок гусей или казарок. Вот тут-то и вспомнит он о двустволке, в левом стволе которой мог бы быть патрон с крупной дробью (на охоте такие казусы случаются то и дело).

То, что мы имеем дело с достаточно крепкой на бой птицей, умеющей к тому же в случае ранения очень искусно прятаться и спасаться от преследования, говорит о предпочтительности ружей относительно крупного (12-го и 16-го) калибра. При 20-м калибре ружье должно быть достаточно массивным для использования сильных зарядов. Единственной конструктивной особенностью ружья для охоты на воде должно быть наличие антабок для пристегивания погона. Это обязательно, так как ружье с погоном, утопленное даже на достаточной глубине, можно достать, подцепив за погон коклюшкой шеста, крюком или привязанной на веревку «кошкой». Ружье без погона ничем не подцепишь и за ним нужно нырять, что весной или поздней осенью далеко не всегда возможно.

То, что охота на уток и гусей, как правило, проходит на воде, требует более внимательного ухода за ружьем. Вода, как известно, отнюдь не полезна для металлических предметов, а на охоте, как ни стараешься, как ни бережешься, ружье обязательно забрызгаешь, захватаешь мокрыми руками, а то и окунешь в воду. У тех, кто перед охотой не удосужился как следует смазать его снаружи, к вечеру рыжеватые пятна ржавчины уже проступают и по воронению стволов, и на колодке, а деревянные части цевья и ложи, набухнув, выдаются над врезанными в них металлическими деталями. Правда, некоторые товарищи относятся к этому с полным равнодушием. Расплата приходит потом в виде осечек» нарушений работы эжекторов или запирающего механизма. Если вода и даже сырость противопоказаны самому ружью, то еще более они губительны для патронов. Даже если влага не проникала в капсюль или пороховой заряд, то само намокание и разбухание папковой гильзы делает патрон практически негодным к употреблению: он перестает входить в патронник. В крайнем случае можно, конечно, содрав с набухшей гильзы несколько слоев бумаги, добиться того, что она войдет в ружье, но процедура эта малоприятная. Полиэтиленовые гильзы воды не боятся, однако если все же вода через дробовой снаряд просочится до картонных пыжевых прокладок — они тоже разбухают, распирают гильзу, и она без калибровки перестает легко входить в патронник. Может случиться, что подмокают уже вложенные в ружья патроны (главным образом при попадании воды в стволы). Иногда они так заклиниваются в патронниках, что ни экстрактор ружья, ни эжектор (даже после выстрела) их оттуда выдвинуть не могут и приходится прибегать к помощи шомпола. Величайшую ошибку делают те, кто в пылу охотничьего азарта силой загоняют в патронники не идущие туда патроны или не открывающееся из-за раздувшихся гильз ружье пробуют переломить чуть ли не через колено. Потерять день охоты по вине до половины вошедшего в ствол и намертво застрявшего патрона или сорвать у ружья экстрактор здесь легче легкого. Чтобы избежать всех этих неприятностей, необходимо всемерно беречь патроны от сырости, пользоваться лишь теми из них, которые без труда входят в ружье, иметь при себе калибровку, ручной экстрактор и шомпол. Предохранить ружье и патроны от сырости и грязи (тем более от ила, всегда содержащего в себе какое-то количество песка, что для ружья особенно

опасно) в значительной степени можно, поддерживая в лодке чистоту и сухость. Многие охотники к этому отнюдь не стремятся. Им даже в голову не приходит, входя в лодку, ополоснуть сапоги от налипших на них ила и тины и хоть немного подождать, пока с сапог стечет вода. Они не утруждают себя попытками очистить шест от грязи, прежде чем положить его в кулас, а отчерпывать набравшуюся в лодку воду начинают лишь тогда, когда ее больше, чем достаточно. В результате опасность вымазать и намочить ружье и патроны возрастает многократно, и создается целая масса неудобств — подмоченные спички, сигареты, продукты и одежда. В лодке всегда нужно иметь специальный черпак или консервную банку для отчерпывания воды.

И, наконец, стоит остановиться на правилах стрельбы из лодки. Как ни устойчивы на воде предназначенные для охоты ботники, челны и куласы, а все-таки они всегда подвержены качке. Одно резкое движение, мимолетное перемещение охотника на один из бортов — и лодка уже накренилась так неожиданно, что стоя в ней легко потерять равновесие. Это особенно надо учитывать, когда в лодке находятся два или три человека. Их несогласованные действия очень часто ведут к общему непреднамеренному купанию. Стрелять стоя из незакрепленной лодки может лишь тот, кто эту лодку полностью освоил и находится в ней один. Однако и тогда необходимо быть очень осторожным, особенно если приходится стрелять по прямо и высоко налетающей на вас птице, а вы находитесь при этом лицом к борту лодки. При выстреле вверх корпус всегда слегка откидывается назад, что в совокупности с отдачей ружья никак не способствует сохранению равновесия.

Когда лодка закреплена на воде (стоит в устроенном для нее шалаше, загнана в куртину тростника или рогоза), устойчивость ее резко повышается и в ней можно чувствовать себя и стрелять совершенно спокойно. Довольно часто бывает, что из одного челна или ботника охотятся двое. Например, при охоте с подъезда один, находясь в корме, гонит лодку, второй, сидя на средней банке, стреляет по взлетающим уткам. При этом тот, кто гребет или толкается ни в коем случае стрелять не должен — это крайне опасно. Он находится за спиной своего напарника, и в этой позиции какие бы то ни было манипуляции с заряженным ружьем абсолютно недопустимы. В ходе охоты партнеры просто время от времени могут меняться местами — тот, кто гнал лодку, пересаживается на место стрелка, и наоборот.

При весенней охоте с подсадной или осенью с чучелами стрелять из укрытой в скрадке лодки могут оба охотника. Однако сидеть они обязательно должны спиной друг к другу, так, чтобы секторы их обстрела не совпадали. Кроме того, следует помнить, что в момент, когда один из них стреляет, другой должен соблюдать полную неподвижность. Если же он будет суетиться, пересаживаться, наклоняться с тем, чтобы лучше уследить результаты выстрела своего товарища, он обязательно качнет лодку и помешает тому взять верный прицел.

О необходимости крайне осторожного обращения с охотничьим ружьем писали неоднократно. Однако особенности охоты с лодки диктуют дополнительные меры предосторожности. Охотник постоянно должен помнить о необходимости предотвращения двух опасностей: случайного выстрела, от которого может пострадать он сам и его лодка, и падения ружья в воду. Чтобы избежать и того и другого, следует соблюдать следующие правила. Прежде всего во время переездов к месту охоты и обратно ружье разряжать, В ходе охоты заряженное ружье никогда не класть стволами к себе, ни в коем случае не класть на него какие-либо вещи, куртку, рюкзак, меток с чучелами, и, собираясь взять ружье, ни при каких обстоятельствах не тянуть его к себе за стволы. Это

крайне важно, так как предотвращает возможность случайного выстрела при толчке лодки о берег, мель или плавающее бревно, или из-за того, что курок взвелся и предохранитель сдвинулся, зацепившись о наложенные на ружье вещи. Никогда не класть ружье на опалубку челна, на борта поперек лодки или так, чтобы стволы выступали за лодочный борт: при случайном крене лодки ружье может соскользнуть в воду; его может выбросить из лодки стеблями тростника или торчащей над водой веткой, зацепившей стволы. Ружье следует класть поверх вещей на дно лодки, опирая концами стволов о центральную или носовую банку (скамейку), либо на положенный под него рюкзак.

Что касается самой стрельбы по водоплавающей дичи, а вернее, умения попадать во взлетающую или налетающую на вас птицу, то освоить это можно только на практике. Научить этому искусству нельзя. Многочисленные руководства, подробно излагающие технику стрельбы «на вскидку», «с подводкой», «с досылом» и т.д., дающие рекомендации о том, какое упреждение следует брать при выстреле по так или иначе летящей утке, в лучшем случае закладывают лишь теоретическую основу умения попадать в движущуюся цель. Прежде всего условия стрельбы настолько разнообразны, что предусмотреть их все в самой подробной инструкции практически невозможно. Птицы налетают или улетают от вас под самыми различными углами, на разном расстоянии и с совершенно различной скоростью. Одно дело, когда кряква, выбирая место для посадки, неторопливо пролетает над плесом или начинает летать над чучелами. Совершенно иное, когда та же кряква, разлетевшись по ветру, стремительно проносится мимо, выцеливать ее в этих случаях приходится абсолютно по-разному.

Любой из нас от природы наделен своей собственной, сугубо индивидуальной скоростью реакции. Отдельным охотникам требуется разное время не только для того, чтобы вскинуть к плечу ружье и прицелиться, но и для того, чтобы выстрелить. С момента, когда в сознании вспыхивает решение стрелять, и до того мига, в который лежащий на спуске палец приведет это решение в исполнение, у первого охотника пролетит одно, у второго несколько мгновений. А это значит, что для того, чтобы попасть в быстро летящую утку, им нужно брать разное упреждение: в момент нажатия на спуск полностью закрыть утку стволами или выносить точку прицеливания много дальше вперед.

Каждому охотнику в ходе охоты приходится искать свою стрельбу и то, что хорошо для одного охотника, для другого может не подойти совершенно. Кстати сказать, использование на охоте чучел потому и помогает большинству из охотников лучше стрелять, что в какой-то мере сокращает бесконечные разнообразия ситуаций для выстрела. Подворачивая к чучелам, снижаясь над ними или заходя на посадку, утки оказываются по отношению к охотнику на более или менее одинаковом расстоянии и в относительно стандартных положениях.

Итак, единственное, что можно при охоте на водоплавающих посоветовать начинающему это: не злоупотреблять крупной дробью (крупнее 4-го номера для утки не нужно), так как это только увеличивает количество подстрелов; не стараться напустить налетающих птиц как можно ближе, но и не стрелять далее 30 м (в первом случае очень велика возможность промаха, во втором — ранение и потеря птицы); обязательно сразу же достреливать упавшую птицу, если есть хотя малейшее сомнение в том, что она бита намертво.

Прочие детали снаряжения

Одной из основных проблем, с которой мы сталкиваемся при охоте на уток и гусей, является необходимость спрятаться, замаскироваться от зорких птичьих глаз. Естественные укрытия типа кустов и куртин надводной растительности бывают далеко не везде. Устройство скрадков из всевозможных подручных материалов иногда бывает довольно трудоемко.

Чтобы облегчить себе это дело, некоторые товарищи прибегают ко всевозможным ухищрениям, пополняя набор своего охотничьего снаряжения новыми и порой неожиданными предметами. Чаще всего это стенки для съемного, переносного скрадка, укрывающего охотника иногда вместе с лодкой. Для них используют полотнища камуфлированной ткани (бязь, мешковина, плащпалаточный материал) с прорезанными для обзора и стрельбы окошечками; всевозможные маты, сплетенные или связанные из стеблей камыша, рогоза или тростника; полотнища крупноячеистой, а то и просто рыболовной сети. Каждый из этих материалов при использовании на охоте имеет свои достоинства и недостатки. Так, матерчатые стенки портативны, их легко и быстро можно натянуть на воткнутые в дно водоема или берег колья, и они надежно укрывают охотника. Однако устроенные с их помощью скрадки очень выделяются на местности и у дичи, по-видимому, вызывают подозрение. В ветреную погоду натянутая ткань парусит, вибрирует и хлопает, как бы прочно мы ее ни закрепили, и при этих условиях птица уже явно таких скрадков боится. Тростниковые и камышовые маты очень удобны для маскировки. Вид устроенных из них укрытий уток не отпугивает, но они крайне громоздки, а значит, трудны для перевозки (особенно после того, как намокнут) и непрочны. Полотнища сетей легки, портативны и легко натягиваются на основу скрадка. Однако сами по себе они недостаточно укрывают охотника и на них приходится набрасывать дополнительную маскировку в виде листьев, стеблей и сухих водорослей. Скрадок удается поставить быстро, он не пугает дичь и легко выдерживает ветер. Зато при попытке разобрать построенное укрытие, чтобы использовать сеть повторно в другом месте, возникают величайшие сложности. Сетка так запутывается, набросанный на нее маскировочный материал так в ней застревает, что расправить весь этот комок из ниток, веток и камышин очень трудно. Поэтому зачастую бывает, что, соорудив шалаш, поохотившись из него, а потом потратив массу времени на то, чтобы его разобрать, в дальнейшем уже избегаешь использовать для маскировки сетку. Удобнее всего маскироваться, охотясь на подъездном челне. В его фальшбортах обычно делаются гнезда, втыкая в которые ветки или пучки тростника, можно устроить вокруг себя настоящий скрадок. В эти же гнезда можно укрепить 3—4 дуги — основу для тента, предохраняющего охотника от непогоды (**рис. 17**).

При охоте из лодки, над которой натянуть тент трудно, иметь с собой брезент или полиэтиленовую пленку крайне полезно. В случае дождя ими можно не только защититься самому, но и, отправляясь на охоту, укрыть лодку. Тогда оставленные в ней вещи и приготовленное для ночлега сено останутся сухими.

Выше уже не раз упоминалось о сидушке — скамеечке (**рис. 18**), втыкаемой в дно водоема там, где мелководье не позволяет укрыться вместе с куласом. Вещь эта крайне полезная, но, как и любая часть охотничьего снаряжения, должна быть сделана добротно. Хлипкая, расшатанная, плохо втыкающаяся в грунт сидушка — приспособление весьма коварное. Сидеть, соблюдая осторожность, на ней кое-как можно, но чуть позабудешься, резко повернешься или торопливо сядешь — и окажешься в воде. Сидушка должна быть прочно сколочена из обрезков толстых (не менее 40—50 мм) досок, большими надежными гвоздями, концы которых обязательно должны проходить сквозь доски насквозь и

загибаться. В противном случае, пробуя вытащить ее из ила, можно очень легко оторвать сиденье от ножки. Конечно, прочная сидушка имеет больший вес, но далеко носить ее в руках не приходится. Очень важно, чтобы на сиденье не было не только явно торчащих, но и хоть немного выступающих шляпок гвоздей, сучков или иных неровностей. За несколько часов, которые охотнику часто приходится проводить на этой скамеечке, да еще все время поворачиваясь из стороны в сторону, любой выступ будет весьма ощутим.

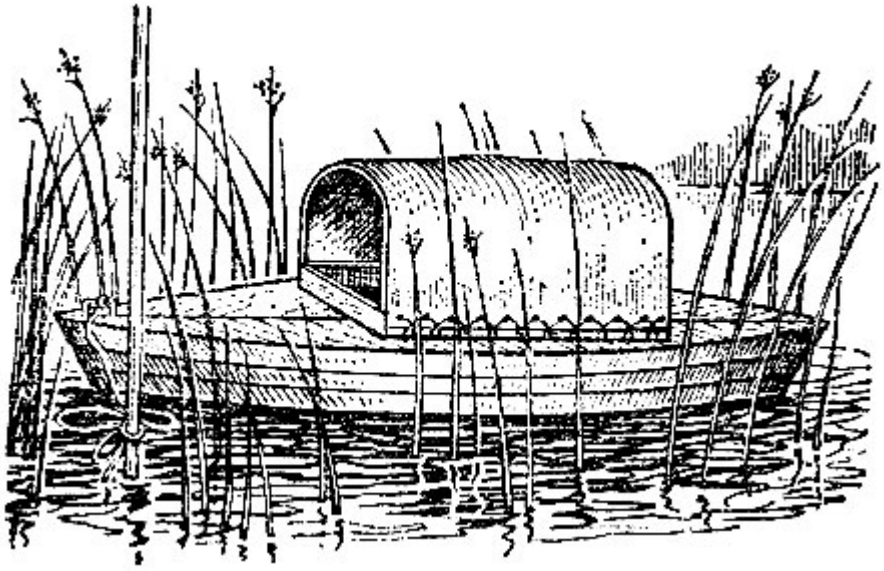

Рис. 17. *Подъездной челн с тентом*

При охоте на большой воде необходимо иметь при себе электрический фонарик и не только потому, что с его помощью в темноте легче и удобнее перед выездом на охоту разместить в лодке все, что нужно захватить с собой, а, вернувшись на базу, собрать из лодки вещи и дичь. Очень важно, что фонарь может служить для сигнализации, чтобы ночью заблудившийся охотник или тот, кто почему-либо не может сам добраться до дому, показал бы свое местонахождение товарищам или отыскивающему его егерю. Крики и даже выстрелы здесь не всегда могут помочь — их относит ветром, да и определить на большом расстоянии место, откуда они доносятся, трудно. Свет же фонаря среди погруженных во тьму просторов водных угодий виден издали и служит надежным ориентиром.

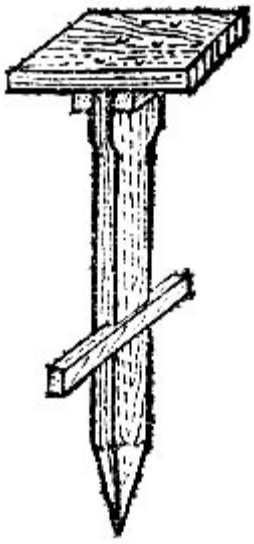

Рис. 18. *Сидушка*

Вне критических ситуаций, в процессе охоты, разъехавшись с товарищем по разным концам какой-нибудь чистины, к вечеру хочется встретиться и вместе отправиться в обратный путь. Это тем более желательно, что возвращение порознь всегда сопряжено с мыслями о том, все ли у напарника благополучно и не нуждается ли он в помощи. Для того чтобы в сгущающихся сумерках найти друг друга, проще всего «перемигнуться» фонарями.

Очень часто охотник на лодке оказывается беспомощным, упустив или потеряв весло или шест. Он может выпустить их из рук и их унесет течением, может недостаточно надежно воткнуть их в дно и не заметить, как они свалились на воду и волной их понесло неведомо куда. Чтобы этого не произошло, в лодке нужно иметь запасной кормовик или короткий шестик, а самое главное — необходимо основное весло либо шест хранить со всем вниманием и тщением.

Таковы основные правила охоты на водоплавающих. Тот, кто будет неукоснительно их придерживаться, ничего, кроме удовольствия, от охоты не получит. Легкомысленное пренебрежение правилами может привести к тяжким последствиям.

Заключение

Одной из основных причин, тормозящих развитие охоты и снижающих ее продуктивность, является ложное представление о том, что критерием благополучия в области охотничьего хозяйства должно быть все возрастающее количество дичи. Стремясь к наращиванию запасов представителей охотничьей фауны, мы нередко забываем одну элементарную истину. Суть ее сводится к тому, что емкость местообитаний охотничьих животных далеко не беспредельна. Запасы кормов, наличие укрытий и мест, пригодных для гнездования, сама площадь угодий могут обеспечить благополучное существование лишь определенного количества животных. Превышение этой биологической емкости местообитаний в ряде случаев чревато самыми печальными последствиями. Примеры гибели животных от бескормицы (олень, лось, косуля, кабан, нутрия), вызванной перенаселением, неоднократно имели место. Еще более часты откочевки животных из мест, где их завышенная численность на протяжении ряда лет привела к снижению запасов корма. В природоохранительном плане такое расселение, возможно, не следует рассматривать как положительное явление (популяциями зверя или птицы обогащаются все большие территории), но для охотничьего хозяйства откочевка дичи за пределы его границ положительной оценки вызвать не может — поголовье животных, на охрану и сбережение которого затрачивались труд и средства, уходит из-под контроля, и возможности его охотхозяйственного освоения ликвидируются.

Печальные последствия перенаселения особенно заметны при ведении охотничьего хозяйства на крупных, относительно малоподвижных представителей охотничьей фауны, которые прекрасно приспособлены к жизни в освоенных человеком местах, используют себе на благо плоды человеческого труда и поэтому быстро наращивают численность (лось, олень и кабан).

С пернатой, в том числе и водоплавающей, дичью дело обстоит несколько по-другому. Случаев массовой гибели птиц, вызванных перенаселением угодий, нехваткой кормов или дефицитом убежищ, практически нет: во-первых, современная плотность населения дичи очень далека от предельно возможной; во-вторых, представители водоплавающей дичи очень подвижны и, ощутив где-либо недостаток кормов, мест гнездования или отдыха, легко могут переселиться туда, где указанного дефицита нет; в-третьих, последствия хозяйственной деятельности человека в громадном большинстве случаев не улучшают, а, наоборот, ухудшают условия обитания птиц (гидромелиорация, загрязнение вод, постоянный фактор беспокойства и т.д.), поэтому тенденция к увеличению численности их популяций отсутствует.

Стремление к накоплению запасов водоплавающих толкает органы управления охотничьим хозяйством на проведение в жизнь политики охранительства, всемерного ограничения охоты по срокам и способам ее проведения. Под лозунгом охраны природы, например, запреты и ограничения весенней охоты нигде и ни разу не давали увеличения запасов водоплавающей дичи, но вызывали нарушение нормального соотношения самцов и самок в ее популяциях, что привело к снижению темпов воспроизводства поголовья. Вследствие ограничений ходовых охот на протяжении многих лет охотники, преимущественно на перелетах, изымают из популяции самые полноценные и жизнеспособные экземпляры.

При ведении охотничьего хозяйства на водоплавающих мы имеем дело с перелетными птицами, которые на полгода покидают пределы нашей страны. Избавленные нашим охранительством от сокращения поголовья, они, сохраняя высокую численность,

отлетают в страны Европы, Азии и Африки, где подвергаются интенсивному отстрелу. Этому способствуют и сократившиеся почти повсеместно площади зимовок, что увеличивает концентрацию на них дичи и делает ее более легкой добычей. Большой ущерб популяциям наносит и браконьерство. Даже в пределах нашей страны (например, в Азербайджане или в республиках Средней Азии) массовый отлов уток на зимовках сетями еще имеет место, и искоренить его до конца никак не удается. Практически нет ограничений для промысловой добычи водоплавающей дичи на южном побережье Каспия. Затрачивая много труда и денежных средств на охрану, биотехнические мероприятия и воспроизводство поголовья уток, гусей и казарок, ограничивая себя сроками охоты и низкими нормами добычи, мы обеспечиваем богатую охоту за пределами территории нашей страны. По продолжительности сроков охоты и среднесезонной норме добытых уток на одного охотника ограничения у нас чуть ли не самые строгие в Европе. Думается, что гордость и удовлетворение, испытываемое руководителями охотхозяйственной отрасли от претворения ими в жизнь охранно-запретительных мероприятий, — недостаточная компенсация охотникам за вложенные ими труд и средства в ведение хозяйства.

Цель ведения охотничьего хозяйства на любой вид животных, в том числе на уток, гусей и казарок — это прежде всего повышение возможности охоты на них для миллионов охотников нашей страны. Сбережение популяций водоплавающих необходимо для того, чтобы они служили объектом использования, т.е. охоты.

Нам могут возразить, что более интенсивная эксплуатация запасов водоплавающей дичи в нашей стране при сохранении массовой добычи птиц на зарубежных зимовках может повести к прогрессирующему снижению численности популяций. Однако, как уже отмечалось, подорвать чрезмерной охотой запасы водоплавающих трудно. Птицы достаточно осторожны, способны легко менять места своего пребывания, если их там постоянно преследуют, и в ходе размножения достаточно быстро восстанавливают численность. Осуществляя их добычу в строгом соответствии G ежегодными темпами воспроизводства и направляя основные усилия не на жесткую охрану дичи от охотника, а на борьбу с браконьерством и устранение неблагоприятных факторов, которые более всего ухудшают условия жизни водоплавающих, мы успешно можем добиться сбережения и рационального хозяйственного освоения популяций водоплавающей дичи.

Список литературы

1. Банников А.Г., Флинт В.Е. Мы должны их спасти. — М.: Мысль, 1980, с. 151—152.

2. Виноградов В.В. Оценка угодий водоплавающих птиц в дельте Волги. — В сб. Материалы VI Всесоюзной орнитологической конференции. — М.: Изд-во МГУ, 1974, ч. II, с. 251—255.

3. Дробовцев В.И. Водоплавающие в добыче и в природе. — М.: Охота и охотничье хозяйство, 1975, № 9, 17 с.

4. Зыкова Л.Ю. Первые результаты кольцевания, водоплавающих птиц егерями РСФСР. — Труды Окского гос. заповедника. Воронеж, 1965, в. IV, с. 286—295.

5. Кривенко В.Г. Состояние и пути повышения производительности водных охотничьих угодий дельты Волги. — Охотоведение. М.: Лесн. пром-сть, 1972, с. 182—197.

6. Михельсон Г.А. Некоторые перспективные пути сохранения гнездящихся уток в густонаселенных территориях. — Материалы III Всесоюзной орнитологической конференции. Львов, 1962, кн. II, с. 87—103.

7. Шеварева Т.П. О продолжительности жизни птиц в природе. — В сб.: Орнитология. М.: Изд-во МГУ, I960, в. 3, с. 48—54.

Ярослав Сергеевич Русанов

Водоплавающая дичь

Зав. редакцией **В.Г. Долгополое**
Редактор **А.М. Лаврова**
Художник **И.А. Слюсарев**
Художественный редактор **М.Д. Северина**
Технический редактор **Г.Г. Хацкевич**
Корректор **Н.Я. Туманова**

ИБ № 4918
Сдано в набор 25.03.86. Подписано в печать 11.07.86. Т-13649. Формат 84×l08$^{1}/_{32}$. Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,29. Уч.-изд. л. 9,75. Изд. № 413. Тираж 110000 экз. Зак. № 686. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО «Агропромиздат», 107807, ГСП, Москва, Б-53, ул. Садовая-Спасская, 18.

Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А.А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

Отпечатано с матриц во Владимирской типографии Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 600000, г, Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.

ВО "Агропромиздат"
выпустит в 1987 году
следующую литературу:

Гончие / Дмитриев Б.В. — М.: Агропромиздат, 1987. — 15 л. — В пер.: 2 р. 90 к.

Книга посвящена наиболее распространенной в нашей стране группе охотничьих собак — гончим. Основное внимание уделено отечественным породам — русской и русской пегой гончим, охоте с ними, формированию и современному состоянию этих уникальных пород. Содержатся сведения о других гончих, распространенных в нашей стране, — эстонских, латвийских, литовских, выведенных в послевоенные годы охотниками Прибалтики, а также о биглях, получивших распространение в последнее время.

Для охотников и собаководов-любителей.

Охота и закон / Улитин А.А. — М.: Агропромиздат, 1987. — 13 л. — 55 к.

Представлены сведения о государственном охотничьем фонде, мероприятиях по охране, воспроизводству и обогащению фауны в СССР, о практической организации и передовом опыте государственного охотничьего надзора. Рассказано об охотничьем законодательстве, о правовых нормах и методах борьбы с браконьерством и другими нарушениями, об активизации общественности, улучшении массово-разъяснительной работы, перспективных задачах по развитию охотничьего хозяйства и надзора. В приложениях приведены законодательные и другие нормативные материалы, необходимые справочные сведения.

Для работников Госохотнадзора, охотничьего хозяйства, государственной лесной охраны.